

Санкт-Петербургский государственный университет
Восточный факультет

ЧТЕНИЯ

**памяти Б. Н. Мельниченко
и С. Е. Трифонова**

**Материалы Третьей международной
научной конференции**

14–15 марта 2025 г.

Санкт-Петербург
2025

УДК 811.582.334 + 821.582.334+94(593)](082)
ББК 63.3(5Таи)я434+81.731.4я434+83.3(=731.4)я434
Д54

Рецензенты:
к.ф.н., проф. Алексей Анатольевич Родионов;
к.ф.н., доц. Сергей Юрьевич Дмитренко

**Ч77 Чтения памяти Б. Н. Мельниченко и С. Е. Трифонова:
Материалы Третьей международной научной конференции.
14–15 марта 2025 г. / Сост. М. А. Игнатьев. — СПб. : РХГА,
2025. — 224 с.**

ISBN 978-5-907987-59-3

В сборнике представлены статьи участников III Международной научной конференции «Чтения памяти Б. Н. Мельниченко и С. Е. Трифонова». Конференция состоялась 14–15 марта 2025 г. в Санкт-Петербургском государственном университете при поддержке Почетного Генерального Консульства Королевства Таиланд в Санкт-Петербурге.

**УДК 811.582.334 + 821.582.334+94(593)](082)
ББК 63.3(5Таи)я434+81.731.4я434+83.3(=731.4)я434**

От составителя

В сборнике представлены статьи участников III Международной научной конференции «Чтения памяти Б. Н. Мельниченко и С. Е. Трифонова». Конференция состоялась 14–15 марта 2025 г. в Санкт-Петербургском государственном университете при поддержке Почетного Генерального Консульства Королевства Таиланд в Санкт-Петербурге.

* * *

«Чтения памяти Б. Н. Мельниченко и С. Е. Трифонова» — единственная в России регулярная научная конференция, посвящённая изучению Таиланда, которая по сложившейся традиции проходит раз в два года.

Проведение первых Чтений в 2021 г. было продиктовано желанием организаторов почтить память выдающихся ученых-востоковедов — Бориса Николаевича Мельниченко (1935–2018) и Сергея Евгеньевича Трифонова (1960–2019). На протяжении многих десятилетий Б. Н. Мельниченко и С. Е. Трифонов преподавали на Восточном факультете ЛГУ (СПбГУ) и воспитали не одно поколение студентов, связавших жизнь и профессиональный путь с Таиландом. Трудно переоценить тот вклад, который внесли Б. Н. Мельниченко и С. Е. Трифонов в изучение Таиланда в России, в укрепление дружбы между народами двух стран.

В 2023 г. конференция была приурочена к празднованию 125-летия (а точнее, 126-летия) установления дипломатических отношений между Россией и Таиландом. В связи с этой торжественной датой вторые Чтения открывали Его Превосходительство Чрезвычайный и Полномочный Посол Королевства Таиланд в РФ г-н Сасиват Вонгсинсават и Его

Превосходительство Чрезвычайный и Полномочный Посол РФ в Королевстве Таиланд г-н Е. Ю. Томихин. Проведение Чтений получило широкое освещение в городских СМИ. По итогам Чтений 2021 и 2023 гг. были выпущены сборники материалов конференции.

В 2025 г. в третьих Чтениях приняли участие как ведущие отечественные эксперты (СПбГУ, МГУ, МГИМО МИД и др.), так и зарубежные специалисты из тайландских (университет им. короля Чулалонгкорна, университет Тхаммасат, университет Валайлак) и европейских (Гамбургский университет, Венский университет) университетов. (С некоторыми из них действуют подписанные соглашения о сотрудничестве с СПбГУ. В рамках этих соглашений в университете Валайлак было открыто представительство СПбГУ, а проведение совместных мероприятий между СПбГУ и университетом Валайлак стало доброй традицией: так, в конце февраля 2025 г. был проведен совместный онлайн-семинар на тайском языке на тему «История и культура России и Таиланда», приуроченный к празднованию 300-летия Университета.)

В общей сложности в Чтениях в 2025 г. приняли участие более 50 человек, было представлено более 30 докладов на рабочих языках конференции (русском, английском, тайском). Почти треть докладов подготовлена зарубежными учеными, сотрудниками тайландских и европейских вузов. Исследования, представленные на Чтениях, затрагивали широкий круг вопросов, связанных с историей, политикой, литературой, культурой и языками Таиланда. Материалы самых интересных докладов были положены в основу статей, которые и вошли в данный сборник.

Не будет преувеличением сказать, что проведение Чтений вносит весомый вклад в изучение Таиланда в России, предоставляя отечественным специалистам по этой стране

редкую возможность обмена профессионального опыта друг с другом и с зарубежными коллегами, а также способствует укреплению межуниверситетского сотрудничества и давней дружбы между народами двух стран—Таиланда и России.

Составитель сборника, пользуясь возможностью, сердечно благодарит Восточный факультет СПбГУ, в стенах которого проходят Чтения, Почетное Генеральное Консульство Королевства Таиланд в Санкт-Петербурге, которое оказывает неоценимую поддержку в проведении мероприятия и издании сборника, и учёных, принявших участие в дискуссиях и представивших свои исследования.

Editorial Note

The collection comprises articles by participants in the III International Scientific Conference, “Readings in Memory of B.N. Melnichenko and S.E. Trifonov”, which was held on 14–15 March 2023 at St. Petersburg State University, with the support of the Honourable Consulate General of the Kingdom of Thailand in St. Petersburg.

* * *

The “Readings in Memory of B.N. Melnichenko and S. E. Trifonov” is the sole biennial academic conference in Russia exclusively dedicated to Thai studies.

The idea of organizing the inaugural event in the year 2021 is rooted in the sincere aspiration of the organizers to pay homage to the memory of two eminent Soviet and Russian orientalists: Boris Nikolaevich Melnichenko (1935–2018) and Sergei Evgenievich Trifonov (1960–2019). Both scholars dedicated more than four decades to their academic pursuits at Saint Petersburg State University, then known as Leningrad University. Their contributions to the field of Thai studies in Russia and their efforts to foster greater understanding and friendship between Thai and Russian peoples are immeasurable.

In the year 2023, the conference was timed to coincide with the celebration of the 125th (or rather, 126th) anniversary of the establishment of diplomatic relations between Russia and Thailand. On this auspicious occasion, the second conference was inaugurated by His Excellency Mr. Sasivat Wongsinsawat, Ambassador Extraordinary and Plenipotentiary of the Kingdom of Thailand to the Russian Federation, and by His Excellency Mr. Evgeny Tomikhin, Ambassador Extraordinary and Plenipo-

tentiary of the Russian Federation to the Kingdom of Thailand. The conference received extensive coverage in the St. Petersburg's media. Following the events in 2021 and 2023, compilations of conference materials have been published.

The Readings of 2025 are characterized by a wider participation of leading Russian experts, including representatives St. Petersburg State University (SPSU), Moscow State University (MSU), and MGIMO, affiliated with the Ministry of Foreign Affairs. Furthermore, there was a notable participation of foreign scholars from Thailand's esteemed institutions, such as Chulalongkorn University, Thammasat University, and Walailak University, as well as prominent scholars from European universities, such as the University of Hamburg and the University of Vienna. (Signed cooperation agreements with St. Petersburg State University are currently in effect with some of them. As a part of these agreements, a representative office of SPBU has been established at Walailak University. Joint events between the two institutions have become a regular occurrence, with a joint online seminar "The History and Culture of Russia and Thailand" dedicated to the 300th anniversary of SPBU being held at the end of February 2025.)

In 2025, "Readings in Memory of B.N. Melnichenko and S.E. Trifonov" brought together more than 50 participants, with over 30 of them delivering presentations in the working languages of the conferences: Russian, English, and Thai. Nearly one third of the presentations were given by international scholars representing both Thai and European academic institutions, delving into a wide-ranging array of topics spanning Thailand's historical, political, cultural and linguistic aspects. The articles comprising this volume are based on the materials of some of the most fascinating research.

It is fair to state that the Readings significantly contribute to the field of Thai studies in Russia providing domestic

experts with a unique opportunity to exchange professional insights with their colleagues both within the country and abroad. Moreover, they foster the enhancement of interinstitutional collaboration and the perpetuation of the long-standing amity between the people of Russia and Thailand.

We take this opportunity to express our heartfelt gratitude to the Faculty of Asian and African Studies at Saint Petersburg State University, which is hosting the conference, and to the Honorary Consulate-General of the Kingdom of Thailand in St. Petersburg for their invaluable assistance in organizing the event and facilitating the publication of this collection. We also extend our appreciation to the scholars who presented their research findings and engaged in discussions at the conference.

Роль лингвострановедческого подхода в поддержании мотивации учащихся (на примере материалов из истории взаимоотношений России и Таиланда)

А. М. Космаков, Ангсана Ручангдам

*Отделение русского языка, кафедра западных языков,
филологический факультет,
университет Чулалонгкорна, Бангкок
angsana.r@chula.ac.th, alexey.kosmakov@mail.ru*

Одной из проблем в преподавании русского языка как иностранного является поддержание мотивации. Проблема особенно актуальна, когда речь идет об учащихся из регионов, отличающихся рядом культурных особенностей, таких как Юго-Восточная Азия. Представленная статья посвящена роли лингвострановедческого подхода в поддержании мотивации на примере тайских студентов, изучающих русский язык как иностранный.

Целью статьи является изучение мотивационных факторов, влияющих на интерес тайских студентов к изучению русского языка, и определение эффективных стратегий поддержания и усиления этой мотивации. Особое внимание уделяется использованию исторических и культурных материалов, связанных с историей отношений между Россией и Таиландом. Предметом данного исследования является мотивация тайских студентов к изучению русского языка,

рассмотренная через призму их личных размышлений. В соответствии с методологиями, обычно используемыми в исследованиях языковой мотивации, в работе используется сочетание контент-анализа и элементов дискурсивного анализа, которые позволяют выявить повторяющиеся темы, культурные отсылки и эмоциональные оттенки в ответах учащихся.

Развитие международных контактов ориентирует современную методику обучения русскому языку на реальные условия коммуникации, представляющие собой сложные многоуровневые действия субъектов, обменивающихся информацией. Овладение коммуникативной компетенцией предполагает не только совершенное владение самим языком, но и усвоение большого объема неязыковой информации и умение ее интерпретировать. Взаимодействие и сотрудничество, решение вопросов академической адаптации выдвигает в качестве одной из важнейших задач лингвистического образования формирование личности, настроенной на вдумчивый диалог и способной к межкультурной коммуникации и пониманию культуры других народов.

Н. В. Баграмова обращает внимание на изменение целей обучения иностранному языку, произошедшие за последние несколько десятилетий: «Внимание к языку как лингвистическому орудию общения сменилось интересом к самому процессу общения, его не только языковой, но и социолингвистической, прагматической, культуроведческой сути» [Баграмова 2012: 7].

В этой связи закономерным выглядит включение в программу обучения иностранному языку такого компонента как формирование межкультурной коммуникативной компетенции, под которой подразумевается способность эффективно общаться с представителями разных культур. Именно она помогает осознать, что языковые личности, принадлежащие другой культуре, могут оперировать отличными

от привычных способами языкового выражения мыслей, определяя поведение человека. Развитая межкультурная коммуникативная компетенция помогает преодолевать трудности и достигать взаимопонимания с партнерами по коммуникации, представляющими иную культуру, тем самым задавая необходимость погружения в культуру изучаемого языка.

Русский язык как элемент культуры и часть культурного кода, передающегося из поколения в поколение, является также и средством передачи этой культуры представителям других народов. Он открывает доступ к культурным богатствам России, одновременно давая ключ к пониманию самого народа изучаемого языка.

Язык служит важным средством взаимодействия людей, говорящих на нем. Общеизвестно, что язык и культура тесно взаимосвязаны функциями речевой деятельности невозможно овладеть в отрыве от функций культуры и наоборот.

Идущее параллельно с изучением языка ознакомление с реалиями страны и ее культурой неслучайно. Оно позволяет эффективно сочетать языковые явления с элементами страноведения так, что языковые явления выступают не только средством коммуникации, но и способом ознакомления обучаемых с новой для них действительностью.

Владение культурными концептами видится важным условием изучения русского языка, поскольку их совокупность, свойственная русской культуре позволяет погрузиться в систему ценностей и мировоззрения русских людей, а также принять существующие в обществе нормы поведения. Нарушение общепринятых норм поведения, то есть культурные ошибки, совершаемые иностранцами, воспринимаются как правило достаточно эмоционально. Именно они, а не обычные языковые ошибки, чаще производят отрицательное впечатление, поэтому закономерным и обоснованным выглядит включение элементов сопоставления родной

и чужой культуры большинством учебных пособий по РКИ. Л. С. Крючкова и Н. В. Мощинская отмечают, что «учащийся должен не просто понимать языковое выражение, он должен осмыслить, что хочет выразить его партнёр по коммуникации, какую информацию тот хочет сообщить, смысл высказанного. И в этом ему поможет знание культурных традиций» [Крючкова, Мощинская 2014: 56].

Подход, при котором язык изучается в культурно-историческом контексте, известен как лингвострановедческий. При таком подходе одновременно с изучением языка происходит знакомство с иноязычной страной: с ее обычаями, реалиями, культурой, основными историческими событиями, географическими и климатическими особенностями, национальной литературой, мифологией и фольклором.

Современные лингвисты определяют главную роль лингвострановедения, как обучение коммуникативной компетенции в актах межкультурной коммуникации, прежде всего через адекватное восприятие речи собеседника и оригинальных текстов, рассчитанных на носителей языка [Варламова 2015].

Лингвострановедческий аспект является одним из важнейших элементов в обучении иностранному языку и способствует его эффективному изучению. Лингвострановедение подставляет собой аспект преподавания русского языка студентам-иностранцам, в котором «с целью обеспечения коммуникативности обучения и для решения общеобразовательных и гуманистических задач лингводидактически реализуется кумулятивная функция языка и проводится аккультурация адресата, причем методика преподавания имеет филологическую природу — ознакомление проводится через посредство русского языка и в процессе его изучения» [Верещагин, Костомаров 1990: 37]. Под этим термином понимается сочетание в преподавании страноведческого материала

(исторических, литературных, географических, экономических и многих других сведений, относящихся к познанию страны изучаемого языка) и филологической методики. Язык выступает как средство познания национальной культуры, при этом сама национальная культура рассматривается как обязательное условие адекватного, полного овладения русским языком [Крючкова, Мощинская 2014: 62].

Одной из существенных функций лингвострановедческого подхода в изучении иностранного языка является то, что он повышает, а иногда и прямо обеспечивает мотивацию овладения языком. Учащиеся, как правило, с повышенным интересом относятся к реалиям страны изучаемого языка: к ее повседневной жизни, культуре, искусству, истории и традициям.

Сама мотивация определяется исследователями как сложная, многоуровневая неоднородная система побудителей, включающая в себя потребности, мотивы, интересы, идеалы, стремления, установки, эмоции, нормы, ценности и т. д. [Зимняя 2005: 218].

Специалисты в области психологии и методики обучения иностранным языкам отмечают высокую значимость мотивации в учебном процессе — её отсутствие лишает деятельность учащегося смысла и его личной ориентированности на достижение цели [Зимняя 1991: 76]. Личная заинтересованность положительно влияет на механизмы когнитивной и речевой деятельности (восприятие, внимание, память, мышление), повышает работоспособность, способствует быстрому и эффективному усвоению учебного материала.

Таким образом мотивация выступает важным фактором интенсификации обучения. Поиск правильной мотивации и ее поддержание представляет собой одну из важнейших задач любого преподавателя.

Исследователи этой области определяют собственно учебную мотивацию как частный вид мотивации. Л. И. Божович

понимает под мотивами учебной деятельности «все побудители этой деятельности», часть которых связана с самой учебной деятельностью и получением удовлетворения от приобретаемых новых знаний, тогда как другие лежат в сфере общения и желания учащегося занять свое место в обществе. [Божович 1972: 7].

Ряд исследователей делит мотивацию учебной деятельности на внутреннюю и внешнюю, подразумевая под ними внутреннее побуждение учащегося к изучению иностранного языка и внешние факторы, связанные с социальным окружением и перспективами развития личности. При этом отмечается, что четкое деление мотивов на две группы представляется достаточно сложным, поскольку они могут комбинироваться и даже зависеть друг от друга, как правило, учебная деятельность обуславливается не одним мотивом, а их совокупностью.

В. В. Молчановский и Л. Г. Шипелевич выделяют собственно учебные мотивы, связанные с содержанием учебного предмета и с процессом обучения, и внеучебные мотивы, широкую группу социальных, личных, отрицательных и других мотивов, распределяя их следующим образом:

- эмоционально-эстетические мотивы (учащемуся нравится новый язык и культура);
- прагматические мотивы (желание улучшить свое положение в социальной иерархии);
- дидактические мотивы (побуждающие учащегося проявлять интеллектуальную активность);
- познавательные мотивы (связанные со стремлением узнать новые факты);
- коммуникативные мотивы (личное общение с носителями языка);
- мотив принуждения и обязанности (необходимость сдавать экзамены) [Лукина 2008].

При рассмотрении учебных мотивов принимается во внимание отношение к предмету изучения — интегративная и инструментальная ориентация на обучение.

Под интегративной мотивацией понимается интерес к культуре, литературе и истории страны изучаемого языка, т. е. желание «интегрировать» иноязычную культуру. Инструментальная мотивация подразумевает овладение языком в практических целях — его использование в профессиональной деятельности, чтение средств массовой информации, повседневное взаимодействие с носителями языка. Инструментальная мотивация, как правило, обеспечивает общую мотивацию и поддерживает познавательный интерес к языку, тогда как интегративная мотивация обеспечивает долговременный, устойчивый интерес к иноязычной культуре [Седова 2010: 220].

Говоря о тайских студентах, изучающих русский язык как иностранный в Университете Чулалонгкорна, обращает на себя внимание факт преобладания эмоционально-эстетического компонента мотивации — значительная часть студентов, изучающих русский язык считает Россию привлекательной, интересной, в каком-то смысле сказочной и даже экзотической страной. Ряд студентов называет русский язык привлекательным, отмечая необычность кириллического алфавита и особенного звучания языка.

Говоря о возможности посещения России в будущем, большинство студентов рассматривает себя в качестве туристов, смещая интерес к изучению языка в эмоционально-эстетическую сторону.

Прагматический компонент, выраженный в желании учиться или даже работать в России, в мотивации студентов также присутствует. Однако тайские учащиеся, как правило, считают, что русский язык будет до известной степени полезным, но не решающим при трудоустройстве и построении их будущей карьеры.

Учитывая перечисленные особенности мотивации студентов, преподаватели стараются создавать и поддерживать эмоционально-эстетические, познавательные мотивы к изучению русского языка. В условиях изучения языка вне языковой среды интегративная мотивация приобретает особую значимость, обуславливая необходимость привлечение разнообразных материалов по культуре и истории России, с опорой на лингвострановедческий подход. Использование лингвострановедческого материала происходит на всех этапах обучения и соответствует личным интересам учащихся. Такими материалами выступают как «классические» инструменты — художественные и нехудожественные тексты, аудио и видео материалы, географические карты на русском языке, фотоальбомы, раздаточные материалы с изображениями и фотографиями, документальные и художественные фильмы, фрагменты музыкальных произведений, так и социальные медиа, журналы, афиши, объявления, названия магазинов, карты и даже меню кафе и ресторанов на русском языке, которые можно встретить в повседневной жизни Таиланда, особенно в туристических зонах.

Тайские студенты, изучающие русский язык в Университете Чулалонгкорна, с интересом относятся не только к явлениям и предметам быта, имеющим отношение к России — они проявляют интерес к истории России, ее культуре, искусству, традициям. Особый интерес вызывают факты из истории взаимоотношений России и Таиланда.

Пожалуй, самым известным фактом среди изучающих русский язык в Таиланде является визит в королевство Сиам наследника престола, будущего императора Николая II. Подробности визита с большой точностью запротоколированы в историографических документах обеих стран и представляют собой материал, неизменно вызывающий самый живой отклик у тайских учащихся. Визит цесаревича проходил

с 20 по 25 марта 1891 года и проходил на высочайшем уровне, сопровождаясь пышными приемами, балами, парадами, театральными и музыкальными представлениями, спортивными состязаниями, церемониями вручения подарков и награждения орденами. Князь Ухтомский, сопровождавший наследника престола в той поездке, отмечал самое благоприятное впечатление о Сиаме и оказанном приеме. «С Сиамом расстаешься, как с чем-то давно близким и дорогим», — писал он в своем дневнике [Ухтомский 1895: 100].

Другим известным эпизодом из истории взаимоотношений России и Таиланда, имевшим место уже на территории Российской империи, стал визит принца Дамронга 17 ноября 1892 года. Представитель Сиам передал императору Александру III письмо короля Чулалонгкорна, в котором тот просил принять в знак дружбы между Сиамом и Россией высший орден страны «Маха Чакри» и наделял своего брата полномочиями вести любые переговоры с Россией.

Принц Дамронг был принят российским императором в Ливадийском дворце, оказав ему всевозможные почести. Сам Дамронг в письме писал, что цесаревич встречал его на пристани, лично сопровождал на аудиенцию с императором, а российский император провел по комнатам, показав дворец.

В письме к члену королевской семьи (принцу Девавонгу) принц Дамронг подробно описывает события, связанные с этим визитом:

«Принимали меня в России с большим шумом и размахом повсеместно. С самого края земли до первой станции все было украшено флагами, гирляндами из листьев. Губернаторы и чиновники встречали меня, одетые в парадные мундиры в каждом городе. Чем больше город, тем грандиознее прием. Преподносили хлеб-соль, было выделено специальное императорское судно, чтобы доставить меня до Ливадии. Там тоже все было во флагах и гирляндах на протяжении

всего пути. Цесаревич встречал на пристани, усадил в автомобиль и повез на аудиенцию. Император проводил прямо во дворец, показал все комнаты. Вчера император и императрица, принцесса датская, и все дочери приехали во дворец Ливадии. Живя здесь, я обедаю и ужинаю вместе с императорской семьей каждый день. Меня не кормят отдельно, исключительно — только кофе по утрам. По приему видно, что хотят максимально отблагодарить. Император и императрица выражают желание, чтобы наш король посетил Европу и Россию, будут рады принять короля в России» [Пакомонтри 2007: 24–25].

«Принц Чира <...> пользуется всеобщей любовью. Вчера после обеда во дворце принц Чира, великий князь — сын императора, и придворные спустились в сад и устроили там игры, вели себя панибратски, гонялись друг за другом, кидались друг в друга снежки, вышедшая посмотреть императрица весело смеялась. В самый разгар веселья одна из принцесс сделала несколько снимков, как принц Чира играет с детьми сановников. Атмосфера общения, которую я наблюдаю, сослужит хорошую службу в будущем принцу Чира. Со стороны здешней знати нет и намек на неприязнь» [Там же: 25].

«По правде говоря, кому какой прием оказать — зависит от воли императора. Но россияне, будь то военные или штатские, где бы они ни жили — все, с кем я встречался, все, без исключения, в один голос говорили о том, что в Таиланде цесаревич и другие россияне повсеместно получали исключительно радушный прием, лучший чем где бы то ни было. Везде, где я ни побывал, я слышал, как то же самое говорили российские сановники другим людям. Отраднo осознать, что средства из королевской казны и хлопоты короля по приему цесаревича пошли не в убыток. Без всякого сомнения, можно сказать, что и король и его сыновья будут приняты в России лучше, что в любой другой стране» [Там же].

«Обезьяна-альбинос, что подарили цесаревичу тогда, стала любимцей императора, а вот оба слона погибли в дороге. Цесаревич очень хорошо помнит, как все было тогда в Таиланде» [Там же].

Письмо принца Дамронга представляет прекрасный лингвострановедческий материал, вызывающий большой интерес со стороны тайских студентов, поскольку позволяет заглянуть в «неофициальную часть» истории становления взаимоотношений двух монархий и погрузиться в реалии того времени.

В 1887 году король Чулалонгкорн совершил большое путешествие по Европе, в том числе посетив в Россию. Николай Второй оказал сиаемскому монарху все возможные почести, одновременно подчеркнув их дружеские отношения. Описание визита короля Рамы Пятого в Россию изобилует подробностями и представляют собой интереснейший лингвострановедческий материал. Остановимся на некоторых деталях этого исторического события из истории взаимоотношений России и Таиланда. Приведем фрагменты из юбилейной памятной книги «От друга»: сто десятилетие установления тайландско-российских отношений.

Событие / место / время	Описание
3 июля 1987 года — прибытие в Петергоф	Приветствие и личная встреча монархов на железнодорожной станции — король Сиам одет в парадную фельдмаршальскую форму с орденом Андрея Первозванного на груди, российский император — в парадной форме с Орденом Королевской династии Чакри. Николай Второй записал в личном дневнике государственных дел следующее: «Все без исключения сановники и придворные прибыли на станцию (Петергоф) для встречи короля Сиам», подчеркнув тем самым значимость визита [Пакамонтри 2007: 29].

Событие / место / время	Описание
	Король Чулалонгкорн так писал королеве Саовапхе об этом: «... это была больше встреча свойственников, чем что-либо иное. Но почести и титулы — не забыты. Нет времени одеваться по-другому, кроме как по-парадному или полу-парадному. С приезда и по сей день все время вижусь с императором и его сановниками, почти непрерывно. Такое впечатление, что я один из родственников. Мать-императрица и великие княжны прямо заласкали. Времени совсем нет. Ни разу не ел дома. Государственные дела продвигаются хорошо... Здесь в России все идет не так как в других местах... мы с императором почти все время вдвоем, всюду вместе, никто за нами не ходит. Едем на прогулку — берем только шофера или кучера» [Пакамонтри 2007: 29].
Утро 5 июля 1897 года	Во время пребывания в Петергофе король Чулалонгкорн снялся вместе с царем Николаем Вторым на одной фотографии, а другой снимок был групповым, он запечатлел короля вместе со своей свитой. Утром 5 июля 1897 года Николай Второй и король Чулалонгкорн подписали две фотографии, где они были сняты вместе, и обменялись ими. Эту фотографию можно считать одной из чрезвычайно важных страниц в истории Таиланда, поскольку она появилась в газетах многих стран, четко дав понять мировому сообществу, что Таиланд и Россия скреплены узами тесной дружбы, а их монархи — близкие друзья [Пакамонтри 2007: 31].

Событие / место / время	Описание
7 июля 1897 года	Король Чулалонгкорн прибыл в Москву, где его встречал Великий князь Сергей Александрович, генерал-губернатор Москвы вместе с высшим чиновничеством. Короля Чулалонгкорна поселили в Московском Кремле. Вечером в честь короля Таиланд был дан парадный обед по всей форме протокола во дворце Великого князя [Пакамонтри 2007: 31].
8 июля 1897 года	Короля Чулалонгкорна повели осматривать дом Романовых, предков российских царей правящей династии. Король Чулалонгкорн написал такие слова в книге почетных гостей: «Здесь в России очень чтут отца и мать, а также всех предков. Это место — одно из самых почитаемых». В этот же день король побывал в ювелирном магазине «Фаберже», где работали лучшие придворные ювелиры [Пакамонтри 2007: 31]. Вечером Великий князь Сергей Александрович устроил в Кремле концерт и ужин в честь короля Таиланда. Король Чулалонгкорн подарил на память Великому князю украшенную бриллиантами походную аптечку, на крышке которой были выгравированы инициалы короля, а Великая княгиня получила золотой столик. Великий князь Сергей преподнес королю Чулалонгкорну золотую коробочку для лекарств, с финифтью, работы русских мастеров, а Великая княгиня передала для королевы Сиам два отреза парчи, сотканной русскими мастерицами [Пакамонтри 2007: 31].
10 июля 1897 года	Король Чулалонгкорн вернулся в Петербург 10 июля 1897 года. В телеграмме королеве Саовапхе, король Чулалонгкорн подробно написал о том, что насколько тесно он сблизился с семьей

Событие / место / время	Описание
	российского монарха. «Я не в состоянии описать, какие меня охватили радостные чувства, когда я вернулся сюда снова. С императором мы поцеловались и обнялись несколько раз, а потом вместе поехали к императрице. Я представил им нашего сына, император и императрица проявили к нему исключительную благосклонность. Императрица дарит тебе брошь в виде российской короны. Такие броши делали на заказ и раздавали Великим князьям и княгиням во время коронации, это очень важная вещь, символ родственных отношений с императорской семьей. При этом императрица сказала, что ты тоже вошла в их семью. Я получил портрет очень почитаемого здесь императора Александра Третьего, и портсигар с надписью: «От друга». Мне эти две вещи очень пригодились по душе, считаю, что это самые ценные подарки из всех, которые я получил» [Пакамонтри 2007: 31–32].
11 июля 1897 г. Прощальный завтрак	11 июля 1897 г. Прошел прощальный завтрак с императорской семьей и многочисленными родственниками императорского дома, Императрица, мать царя Николая Второго, расплакалась. Король Чулалонгкорн записал у себя так: «Уговор с ней был такой — я считаю себя ее сыном, а она считает себя моей мамой. Целовала меня каждый день ... С сыновьями и дочками — как с братьями и сестрами. Они все со мной целуются. Моих детей императрица-мать совсем зацеловала и считает их своими внуками». Поэтому же случаю король Чулалонгкорн пригласил Великую княжну Ксению, младшую сестру Николая Второго посетить Бангкок вместе с супругом в качестве гостей Его Величества.

Событие / место / время	Описание
	Приглашение было принято с радостью. А за несколько дней до этого сам царь Николай Второй выразил намерение побывать в Бангкоке еще раз, по пути на церемонию открытия Транссибирской магистрали, которая должна была состояться через 2 года [Пакамонтри 2007: 33].

Следующий значительный шаг в развитии двусторонних отношений был сделан в 1898 году, когда король Чулалонгкорн отправил на учебу в Россию своего сына, принца Чакрапонга (второго сына от королевы Саовапхи). «Принц получал первоначальное образование в Англии. По приказу короля он прибыл на учебу в Россию вместе с королевским стипендиатом по имени Пум под личную опеку Николая Второго» [Пакамонтри 2007: 35–36]. По прибытии в Россию принца встречали высшие военные российские чины, а один из полковников был назначен его телохранителем и воспитателем.

Вслед за этим теплым приемом последовало личное участие императора Николая Второго в судьбе молодого принца. Николай Второй отвел сиамскому принцу роскошные апартаменты в Зимнем дворце в Санкт-Петербурге. Царь радушно принял принца Чакрапонга и его компаньона и определил их в Пажеский корпус — элитное военное учебное заведение Российской империи. Во время обучения в Пажеском корпусе царь лично занимался воспитанием принца Чакрапонга и сиамца Пума, уделяя им равное с другими родственниками внимание [Там же: 36].

Нельзя обойти вниманием яркую музыкальную страницу из истории взаимоотношений России и Таиланда, неизменно вызывающую удивление и огромный интерес со стороны

тайской аудитории. Автор музыки первого гимна страны — русский композитор, один из учеников Петра Чайковского — Пётр Щуровский. Сам композитор никогда не был в Сиаме, однако в 1888 году, находясь во Франции, он откликнулся на объявление о том, что проводится конкурс на лучшую музыку к гимну королевской семьи Сиам. Это было интересно и необычно, а потому Щуровский написал музыку и передал ноты через сямское посольство в Париже. Из множества поданных заявок Рама Пятый выбрал именно этот вариант, который и по сей день остается гимном королевской семьи, звучащим на официальных приемах, а также перед началом представлений во всех кинотеатрах и театрах Таиланда.

В лингвострановедческом аспекте обучения РКИ объединяются все компоненты иноязычного обучения, «включающие» студента в процесс культурно-языкового развития и делающие его частью этой системы. Без этого аспекта немислимо приобщение студента к культурным ценностям, транслируемых языком.

В настоящее время лингвострановедческий аспект в обучении русскому языку все чаще признается одним из самых эффективных факторов поддержания мотивации. Включение лингвострановедческого компонента в учебную программу актуально для любого этапа обучения русскому языку. Использование лингвострановедческой информации способствует повышению познавательной активности, усвоению знаний о русской культуре и созданию положительной мотивации учащегося. Ставшее общепринятым одновременное изучение языка и культуры страны обеспечивает эффективное достижение общеобразовательных, воспитательных и развивающих задач за счет стимулирования и повышения мотивации к обучению. Обращает на себя внимание тот факт, что в Таиланде зачастую именно интерес к стране изучаемого языка определяет интерес к самому языку.

ЛИТЕРАТУРА

Баграмова 2012 — Н. В. Баграмова. Языковая личность с позиции теории билингвизма // Формирование билингвальной личности на основе компетентностного подхода / отв. ред. Г. А. Баева. СПб.: Санкт-Петербург. ун-т, 2012. С. 5–20.

Божович 1972 — Л. И. Божович. Проблема развития мотивационной сферы ребенка // Изучение мотивации поведения детей и подростков / под ред. Л. И. Божович и Л. В. Благоняевой; Науч. — исслед. ин-т общ. и пед. психологии АПН СССР. М.: Педагогика, 1972. С. 7–44.

Варламова 2015 — В. А. Варламова. Лингвострановедческий аспект в преподавании иностранного языка. Текст: непосредственный // Молодой ученый. 2015. № 7 (87). С. 920–923. URL: <https://moluch.ru/archive/87/16865/> (дата обращения 22.12.2024).

Верецагин, Костомаров 1990 — Е. М. Верецагин, В. Г. Костомаров. Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Рус. яз., 1990.

Зимняя 2005 — И. А. Зимняя. Педагогическая психология: учебник для вузов. М.: Логос, 2005.

Зимняя 1991 — И. А. Зимняя. Психология изучения иностранных языков в школе. М.: Просвещение, 1991.

Крючкова, Мощинская 2014 — Л. С. Крючкова, Н. В. Мощинская. Практическая методика обучения русскому языку как иностранному. М.: Флинта, Наука, 2014.

Лукина 2008 — Я. В. Лукина. Зависимость мотивации при выборе и изучении иностранного языка от образа страны изучаемого языка. 2008. URL: <https://textarchive.ru/c-2130441-pall.html> (дата обращения 22.12.2024).

Пакамонтри 2007 — От друга: сто десятилетие установления тайландско-российских отношений / под ред. И. Пакамонтри. М.: Амарин принтинг энд паблишинг, 2007.

Седова 2010 — Е. А. Седова. Теоретические предпосылки формирования интегративной и инструментальной мотивации обучения иностранному языку студентов технического ВУЗа // Молодой ученый. 2010. № 1–2 (13). Т. 2. С. 220–224.

Ухтомский 1895 — Э.Э. Ухтомский. Путешествие на Восток его императорского высочества государя наследника цесаревича. 1890–1891. Т. 2. СПб.: Лейпциг: Ф.А. Брокгауз, 1895.

Развитие формы пранга в архитектуре Таиланда

П.А. Максименко

выпускница ИСАА МГУ

Москва

maximenko6@mail.ru

1. ВВЕДЕНИЕ

Пранг — один из наиболее узнаваемых архитектурных символов Таиланда. Эта форма башни воспринимается сегодня как неотъемлемая часть традиционного облика тайских религиозных построек. Однако путь развития пранга был долгим и многоступенчатым: он восходит к индийской архитектурной традиции, прошёл адаптацию в рамках кхмерской культуры и трансформировался в самостоятельную тайскую форму.

Архетипом пранга стала индийская шикхара — башня, возвышающаяся над святилищем индуистского храма. Шикхара символизирует мифическую гору Меру, которая в индуистско-буддийской космологии считается осью Вселенной и лежит в основе космической модели мироздания [Теч Самнанг 1999: 12].

Именно в рамках кхмерской архитектуры форма шикхары была переосмыслена — так появляется пранг, который впоследствии становится частью тайской архитектурной традиции.

2. ЭПОХА КХМЕРСКОЙ ИМПЕРИИ

В период расцвета Ангкорской империи (IX–XIII вв.) формируется особый тип храма — храм-гора, символически воспроизводящий структуру Вселенной. В центре такого комплекса возвышался пранг. Самый известный пример — Ангкор Ват, в архитектуре которого девять башен расположены на трёх ярусах, а центральная возвышается до 65 метров.

Отличительной чертой кхмерского пранга становится его ярусная структура, утончённая вертикальность. Если шикхара представляла форму горы, то кхмерский пранг принимает дополнительные смысловые значения и приобретает форму бутона лотоса [Проскурякова 1988: 197]. В кхмерской архитектуре пранг стал частью прасата, крестообразного в плане здания, используемого для хранения святыни или проведения ритуалов. В ангкорский период святынями считались лингвы — вертикальный цилиндрический столб, часто с закруглённой вершиной, символизирующий мужское начало, созидательную силу, бога Шиву в своей абстрактной, нефизической форме [Parmentier 1927: 97]. В кхмерской религиозной системе девараджа король — воплощение бога, главная лингва в храме символизировала самого короля как воплощение Шивы [Coedès 1964: 119]. Лингва размещалась в центре прасата, иногда на постаменте-йони (женский принцип), создавая целостный символ сотворения и баланса.

3. КХМЕРСКАЯ АРХИТЕКТУРА НА ТЕРРИТОРИИ СОВРЕМЕННОГО ТАИЛАНДА

В XI в. под натиском Кхмерской империи территория Центрального современного Таиланда оказалась под властью кхмеров [Иванова 1996: 21]. В этот период на терри-

тории современного Таиланде возводились типичные для Камбоджи храмы, примером может служить храм Пхимай, датированный началом XII в. Расположен в центре самого большого кхмерского города на территории современного Таиланда. Он построен в классическом кхмерском стиле, и можно заметить архитектурное сходство с Ангкор Ватом. Но в отличие от кхмерского образца, имеющего три яруса закрытых галерей, в Пхимае всего одна галерея, расположенная на уровне земли. В архитектурном исполнении нет различий с храмовыми комплексами, строящимися в то время в Кхмерской империи. Кхмерские храмы, возведённые на территории современного Таиланда, отличались от создаваемых в Камбодже, в основном, отделкой. Постройки возводились из латерита, но в Камбодже облицовывались песчаником, а на подвластных территориях их штукатурили, по примеру монских построек. Скульптурные детали выполнялись в монской технике резьбы по штукатурке, также поддерживались традиции монской пластики и иконографии.

В Лопбури в конце XII — начале XIII вв. был воздвигнут храм в кхмерском стиле — Пра Пранг Сам Йот. Он представляет собой святилище из трёх поставленных в ряд прангов, средняя высота которых 15 м, выполнены из латерита.

4. ПЕРИОД СУКХОТАЙ

Во времена Сукхотай (XIII–XIV вв.) архитектурная форма пранга сохраняется, но встречается не так часто. Один из примеров — ват Махатхат в Саванкхалоке, построенный во второй половине XIV века. Пранг становится более вытянутым и лёгким по пропорциям, основание — более высоким и ярусным. Рельеф ската башни утрачивает глубину и становится более плоским.

Отличие от кхмерской традиции заключается и в функции: если раньше пранг представлял собой башню с доступным внутренним помещением, то теперь он становится ступой — местом хранения реликвий, недоступных для взгляда.

5. ПЕРИОД АЮТИИ

В период Аютии (XIV–XVIII вв.) пранг переживает новый расцвет. Это обусловлено возросшим кхмерским влиянием на тайскую архитектуру, которое происходило в связи с завоевательной политикой Аютии в отношении кхмерского государства. В 1432 г. Аютия захватила Ангкор [Wyatt 2003: 59], вынудив кхмеров перенести столицу в Пномпень. Захват Ангкора оказал большое влияние на тайскую культуру, в том числе из-за того, что в Аютию было угнано множество пленных придворные брахманы, которые являлись носителями ангорских культурных традиций. Именно этим обусловлено возвращение к кхмерским формам в архитектуре, в том числе к прангу. Форма становится всё более стилизованной и утончённой. Ещё одной заимствованной формой был прасат, тайские постройки по форме повторяли кхмерские образцы, имели крестообразную форму в плане и были увенчаны прангом.

Одним из примеров больших прангов в Аютии является пранг вата Ратча Бурана. Это самый хорошо сохранившийся образец того периода, он ещё близок к кхмерским образцам, но намного более удлинённый. Теперь башня занимает больше пространства, чем основание. Кхмерский пранг не копировался, а адаптировался и принимал новые формы в аютийской архитектуре.

В Аютии был возведён храм Чайваттханарам, имитирующий Ангкор Ват [Иванова 1996: 33]. Тайский храм отличается от кхмерского лёгкостью и изяществом. Центральная

башня имеет форму пранга, но она более вытянутая и тоньше кхмерских башен. Однако восемь окружающих его башен выполнены в монской пирамидальной форме. Также отсутствует внутренний ряд крытых галерей, что придаёт ему иное восприятие — изящество, лёгкость, свойственные уже тайскому стилю.

6. ПЕРИОД РАТТАНАКОСИН

С переносом столицы в Бангкок в конце XVIII в. начинается период Раттанакосин. Архитектура всё ещё использует форму пранга, но она видоизменяется: основания становятся выше, как у ступ, верхушка — тоньше и изящнее, силуэт — усложняется.

Так, в вате Пхра Кеу восемь прангов расположены вдоль обходной галереи с внешней стороны — это Пхра Асада Маха Чеди, используемые как ступы. Другой пранг венчает королевский пантеон Прасад Пхра Тхепбидон. Крестообразное в плане здание, украшенное цветной стеклянной мозаикой и керамической плиткой. Построен прасат во времена правления короля Рамы IV (1851–1868) с намерением использовать его для королевских церемоний и для размещения Изумрудного Будды. Но после завершения строительства было сочтено, что размер был слишком мал. В 1903 году в здании были размещены статуи монархов королевского дома Чакри.

В ват Пхо прангам отведена незначительная роль, они находятся по четырем сторонам от бота за крытой галереей.

В вате Арун доминантой стала композиция из пяти прангов: один большой по центру и четыре маленьких на углах платформы. Высота центрального — 74 метра. Конструкция возведена из кирпича, сверху покрыта штукатуркой и украшена мозаикой из стекла и битой керамической посуды [Abha Bhamorabutr 1987: 92]. Использовались фрагменты

китайской посуды, разбившейся во время транспортировки, осколки шлифовали до нужного размера и формы. Особую популярность этот метод получил при Раме III (1824–1851 гг.). Чаще всего исполнялись цветочные мотивы, ими покрывались основания колонн, ступы, ворота храмов и другое [Athapitanonda, Mertens 2012: 200]. Пранги вата Арун полностью выполнены с использованием этой техники.

Дворец Пхра Накхон Кири необычен тем, что на территории дворцового комплекса есть два строения с прангами в различных стилях. Дворцовый комплекс был построен при короле Монгкуте в 1858 г. Красный пранг — выполняет роль ступы, в нем размещена статуя Будды. Выполнен в кхмерском стиле: пранг широкий, реликварная камера находится на уровне земли, основание практически равно высоте башни. Композиция из пяти тонких прангов венчает Пхра Тхи Нанг Вечаян Вичиен Прасат, выполняющий роль тронного зала. Прасат выполнен в стиле эклектики, четыре башни на нижнем ярусе заимствованы из европейской архитектуры.

7. XX ВЕК И СОВРЕМЕННОСТЬ

К XX в. пранг теряет свою роль как элемент храмовой и дворцовой архитектуры. Последние яркие примеры — надгробные памятники в форме пранга на королевском кладбище Ратчабопхит, построенные при короле Чулалонгкорне (1851–1868 гг.). Был возведен склеп, повторяющий форму храма Пхимай. Позже на кладбище появились и другие надгробия в форме прангов также в кхмерском стиле. При короле Чулалонгкорне во дворце Банг Па Ин было возведено святилище в форме кхмерской башни [พิศดารภรณ์ แก่นพนม 2557: 232].

Больше пранги не возводились, современных ступ данной формы нет. Однако пранг живёт в миниатюре —

*санпхрапхум*¹. Это домики для духов, которые нередко повторяют архитектуру реальных храмов. Таким образом, форма не исчезает полностью, а переходит в повседневную духовную архитектуру.

8. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Форма пранга в архитектуре Таиланда прошла длинный путь трансформации — от сакрального символа в индуистской религиозной системе до утончённого декоративного элемента в королевской и храмовой архитектуре. Первоначально заимствованная из индийской традиции через кхмерское влияние, форма пранга адаптировалась под религиозные, политические и эстетические запросы каждого исторического периода — от Ангкора и Сукхотая до Аюттии и Бангкока.

На каждом этапе развития менялось не только внешнее оформление пранга, но и его функция: от вместилища лингвы — символа божественного царя — до недоступной реликварной ступы и, наконец, декоративного символа монаршей власти и буддийской святости.

К XX в. пранг практически исчезает как элемент новой архитектуры, уступая место другим формам. Тем не менее, он сохраняется в мемориальных сооружениях, в культуре санпхрапхум и в национальном архитектурном коде — как важный маркер тайской идентичности и памяти.

ЛИТЕРАТУРА

Иванова 1996 — Иванова Е. В. Очерки культуры тайцев Таиланда, М., 1996.

¹ Санпхрапхум (тайск. ศาลพระภูมิ) — это домик духа-хранителя места, широко распространённый элемент в тайской культуре. Представляет собой небольшое святилище, обычно устанавливаемое перед домом, офисом, магазином или на территории храма.

Проскурякова 1988 — Проскурякова Т. С. Кампучия // Архитектура Индокитая, М., 1988.

Теч Самнанг 1999 — Теч Самнанг Особенности архитектурной пластики в храмах Камбоджи, М., 1999.

Abha Bhamorabutr 1987 — Abha Bhamorabutr The History of Bangkok, Bangkok, 1987.

Coedès 1964 — Coedès, G. The Indianized States of Southeast Asia, Honolulu, 1964.

Athapitanonda, Mertens 2012 — Nithi Athapitanonda, Brian Mertens Architecture of Thailand: A Guide to Traditional and Contemporary Forms, Bangkok, 2012.

Parmentier 1927 — Parmentier, H. L'Art Khmer Primitif, tome 1. // Publications de l'École française d'Extrême-Orient, Paris, 1927.

Wyatt 2003 — Wyatt David K. Thailand. A short history, Bangkok, 2003.

พัสตราภรณ์ แก่นพรหม 2557 — พัสตราภรณ์ แก่นพรหม รูปแบบพระปรางค์และสถาปัตยกรรมที่มียอดปรางค์ในรัชกาลที่ 4–6 // หน้าจั่ว ว่าด้วยประวัติศาสตร์สถาปัตยกรรมและสถาปัตยกรรมไทย, 2557.

Таиланд в судьбе и научной карьере археолога Х. Ван Гекерена

А. И. Мальцева

*Институт археологии и этнографии Сибирского отделения
Российской академии наук, Новосибирск
a.maltseva4@g.nsu.ru*

Хендрик Роберт ван Гекерен (1902–1974 гг.) родился на Яве в семье голландских колонистов. С юных лет его увлечение естественными науками стало фундаментом для будущей работы в археологии. Глубокое понимание индонезийских древностей он приобрел через непосредственное общение с местными жителями. Среди них у него появились наставники, которые познакомили его с мегалитическими сооружениями. Эти памятники стали предметом его первого научного исследования. В довоенные годы его изыскания были сосредоточены преимущественно на археологии Индонезии. На начальном этапе карьеры ван Гекерен самостоятельно финансировал археологические исследования. Основное внимание он уделял изучению верхнего палеолита-мезолита, в частности культуры тоала. Его работы концентрировались в районе скального убежища Бесуки и на юге Сулавеси [Soejono 1975: 108].

После вторжения японских войск на Яву в 1942 г. ван Гекерен, как и многие его соотечественники, был интернирован. В 1943 г. он был направлен на принудительные работы по строительству «Дороги смерти» (железная дорога между Таиландом и Бирмой) в провинции Канчанабури. Несмотря на экстремальные условия, он предпринял первые

археологические изыскания непосредственно в зоне работ, изучая геологические отложения и собрав небольшую, но значимую коллекцию каменных артефактов [Conrad 2021: URL: <https://www.sapiens.org/archaeology/hendrik-robert-van-heekeren/>]. Эту коллекцию, включавшую шесть односторонне обработанных галечных орудий и один шлифованный каменный топор [Heekeren 1961: 99], ему удалось сохранить и вывезти после войны. В 1947 г. краткое сообщение о находках было опубликовано в *Illustrated London News* [Heekeren 1947: 359]. Впоследствии оригиналы артефактов поступили в Музей археологии и этнологии Пибоди Гарвардского университета (США), а их реплики экспонируются в Национальном музее Банкао (Таиланд). [เครื่องมือหินกะเทาะ (จำลอง): <https://suvarnabhumi.psu.ac.th/>]. До работ ван Гекерена археологическое наследие Таиланда оставалось практически неизученным, а его потенциал — недооценённым, данные находки стали отправной точкой для начала признания территории Таиланда важным регионом для изучения доисторической археологии Юго-Восточной Азии [สุพล นาถะพินธุ 2007: 6].

Примечателен эпизод, связанный с голливудской экранизацией романа «Мост через реку Квай» (режиссер Д. Лин, 1957 г.), повествующего о строительстве военнопленными железнодорожного моста. Аспирант-археолог из Гарварда Карл Хайдер был нанят для воссоздания на экране сцены обнаружения ван Гекереном палеолитических орудий. Однако этот эпизод был исключен из финального монтажа фильма.

В послевоенные годы ван Гекерен продолжил археологические исследования в Индонезии. С 1946 по 1956 г. он был фактическим главой Индонезийской археологической службы и вместе с Р. П. Сухоно проводил раскопки на Яве и Бали, а также в других местах. За всеми его полевыми проектами почти немедленно следовали письменные отчеты о результатах. Ван Гекерен также был назначен куратором коллекции

доисторических артефактов в Центральном музее Джакарты. В конце 1950-х его научный интерес вновь обратился к Таиланду, и он был приглашен принять участие в совместной экспедиции на территории западного Таиланда, провинции Канчанабури.

В 1960–1962 гг. были проведены две тайско-датские экспедиции под руководством др. Э. Нильсена (Copenhagen Geological Museum) [Bendix-Almgreen 1969: 92]. Среди участников были также проф. университета Синлапакон Чин Юди (อ.ชิน อยู่ดี), Апхон Сонгкхла (тайск. อภรณ์ ณ สงขลา), анатом Суд Сэнгвичиен (тайск. สุด แสงวิเชียร), Х. Р. ван Гекерен, Пер Сёренсен (Nordic Institute of Asian Studies) и др. [Nielsen 1962: 7]. Экспедиция финансировалась фондом Отто Мёнстеда, Датским экспедиционным фондом (The Danish Expedition Foundation) и Сиамским обществом (The Siam Society Under Royal Patronage).

Целями экспедиций были комплексные исследования пещерных комплексов (Сай-Йок, Тампхра, Онгба, Лава и др.) в провинции Канчанабури, а также масштабные раскопки многослойного памятника Банкао. Данный проект ознаменовал начало систематических исследований доисторического периода Таиланда. Как отмечает исследователь Суд Сэнгвичиен [สุด แสงวิเชียร 2022: https://www.silpa-mag.com/history/article_88719], формирование методологической базы происходило не только благодаря прямому обмену опытом с иностранными коллегами, но и посредством обращения к уникальному локальному источнику — эпистолярному наследию принца Дамронга Ратчанубаба. В своей переписке с принцем Нарисой Нувадтивонгсом принц Дамронг детально описал методы полевых работ и обработки артефактов, которые он наблюдал во время своего визита на раскопки в Малайе. Эти подробные описания, включавшие такие процедуры, как аккуратная зачистка находок с помощью специальных

инструментов (кистей, скальпелей) были успешно апробированы тайскими археологами.

Таким образом, данный проект имел ключевое значение не только для изучения национального доисторического прошлого, но и для становления тайской археологической школы. Студенты Факультета археологии Университета Синлапакон впервые получили комплексный полевой опыт, заложивший основу для профессионального развития отечественных кадров.

В ходе работ исследователи разделились на три группы, сфокусировавшиеся на крупнейших памятниках: пещере Сай-Йок, поселении Банкао и ряде более мелких пещерных комплексов.

Пещера Сай-Йок оказалась уникальным объектом благодаря наличию мощного (4,5 м) культурного слоя, демонстрирующего стратиграфическую последовательность от палеолита до неолита — наиболее полную для Таиланда на тот момент. Исследования ван Гекерена и Эгиля Кнута выявили погребения мезолитического и неолитического времени, что позволило охарактеризовать неолитические общества как полуоседлых земледельцев [Heekeren, Knuth 1967]. Данные, полученные в Сай-Йоке, были опубликованы в журнале Сямского общества [Heekeren 1962] и легли в основу первых реконструкций образа жизни древнего населения региона.

Исследования более мелких пещерных комплексов также внесли значительный вклад в понимание древней истории региона. Хотя их стратиграфическая последовательность не была столь мощной и непрерывной, как в Сай-Йоке, каждая из них предоставила уникальные данные. Так, пещеры Лава и Чанде позволили получить важные, хотя и несколько фрагментарные, свидетельства: здесь были обнаружены мезолитические орудия и неолитические погребения, дополнившие общую картину освоения территории. Памятник

Ванг Пхо, согласно устному сообщению доктора ван Гекерена, предоставил разнообразный материал бронзового века, включая керамику и иные артефакты. Обнаруженная случайно во время экспедиции пещера Там Руп (Пещера с рисунками), по мнению Э. Кнута, вероятно, функционировала не как жилище, а как сакральное место (святилище); часть наскальных изображений может относиться к бронзовому веку [Nielsen 1962: 12–13].

Самым ярким открытием стало исследование памятника Банкао (тайск. บ้านเก่า) (2300–1500 гг. до н. э.). Это многослойный археологический памятник, содержащий археологические свидетельства времен неолита и палеометалла. Среди находок были обнаружены человеческие скелеты, каменные и костяные орудия, каменные браслеты, керамические сосуды, около 20 000 керамических фрагментов и тысячи костей животных. Итоги исследований обобщены в фундаментальном многотомном отчете [Sørensen, Hatting 1967]. В этом отчете были представлены новые интерпретации, касающиеся происхождения, схем расселения, образа жизни, культуры и хронологии неолитических обществ, существовавших в этом регионе примерно 4000 лет назад.

Значительная часть археологических материалов, обнаруженных в ходе тайско-датских экспедиций, составляет основу экспозиции Национального музея Банкао (тайск. พิพิธภัณฑ์สถานแห่งชาติบ้านเก่า). Учреждение было основано в 1965 г. с конкретной миссией: систематизировать, обеспечить сохранность и публичную презентацию доисторических артефактов, полученных как при раскопках одноимённого памятника Банкао, так и на других археологических объектах провинции Канчанабури. Экспозиция музея, размещённая в шести залах, детально раскрывает историю региона: четыре из них полностью посвящены эволюции древних обществ и демонстрации ключевых находок. Уникальность музея заключается в его

концепции «музея на месте» (on-site museum): он расположен непосредственно в границах археологического памятника. Последнее реализовано через доступ к настоящему месту раскопок на территории Ват Тха По (тайск. วัดท่าโป๊ะ), где было обнаружено несколько неолитических захоронений. Важно отметить, что музей является активным научным центром. Департамент изящных искусств Таиланда продолжает на его базе планомерные археологические работы, что обеспечивает как дальнейшее пополнение коллекции, так и сохранение объекта [กรมศิลปากร ยกเครื่องพิพิธภัณฑ์สถานแห่งชาติ บ้านเก่า... URL: <https://www.thairnews.com/กรมศิลปากร ยกเครื่องพิพิ/>]. Так, Национальный музей Банкао служит не только хранилищем артефактов, но и живым свидетельством научного наследия ван Гекерена и его коллег.

Примечательно, что научная деятельность самого Хендрика Роберта ван Гекерена не ограничилась рамками Таиланда и Индонезии. Помимо фундаментальных работ в этом регионе, он проводил археологические исследования в Африке (1948), на Антильских островах (1960) и в Турции (1966). Его новаторский вклад в изучение доистории Юго-Восточной Азии был по достоинству оценен международным академическим сообществом: признанием этого стали почётные докторские степени, присуждённые ему Лейденским (1965) и Копенгагенским (1967) университетами.

Следует отметить, что вклад ван Гекерена выходил далеко за рамки накопления археологического материала и подготовки отчетов и публикаций. Его основные работы, посвящённые древнейшим периодам истории индонезийского архипелага, впервые объединили многочисленные разрозненные сведения в целостную систему. В момент становления региональной археологии как самостоятельной отрасли знания именно эти исследования заложили основу для дальнейшей работы. Публикации не только систематизировали

находки, но и включили историю региона в общеазиатский контекст, выдвинув гипотезы о возможных направлениях миграций, культурного взаимодействия и торговых связей.

Х. Р. ван Гекерен посвятил две трети своих работ исследованию индонезийских древностей и в 1970-х гг. сосредоточился на обучении молодых специалистов. Поездка ван Гекерена в Индонезию в 1972–1973 годах имела особое значение для подготовки местных археологов. Его лекции и семинары стали важной школой для многих индонезийских археологов, которые впоследствии возглавили собственные научные проекты. Эта педагогическая деятельность стала логичным завершением многолетней работы учёного, связавшего свою карьеру с изучением и популяризацией археологического наследия как Индонезии, так и Юго-Восточной Азии в целом.

Таким образом, Х. Р. ван Гекерен по праву считается одной из ключевых фигур-основателей современной доисторической археологии Таиланда. Его личная преданность науке, проявленная в экстремальных условиях Второй мировой войны, имела далеко идущие последствия: собранная и сохранённая им коллекция каменных орудий послужила не просто свидетельством древней человеческой деятельности, а материальным обоснованием для организации первых целенаправленных разведочных работ, а впоследствии и для проведения масштабных полевых исследований в провинции Канчанабури.

Прямым продолжением его начинаний стала тайско-датская археологическая экспедиция 1960–1962 гг., которая ознаменовала качественный перелом в изучении древней истории региона. За два полевых сезона экспедиция заложила прочный фундамент системных исследований, впервые изучив около десяти памятников, хронологический диапазон которых охватывал ключевые периоды — от палеолита через неолит до эпохи палеометалла. Это позволило выстроить

первоначальную культурно-хронологическую схему доистории Западного Таиланда.

Крайне важным достижением проекта, помимо сугубо научных результатов, стал его неоценимый вклад в становление национальной археологической школы. Непосредственное участие студентов факультета археологии Университета Синлапакон в работах под руководством опытных датских и тайских специалистов предоставило им первый комплексный полевой опыт. Это сотрудничество стало катализатором профессионального роста: тайские археологи не только переняли передовые западные методики полевых исследований и камеральной обработки материалов, но и адаптировали их к местным условиям. Данные методологические принципы были впоследствии институционализированы и легли в основу академических учебных программ, заложив стандарты для подготовки будущих поколений тайских археологов.

ЛИТЕРАТУРА

Bendix-Almgreen 1969 — Bendix-Almgreen S.E. Eigil Nielsen // Dansk Geologisk Forening. 1969. P. 87–96.

Conrad 2021 — Conrad C. An archaeologist on the Railroad of Death // SAPIENS. 2021. URL: <https://www.sapiens.org/archaeology/hendrik-robert-van-heekeren/> (дата обращения: 20.02.2025).

Heekeren 1947 — Heekeren H.R. Stone axes of the Railroad of Death // The Illustrated London News. 1947. Vol. 210 (5633). P. 359.

Heekeren 1961 — Heekeren H.R. A preliminary note on the excavation of the Sai-Yok Rock-Shelter // Journal of the Siam Society. 1961. Vol. 49(2). P. 99–108.

Heekeren 1962 — Heekeren H.R. A brief survey of the Sai-Yok excavations, 1961–1962 season of the Thai-Danish Prehistoric Expedition // Journal of the Siam Society. 1962. Vol. 1(1). P. 15–18.

Heekeren, Knuth 1967 — Heekeren H.R., Knuth C.E. *Archaeological excavations in Thailand. Vol. I. Sai-Yok: Stone-age settlements

in the Kanchanaburi Province. The Thai-Danish Prehistoric Expedition 1960–62*. Copenhagen: Munksgaard, 1967. 129 p.

Nielsen 1962 — Nielsen E. The Thai-Danish prehistoric expedition 1960–1962 // Journal of the Siam Society. 1962. Vol. 50. P. 7–14.

Soejono 1975 — Soejono R. P. Hendrik Robert van Heekeren: 1902–1974 // Asian Perspectives. 1975. Vol. XVIII(2). P. 107–113.

Sørensen, Hatting 1967 — Sørensen P., Hatting T. *Ban-Kao: Neolithic Settlements with Cemeteries in the Kanchanaburi Province: Part 1: The Archaeological Material from the Burials*. Copenhagen: Munksgaard, 1967. 164 p.

กรมศิลปากร — กรมศิลปากร ยกเครื่องพิพิธภัณฑสถานแห่งชาติ บ้านเก่า มิติใหม่พิพิธภัณฑสถานก่อนประวัติศาสตร์บ้านเก่า // Thairnews. URL: <https://www.thairnews.com/กรมศิลปากร-ยกเครื่องพิพิ/> (дата обращения: 20.02.2025).

เครื่องมือหินกะเทาะ — เครื่องมือหินกะเทาะ (จำลอง) // คลังความรู้สุวรรณภูมิเพื่อการศึกษา. URL: <https://suvarnabhumi.psu.ac.th/> (дата обращения: 20.02.2025).

สุด แสงวิเชียร 2022 — สุด แสงวิเชียร. เบื้องหลังการขุดค้น เรืองราวก่อนของประเทศไทยโดยคณะไทย-เดนมาร์ก // ศิลปวัฒนธรรม. 2022. URL: https://www.silpa-mag.com/history/article_88719 (дата обращения: 20.02.2025).

สุรพล 2007 — สุรพล นาถะพันธุ์. บรรพชนคนไทย: พิศนาการทางวัฒนธรรมก่อนประวัติศาสตร์. พิมพ์ครั้งที่ 1. กรุงเทพฯ: มติชน, 2007 (2550). 224 p.

Лакорны: индустрия развлечений Таиланда как инструмент «мягкой силы»

А.А. Мантейфель

*Российский Государственный Гуманитарный Университет
(Москва, Россия)
alexandra.manteyfel@mail.ru*

ВВЕДЕНИЕ

Рост популярности тайских сериалов, особенно среди молодёжи в странах Юго-Восточной Азии и Дальнего Востока, привёл к увеличению интереса к тайскому языку, культуре и туризму. Эти процессы усиливают так называемую «народную дипломатию», когда положительное восприятие культурных продуктов способствует укреплению симпатий к стране в целом. По аналогии с тем, как южнокорейские *дорамы* стимулировали рост «корейской волны» («халлю», от корейского *한류* — «волна») и стали частью государственной стратегии культурной дипломатии, тайские сериалы помогают формировать благоприятный имидж Таиланда, создавая условия для расширения сотрудничества в сфере образования, туризма и медиапроизводства. Сегодня межкультурное сотрудничество, связи и контакты в этой сфере рассматриваются как серьёзная составляющая политики «мягкой силы». Однако стоит подчеркнуть, что культурная узнаваемость не равнозначна политическому влиянию: она является лишь вспомогательным инструментом, способным укрепить позиции страны в региональном

контексте, но не заменить традиционные дипломатические механизмы.

Концепция «мягкой силы» [Nye 1990; Nye 2004], согласно которой успеха можно добиться благодаря повышению привлекательности культуры и политики отдельно взятой страны, а не посредством принуждения, была разработана во второй половине XX в. американским политологом Джозефом С. Найем. Успех кроется в способности влиять на восприятие стран и народов, формируя доверие и взаимопонимание на основе общих ценностей и связей в области культуры.

В современных условиях, когда идея «глобальной деревни» [McLuhan 1962; McLuhan 1964], о которой писал Маршалл Маклюэн, становится как никогда актуальной, несмотря на то, что возникла ещё в 60-е гг. XX в., механизм «мягкой силы» приобретает решающее значение в организации коммуникации не только на официальном уровне, но и реализуясь через различные виды взаимодействия в области культуры.

Глобализация перевернула представление о международных отношениях, придав «мягкой силе» — способности влиять на мировое сообщество через культуру, ценности и идеи — беспрецедентное значение. Традиционные дипломатические методы всё чаще дополняются, а порой и заменяются, культурными инициативами, способными формировать благоприятный имидж страны и продвигать её интересы на мировой арене. В этом контексте феномен тайских лакорнов представляет собой яркий пример успешного использования Таиландом всех возможностей концепции «мягкой силы».

ИСТОРИЯ ЖАНРА «ЛАКОРН»

Сам термин «лакорн» (от тайск. ละคอน, с фонетической точки зрения правильное — «лакхон») восходит к обозначению драматического представления, которое исторически

связывалось с придворным театром, народными формами (*лике, нора*) и ритуальными постановками [Jirajarurat 2014; Волкова 2019]. Современное выражение “ละครโทรทัศน์” означает «телевизионную драму»; оно закрепилось в языке с конца 1950-х гг., когда первые постановки были адаптированы для телевидения [Sine-In 2021]. В отличие от традиционного театра, воплощающего сакральные сюжеты и ориентированного на узкий слой общества, телесериалы стали массовым жанром, не только сохраняя элементы традиционной культуры (уважение к старшим, ценность семьи, буддийский нравственный идеал), но и поднимая более актуальные проблемы, связанные с урбанизацией и изменением социальных ролей.

Развитие интернета способствовало появлению онлайн-кинотеатров (стриминговых платформ), таких как Netflix и Viki, что сыграло решающую роль в популяризации тайских лакорнов за пределами Таиланда. Эти сервисы предоставляют доступ к огромной библиотеке данных, включая сериалы на различных языках, снабжённые субтитрами и дубляжом. Зритель открывает для себя традиции, культуру и искусство Таиланда, сосредоточивая внимание не только на сюжетных линиях, но также на костюмах, декорациях, архитектурных сооружениях и природных красотах, запечатленных в кадре.

Одной из ключевых особенностей лакорнов является их акцент на переосмыслении традиционных ценностей. Общеизвестно, что определяющее значение в тайском обществе занимает буддизм тхеравады; его этические принципы в том числе формировали этнопсихологический портрет тайского народа (важнейшие черты — сдержанность и стремление избежать конфликта) [Иванова 1999, с. 92–101]. Однако некоторые исследователи полагают, что в современном тайском обществе в виду глобализации распространяются иные установки [Фомичёва 2018, с. 181–190]. Зачастую молодые режиссёры стремятся внести более разнообразные представления

о любви (её формах и видах), религии, социальной справедливости, в том числе о месте женщин в обществе. Поэтому нет ничего удивительного в том, что в сериалах нередко поднимаются темы конфликта поколений, давления со стороны общества и борьбы за личные интересы. Если прежде в лакорнах часто изображались идеализированные семейные отношения, основанные на почтении к старшим, строгих моральных нормах и обязательствах перед семьей, то в новых лакорнах персонажи все чаще оказываются перед выбором между долгом перед семьей и личными желаниями. Более того, женские персонажи часто изображались как подчиненные мужской власти, их роль сводилась к служению мужу и семье. В современных лакорнах женщины становятся более самостоятельными, амбициозными и независимыми. Они могут быть успешными профессионалами, лидерами или даже антигероями, что помогает пересмотреть гендерные роли и освободить женский образ от стереотипов. Нельзя не сказать, что классические любовные линии в лакорнах часто строятся на том, что любовь должна быть идеализированной, бескорыстной и жертвенной. Однако во многих современных сериалах отношения часто становятся более сложными и многослойными, включая темы личных границ, взаимного уважения и понимания. Это переосмысление ставит акцент на реальную коммуникацию и равенство в отношениях.

Новые лакорны иногда затрагивают более актуальные социальные проблемы, такие как коррупция, бедность, борьба за права человека, сексизм и другие вопросы, которые становятся важными для зрителей.

УСПЕХ ПОДЖАНРА «Y-SERIES»

В последние годы наблюдаются изменения в подходе к созданию сюжетов лакорнов. Некоторые современные

авторы и продюсеры пробуют внедрять новые (в том числе нетрадиционные) представления о любви и романтических взаимоотношениях. К такому направлению, весьма популярному и узнаваемому аудиторией, относится жанр Y-Series (также известно как BL), который возник еще в 1970-е гг. в Японии. Однако если до 2010-х гг. преобладал экспорт японской и корейской культуры, то сегодня ту же тенденцию можно наблюдать и в тайской индустрии развлечений. Популярность BL-лакорнов заметно возросла: такие сериалы, как “Lovesick” (2014) или “2gether” (2020), были положительно приняты международным сообществом. Можно говорить о том, что к 2020 г. этот жанр уже завоевал мировую аудиторию [Shi 2020: 678–683], о чём активно пишут различные СМИ [The Asian BL drama phenomenon... 2021]. По мнению ряда исследователей, положительное восприятие BL-сериалов в Таиланде связано с более открытым отношением молодого поколения к вопросам гендерных и межличностных отношений, а также с особенностями местной медиасреды, допускающей экспериментальные формы художественной репрезентации. Для значительной части аудитории эти сериалы становятся не столько отражением социальной реальности, сколько эстетизированным художественным высказыванием, что снижает уровень общественной полемики вокруг них [Majumdar 2021].

Жанр BL стал одним из основных товаров для экспорта в тайской индустрии развлечений [Guzman de 2022]. В центре данного феномена находится GMMTV — медиаконгломерат, который не только уловил эту волну, но и сформировал её, превратив тайские BL-сериалы в глобальный тренд. “Bangkok Post” справедливо отмечает, что путь GMMTV к BL-сериалам начался не с грандиозных планов, а с небольших, почти незаметных проб [Tortermvasana, Leesa-Nguansuk, Worrachaddejchai 2022]. Впервые элементы BL появились

в качестве побочных сюжетных линий. Положительные отзывы и неожиданно высокая популярность этих элементов и послужили отправной точкой. Ключевым моментом оказался выпуск сериала “SOTUS The Series”. Это была первая полномасштабная BL-драма от GMMTV, успех которой превзошёл все ожидания. После успеха “SOTUS” GMMTV привлёк к участию многих популярных актёров, широко известных и за пределами Таиланда. Сегодня GMMTV активно работает над развитием своего бренда и продвижением своих сериалов на международных платформах. Положительное восприятие жанра и его успех можно рассматривать как важное преимущество для индустрии развлечений Таиланда. Каждый год, по словам директора GMMTV, её рост составляет 30–40%, в том числе благодаря BL, спрос на который постоянно растёт [Tortermvasana, Leesa-Nguansuk, Worrachaddejchai 2022].

ИЗМЕНЕНИЯ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Индустрия развлечений Таиланда переживает удивительное преобразование, особенно в сфере сериалов. Лакорны приобретают всё большую популярность по всему миру, представляя собой мощный инструмент «мягкой силы», способный сравниться с успехом южнокорейских сериалов и японского аниме.

Тут представляется важным сказать о влиянии на туристическую привлекательность Таиланда, что подтверждается многочисленными исследованиями. Просмотр тайских сериалов повышает мотивацию поездок в места съёмок: исследователи отмечают связь между просмотром тайских сериалов и намерением посетить Таиланд, например, среди зрителей Филиппин; эмоциональная вовлечённость выступает медиатором этого эффекта. Такой механизм хорошо описывает,

как массовая популярность лакорнов конвертируется в туристические потоки, усиливающие положительный образ государства и его переговорные позиции в смежных повестках (визы, авиасообщение, совместные мероприятия) [Ласар 2023: pp. 121–143]. Сообщества поклонников становятся посредниками культурной коммуникации и каналами «мягкого» влияния (язык, кухня, праздники, повседневные практики). Это постепенно преобразуется в расширение контактов на уровне университетских обменов, фестивалей, фанатских сообществ.

Примеры сериалов, действия которых разворачиваются на Пхукете, демонстрируют, что аудиовизуальная репрезентация усиливает туристическую привлекательность регионов и становится предметом работы государственных институтов (ТАТ¹ и др.), целенаправленно превращающие места съёмок в «точки притяжения» [Shi, Phakdee-auksorn 2024: pp. 539–547]. Это не только экспорт культурного продукта, но и расширение экономической зависимости партнёров от турпотока [Fan, Supalakwatchana 2025: pp. 31–47].

Вьетнамские исследователи, в свою очередь, отмечают, что тайские теледрамы формируют у зрителей позитивные представления о стране (гостеприимство, природное и культурное разнообразие), что также сопрягается с намерениями посетить локации съёмок. Для Бангкока это означает рост «доброй воли» в соседних государствах — ресурса, облегчающего продвижение тайских инициатив в АСЕАН по туризму и креативным индустриям [Ngyuen 2022: pp. 1–47].

Китайские исследования, посвященные тайским сериалам и их роли в межкультурной коммуникации фиксируют, что эти продукты выступают носителями национальных символов (язык, кухня, региональные бренды), повышая

¹ Tourism Authority of Thailand (тайск. การท่องเที่ยวแห่งประเทศไทย)

узнаваемость и привлекательность Таиланда как партнёра в креативной экономике [Taweekittiviroj, Banterngr 2025: pp. 1–14]. Это укрепляет переговорные позиции Бангкока в отраслевых соглашениях (дистрибуция, совместные съёмки, фестивали).

Также нельзя не сказать в целом об институализации «мягкой силы» в Таиланде. Внешнее позиционирование подкрепляется внутренней политикой правительства, которое с 2023 г. ставит мягкую силу в число приоритетов; международные издания отмечают попытку связать продвижение культурных активов, фестивалей и аудиовизуальной отрасли с более широкой повесткой экономического роста и имиджа страны [Guzman de 2024]. Такая связка помогает транслировать образ «современного, открытого и креативного» государства, что повышает восприимчивость партнёров к тайским инициативам и, следовательно, расширяет переговорный ресурс Таиланда [Kaewanant, Sirisunhirun 2024: pp. 191–216].

Создание Национального комитета по стратегии мягкой силы (NSPSC²) в 2023 году и включение кино/телевидения в перечень приоритетных отраслей (наряду с туризмом, кухней, модой, фестивалями и др.) закрепляют сериалы как инструмент государственной стратегии [Moonsarn 2025: pp. 1–11]. Наличие специализированных рынков контента, участие в профильных азиатских контент-ярмарках и план действий по продвижению развлечений — это уже не спонтанная «волна», а управляемый ресурс внешнего имиджа и экономической дипломатии. Институционализация важна политически: она делает культурный экспорт легитимным аргументом во внешнеэкономических переговорах и региональных инициативах [The Soft Power committee highlights...].

² National Soft Power Strategy Committee (тайск. คณะกรรมการยุทธศาสตร์ซอฟต์พาวเวอร์แห่งชาติ)

Однако несмотря на признание потенциала лакорнов руководством Управления по туризму Таиланда [Tortermvasana, Leesa-Nguansuk, Worrachaddejchai 2022], страна пока не использует эту возможность в достаточной мере, столкнувшись с серьёзными препятствиями на пути к созданию национального культурного бренда мирового уровня. В отличие от Южной Кореи и Японии, где государство активно инвестирует в развитие кинематографа и телевидения, оказывая всестороннюю поддержку, тайская индустрия развлечений страдает от явного недостатка государственной помощи. Хотя правительство и признаёт лакорны как инструмент «мягкой силы», его конкретные действия по развитию этого потенциала крайне ограничены. Это подтверждается многочисленными заявлениями тайских кинематографистов в ведущих СМИ страны, таких как Nation Thailand [Making a splash on world stage requires govt help... 2022] и Thai Enquirer [OPINION: Independent filmmakers need more support... 2020]. Они указывают на острую нехватку финансирования, сложности с получением разрешений и проблемы с цензурой, значительно тормозящие развитие отрасли [Satrusayang 2022].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итоги, можно говорить о том, что рост международной аудитории тайских сериалов приводит к измеряемым поведенческим эффектам: повышается мотивация поездок в места съёмок, формируются устойчивые сообщества поклонников, расширяется спрос на сопутствующие культурные практики (язык, кухня, фестивали). Эмпирические исследования фиксируют прямую связь между просмотром тайских сериалов и туристическими намерениями, формирование позитивного образа страны у зрителей, сопряжённого с интересом к посещению локаций. Эти эффекты

конвертируются в экономический и имиджевый ресурс и поддерживаются государственной институционализацией «мягкой силы» (NSPSC, профильные рынки контента и проекты по продвижению локаций), что в совокупности повышает переговорные позиции Таиланда в региональных инициативах АСЕАН по креативным индустриям, туризму и культурному обмену. Таким образом, популярность лакорнов не заменяет классические инструменты внешней политики, но усиливает их через расширение «доброй воли» и вовлечённости соседних обществ.

ЛИТЕРАТУРА

Волкова 2019 — Волкова К. С. Тайская драматургия Нового времени в отечественном и зарубежном литературоведении // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. Том 12. Выпуск 4. С. 382–386.

Иванова 1999 — Этикет у народов Юго-Восточной Азии: сб. статей // ред.: Е. В. Иванова, А. М. Решетов. — СПб: Петербургское Востоковедение, 1999. 192 с.

Фомичёва 2018 — Фомичёва Е. А. Национальная культура, национальная психология тайцев и вызовы современности // Историческая психология и социология истории. 2018. Т. 11, № 2. С. 181–190.

Guzman de 2022 — Guzman de, Chad. Thailand's Boys' Love Dramas Are Changing the Way Many People View Gay Romance. Time, 2022. URL: time.com/6208817/thailand-bl-dramas-popularity/ (дата обращения 28.01.2025)

Guzman de 2024 — Guzman de, Chad. How Thailand Is Redefining 'Soft Power'. Time, 2024. URL: time.com/7203306/thailand-government-soft-power-moo-deng-lisa-economy/ (дата обращения 11.05.2025)

Jirajarupat 2014 — Jirajarupat P. Lakhon Phanthang: Thai traditional theatre and the modern world: Unpublished PhD thesis. L.: Royal Holloway College, University of London, 2014. 339 p.

Kaewanant, Sirisunhirun 2024 — Kaewanant W., Sirisunhirun S. Thai soft power: Moving forward in the right direction. *Journal of Language and Culture* Vol.43 No.1, 2024. Pp. 194–216.

Lacap 2023 — Lacap J.P. Yaoi media consumption and travel motivation: Evidence from Filipino viewers of Thai boys' love series. *Advances in Southeast Asian Studies*, 16(1). 2023. Pp. 121–143.

Majumdar 2021 — Majumdar M. The growing popularity of Asian BL dramas: Social change through the representation of Gay characters in Asian Media. MCP-20–17: Submitted in complete fulfilment of the requirements for the degree of PG Diploma in Mass Communication and Public Relations at St. Xavier's College, Kolkata, West Bengal, 2021. 15 p.

Making a splash on world stage requires govt help, say Thai filmmakers. *Nation Thailand*, 2022. URL: www.nationthailand.com/life/40014477 (дата обращения 28.01.2025)

McLuhan 1962 — McLuhan M. *The Gutenberg Galaxy: The Making of Typographic Man.* — University of Toronto Press, 1962. 293 p.

McLuhan 1964 — McLuhan M. *Understanding Media: The Extensions of Man.* — MIT Press, 1964. 392 p.

Moonsarn 2025 — Moonsarn K. *The Thai Government's National Soft Power Strategy: Impact on Cultural Groups in Chiang Mai.* 2025. Pp. 1–11.

Nguyen 2022 — Nguyen Thi Ngoc Thoa. *The images of Thailand in Thai television dramas and their impacts on Vietnamese audiences.* Chulalongkorn University Theses and Dissertations (Chula ETD), 2022. Pp. 1–47.

Nye 1990 — Nye S.J. *Bound to Lead: The Changing Nature of American Power.* — New York, 1990. 307 p.

Nye 2004 — Nye S.J. *Soft Power. The Means to Success in World Politics.* — New York: Public Affairs, 2004. 192 p.

OPINION: Independent filmmakers need more support from the government. *Thai Enquirer*, 2020. URL: www.thaienquirer.com/8444/opinion-independent-filmmakers-need-more-support-from-the-government/ (дата обращения 28.01.2025)

Satrusayang 2022 — Satrusayang C. Thai film crews are sought after across the world, why then do Thai films lag so far behind. In *Thai*

Enquirer, 2022. URL: www.thaienquirer.com/37473/thai-film-crews-are-sought-after-across-the-world-why-then-do-thai-films-lag-so-far-behind/ (дата обращения 28.01.2025)

Sine-In 2021 — Sine-In. ประวัติละครโทรทัศน์ไทย ละครไทยเรื่องแรก สุริยาณีไม่ยอมแต่งงาน. MThai, 2021. URL: https://mthai.com/entertainment/113078.html#google_vignette (дата обращения 28.01.2025)

Shi 2020 — Shi Y. An Analysis of the Popularity of Thai Television Drama in China, 2014–2019. In 2020 3rd International Conference on Humanities Education and Social Sciences (ICHESS2020): Atlantis Press, 2020, pp. 678–683.

Shi, Phakdee-auksorn 2024 — Shi D., Phakdee-auksorn P. Exploring the impact of the Thai television series on young Chinese viewers' perceptions of Phuket, Thailand as a holiday destination and their behavioral intentions. Kasetart Journal of Social Sciences 45, 2024. Pp. 539–547.

Taweekittiviroj, Banterng 2025 — Taweekittiviroj P., Banterng T. Beyond Romance: Thai BL Series, Soft Power, and Intercultural Dynamics in China. Asian Political Science Review, 9(1), Article 5, 2025. Pp. 1–14.

The Soft Power committee highlights 3 aspects and 2 strategies to accelerate Thailand's soft power onto the global stage. URL: <https://www.cea.or.th/en/news-updates/soft-power-committee> (дата обращения 28.01.2025)

The Asian BL drama phenomenon in 2020; more to come in 2021. Campus Magazine, 2021. URL: www.campus.sg/the-asian-bl-drama-phenomenon-in-2020-more-to-come-in-2021-campus-sg/ (дата обращения 28.01.2025)

Tortermvasana, Leesa-Nguansuk, Worrachaddejchai 2022 — Tortermvasana K., Leesa-Nguansuk S., Worrachaddejchai D. Asia falls in love with Thai Boys Love. In Bangkok Post, 2022. URL: www.bangkokpost.com/business/2305042/asia-falls-inlove-with-thai-boys-love (дата обращения 28.01.2025)

Fan, Supalakwatchana 2025 — Fan X., Supalakwatchana S. Portrayal of Thai Soft Power in Thai Series: A Case Study of I Told Sunset About You. Journal of Community Development Research (Humanities and Social Science), 2025. Pp. 31–47.

Прогноз фонетических нарушений в тайской речи русских учащихся

Натчиван Мекратанакулпат

к.пед.н, ассистент

*Санкт-Петербургский государственный университет,
Восточный факультет, кафедра филологии стран
Юго-Восточной Азии, Санкт-Петербург, Россия
natcheeewan@gmail.com*

Сопоставительный анализ фонологических систем тайского и русского языков дает возможность составить прогноз фонетических ошибок в тайской речи русских учащихся. Это соотносится с позицией Н.А. Любимовой: «Фонетические нарушения в речи иноязычных носителей как бы потенциально заданы различиями разного порядка вступающих в контакт звуковых систем и могут с большей или меньшей степенью точности прогнозироваться в результате сравнительно — сопоставительного или контрастивного анализа» [Любимова 2006: 23]. Однако автор считает, что в реальности фонетические нарушения могут отличаться от прогнозируемых нарушений, полученных в результате анализа (Там же).

Известно, что фонетические нарушения, как и любые другие нарушения правил изучаемого языка, проявляются под влиянием родного языка. Такое явление называется интерференцией. Интерференция — это «взаимодействие языковых систем, воздействие системы родного языка на изучаемый язык в процессе овладения им. Выражается в отклонениях

от нормы и системы второго языка под влиянием родного. Интерференция может быть межъязыковой и внутриязыковой. Межъязыковая интерференция возникает в силу существования различий в системах родного и изучаемого языков и имеет место на уровне значения и употребления. Внутриязыковая интерференция характерна для уже приобретших достаточный опыт в изучении языка. Она проявляется в том, что ранее сформированные и более прочные навыки взаимодействуют с новыми, это и приводит к ошибкам» [Азимов, Щукин 2009: 87].

Для нашего исследования интерес представляет межъязыковая фонетическая интерференция. Вслед за Н. А. Любимовой мы рассматриваем это явление как «совокупность психофизиологических закономерностей, служащих объясняющей причиной по отношению к процессу взаимодействия систем и его результату» [Любимова 2003: 167].

НАРУШЕНИЯ НА СЕГМЕНТНОМ УРОВНЕ

Основываясь на результатах исследования Б. Айммонгкхон и нашего анализа, можно сделать вывод, что системы гласных звуков тайского и русского языков имеют больше сходных черт, чем различий: «Основные аллофоны всех 6 русских гласных находят соответствие в тайском языке. Хотя в отличие от русского языка, в тайском языке имеется гласный центрального ряда». [Айммонгкхон 2008: 70]. Сказанное позволяет предположить, что область тайских гласных в меньшей степени будет страдать от отрицательного действия интерференции.

При сравнении согласных звуков контактирующих языков обнаружен ряд различий, которые могут оказать отрицательное влияние на восприятие и произношение тайских согласных русскими учащимися.

Авторы учебника тайского языка: вводного курса отмечали ряд особенностей тайских согласных следующих:

- Тайские согласные не противопоставляются по мягкости и твердости, и никогда не смягчаются перед гласными /и/ или /и:/;
- Большая часть тайских согласных отличаются от похожих русских звуков местом образования;
- Тайские согласные противопоставлены не только по глухости и звонкости, но и по наличию или отсутствию придыхания [Липилина, Музыченко, Тхапаносотх 2021: 14].

Важно отметить, что у звуков финали слога в тайском языке есть такая характеристика как имплозия. Это означает, что финальные звуки не будут произноситься так же четко, как в позиции инициали слога.

Учитывая все вышесказанные факты, можем прогнозировать следующие нарушения при реализации тайских согласных русскими учащимися:

- 1) Большинство тайских согласных может реализоваться мягкими перед гласными /и/ или /и:/;
- 2) Тайский *п* произносится либо глухим русским /к/, либо звонким русским /г/;
- 3) Тайский фарингальный щелевой *ф* будет реализоваться русским заднеязычным щелевым /х/;
- 4) Тайский губно-губной *з* будет реализоваться русским /в/ или сочетанием гласный /уа/;
- 5) Тайский щелевой среднеязычный /ч/ *ч* произносится ч — аффрикатам переднеязычным;
- 6) Тайский *з* смычный переднеязычный будет реализоваться русским /ть/, что иногда приводит в заблуждении. Студенты могут произносить с мягкостью, свойственной русскому языку;
- 7) Тайский *з* будет реализоваться более интенсивным и продолжительным русским /р/;

- 8) Звук заднеязычный носовой ɯ не имеет аналогов в русском языке, который, безусловно вызывает затруднение. В разных источниках было принято реализовать с помощью сочетания согласных /нг/. В большей степени затрудняется, когда необходимо данный звук реализовать в позиции инициала слога, однако, не смотря на то, что, по ощущению, этот звук легче произносится в абсолютном конце слова, звук /г/ может присутствовать, и как правило, это считается фонетическим отклонением;
- 9) Тайские придыхательные согласные будут реализоваться похожими русскими непридыхательными;
- 10) Вместо имплозивных смычных согласные ɲ [п], ʈ [т], ɳ [к] и смычных сонантов ɲ [нг], ɲ [м], ɲ [н] в абсолютном конце слога, а также в середине слова, в конце слога перед следующим смычным или щелевым, реализуются смычные и щелевые русские согласные [Аймонгкхон 2008: 207].

Как отмечалось выше, большинство гласных контактирующих языков имеет больше сходства, чем различия. Нарушение может возникнуть только при реализации тайского гласного среднего подъема /ə/, у которого нет соответствия в русском языке. Он может быть реализован при помощи сочетания гласных /е/ и /о/.

РИТМИЧЕСКИЕ НАРУШЕНИЯ

На основе данных, полученных разными исследователями можно сделать вывод, что слог тайского языка значительно отличается от слога русского языка. Соответственно, это может быть причиной проявления отклонений в тайской речи русских учащихся.

В связи с этим можно спрогнозировать ритмические нарушения при произношении тайских слов русскими учащимися по следующим отличительным характеристикам:

1. Структура слога (количество звуков в позиции инициали).

В тайском языке возможно сочетание не более 2 звуков, однако не все звуки могут сочетаться друг с другом, а только определенные звуки со звуками [р], [л] и [в], то есть [кр], [кхр], [тр], [пр], [пхр], [кл], [кхл], [пл], [пхл], [кв] и [кхв]. Кроме того, так же существует ряд «ложных» стечений, сочетания звуков которых встречаются в русском языке, напр., /ср/, /бр/, /нр/ и т. д.

2. Звуки — финали слога.

Как отмечалось выше, звуков, допустимых в финали тайского слога, всего 8: [п], [т], [к], [м], [н], [нг], [в] и [й]. В то время как в абсолютном конце русских слов могут быть и другие звуки. Данное ограничение может провоцировать нарушения норм произношения тайских слов. Примеры рассмотрим:

В финали тайского слова อากาศ ‘воздух’ есть буква ศ. Эта буква обычно обозначает звук [с], однако, когда она оказывается в позиции финали, то обозначает имплозивный звук [т]: слово อากาศ ‘воздух’ произносится как [а:0ка: т 1].

Слово เดา ‘еда’ оканчивается буквой ฒ, обычно обозначающей звук [р], но в позиции финали соответствует имплозивному звуку [н], и слово เดา ‘еда’ читается как [а:0ха: н4].

Таким образом, согласные в финали произносятся с имплозией, то есть в определенной степени звуки изменяют свое звучание. Более того, тайский слог не может заканчиваться стечением согласных. Такие тайские слова как มิตร и บัทร заканчиваются сочетанием букв ฒ и ฒ, однако будут произнесены только одним имплозивным звуком [т]. В то время как такое стечение свойственно фонетическим правилам русского языка. Соответственно, это может приводить к ошибкам интерферирующего типа при овладении фонетическими навыками на тайском языке.

3. Ударение и редукция.

В тайском языке музыкальное и ритмическое ударения неподвижные, в отличие от подвижного русского ударения.

В связи с этим, и качественные характеристики редукции отличаются. Это связано с такими особенностями, что тайские гласные различаются по долготе-краткости, и кратким гласным также свойственна глоттализация.

В тайском языке обнаруживается изменение в произношении гласного звука в многосложных словах, в результате звук может сокращаться при быстром темпе произнесения, однако сохраняется как таковой: например, *иэ* [тхаЗэ] — *иэ* [ле:0] меняется на *иэа* [тха0ле:0] ‘море’, гласный [а] все равно звучит как [а], только глоттализация не сохранена.

Таким образом, мы можем предположить, что русские могут недостаточно растягивать долгие гласные или недостаточно укорачивать краткие, как положено.

НАРУШЕНИЯ НА ИНТОНАЦИОННОМ УРОВНЕ

Вслед за В. С. Нефедьевой мы понимаем под интонационными навыками речепроизводства «Автоматизированные операции выбора параметров интонационных компонентов, оформляющих смысл, а также их реализации в соответствии с интонационной системой данного языка и нормой употребления в ситуативно и контекстно обусловленной коммуникации», а под интонационными навыками восприятия «автоматизированные операции узнавания параметров интонационных компонентов в соответствии с их функциональной нагрузкой в данном языке» [Нефедьева 2006: 171].

На интонационном уровне между тайским и русским языками обнаружен ряд существенных отличий, что оказывает значительное влияние на восприятие и реализацию высказываний на тайском языке русскими. Характеристики, провоцирующие интонационные нарушения следующие:

1. В тайском языке есть тон, которого отсутствует в фонетической системе русского языка. В связи с этим, с большой вероятностью, можем ожидать отклонения от норма при реализации какого-либо тона. Кроме того, тон может также препятствовать осознанию наличия интонации. В отличие от интонации русского языка, которая может передавать содержание высказывания, в тайском языке смысл фразы передается при помощи тона, а интонация необходима лишь для введения дополнительной информации (эмоциональное состояние говорящего, модальность, оценка).

Кроме этого, предлагаем также обращать внимание на наличие характеристики гласных по долготе-краткости, то есть особенное затруднение может возникать в реализации краткого гласного в слоге с динамическими тонами, т. е. с падающим и низходяще-восходящим тонами.

Более того, стоит учитывать различие в произношении при чтении и говорении, так как произношение по правилам чтения, и произношение по разговорным нормам достаточно четко отличаются. Подобное явление может привести к тому, что русские студенты произносят многосложные слова в разговорной речи, сохраняя произношение по правилам чтения.

2. Наличие финальных частиц, определяющих типы высказываний в тайском языке и строгий порядок слов могут оказаться непривычными для русского языка, в котором типы высказываний могут быть определены с помощью интонационных конструкций (ИК) и порядок слов не такой устойчивый. Русским привычно различать смысл высказываний, интонационно оформленных по-разному, в то время как в тайском языке имеются так называемые финальные частицы, и некоторые из них могут определять тип высказывания ([mai] — финальная вопросительная частица, [na] — повествовательная, используется для убедительности).

Кроме того, в тайском предложении ударение чаще всего падает на последнее слово, т. е. или последнее слово, или слог будут произноситься более четко и громко. Это еще зависит от самого вопросительного слова, так как каждое из них имеет определенное место в более четком порядке слов, по сравнению с русским.

Таким образом, русские учащиеся могут неправильно интонировать вопросительные предложения на тайском языке. Например, русские могут задавать вопрос по третьей интонационной конструкции (ИК), то есть выражение вопроса без вопросительного слова «อ้อย» /а-рой3/ вместо «อ้อยไหม» /а-рой1 май3/. Или «ใช่คะ» /чай3 кха3/ вместо «ใช่ไหมคะ» /чай2 май3 кха3/. Или вопрос с вопросительным словом могут быть задан по ИК2, которая «ใครจะไป» /кхрай3 тья1 пай1/ вместо «ใครจะไป» /кхрай0 тья1 пай1/.

Надо отметить, что, кроме вышеуказанных случаев, которые могут препятствовать процесс формирования фонетических навыков, стоит также учитывать особенности произношения заимствованных слов в тайском языке, особенно те слова из английского и китайского языков, так как правила написания таких слов меняются со временем, и чаще всего оно не соответствует современным нормам разговорной речи тайцев.

Несмотря на то, что отличие в вокалической системе тайского и русского языков значительно меньше, чем в системе согласных, результат анализа показывает, что более сложные нарушения могут возникать именно с гласными, так как на это сильно влияет тоны и интонации, которые являются малоизученной темой.

Таким образом, на основе полученных результатов мы предполагаем продолжить контрастивный анализ просодических систем тайского и русского языков более подробно для разработки эффективной методики обучения русских тайскому произношению.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Азимов Э. Г., Щукин А. Н. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). М.: Издательство ИКАР, 2009.

Айаммонгкон Бонгкот. Тайско-русская фонетическая интерференция: сегментный уровень: Дисс... канд. филол. наук. СПб., 2008. 160 с.

Липилина И. Н., Музыченко Ю. Ф., Тхапаносотх П. Учебник тайского языка. Вводный курс. — 1-е изд. — Москва: ВКН Москва, 2021. — 332 с.

Любимова Н. А. Психолингвистические основы обучения второму языку // X конгресс международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы: «Русское слово в мировой культуре» пленарное заседание. Сб. докладов. Том II СПб., 2003. с. 164–172.

Любимова Н. А. Фонетическая интерференция и общение на неродном языке (Экспериментальное исследование на материале финско-русского двуязычия): Дисс. ... д-ра филол. наук. Л., 1991. 375 с.

Мекратанакулпат Н. Сопоставительное описание интонации русского и тайского языков в лингводидактических целях // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ. — 2017. — № 07. — С. 68–72

Нефедьева В. С. Проблема формирования интонационного навыка при обучении иностранцев русскому языку // Фонетический аспект общения на неродном языке: коллективная монография / под ред. Н. А. Любимовой. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2006. С. 170–176.

Окно в «культурную» Европу: приобщение Сиам к мировому научно-техническому прогрессу в период установления первых контактов с Западом (1511–1688 гг.)

Е.А. Панфилова

*СПбГУ, Санкт-Петербург
panfilov.1115@gmail.com*

К достижениям Таиланда, безусловно, относится сохранение им статуса единственной страны в Юго-Восточной Азии, которая не была колонизирована европейцами. Одной из главных причин сохранения Сиамом независимости стала дальновидная внешняя и внутренняя политика, проводимая правителями из династии Чакри: королями Монгкутом и Чулалонгкорном. По мере расширения колониальных владений в Индокитае XIX в. Англия и Франция всё ближе подбирались к границам королевства, поэтому избежать столкновения интересов западной и восточной цивилизаций было практически невозможно. Во многом благодаря проницательности сиамских королей и их гибкой внешней политике, включающей тесное сотрудничество с последним из российских императоров, сиамское государство не пало жертвой экспансии европейских гегемонов. Однако сохранение Сиамом суверенитета отнюдь не означало, что королевство находилось в культурной изоляции от иностранного влияния.

Прежде, чем говорить о роли западной мысли в культуре Сиам периода Нового времени, нужно принять во внимание

тот факт, что основная часть культурного наследия тайцев на протяжении многих веков складывалась под влиянием индуистских религиозных традиций кхмерских и монских государств, буддизма, который, в чем сходятся исследователи, проник на территорию Индокитая с Цейлона, и характерного для первобытных обществ анимизма. Причём буддизм, как справедливо замечала отечественный таиландовед Е. А. Фомичева,

...привнёс в тайскую культуру стройную эсхатологическую систему, представления о судьбе человека в мироздании, понятия нравственности и представление о заслугах как пути в будущую жизнь [Фомичева 2018: 180].

Другими словами, тхеравадинские философские концепции послужили основой для формирования духовно-социальной идентичности тайского этноса и, впоследствии, для развития сиамской государственности. Неудивительно, что попытки европейцев навязать тайцам свои мировоззрение и религию в XVII в. не увенчались успехом, поскольку, как уже было сказано, на индийском религиозно-философском комплексе зиждилось культурно-историческое единство тайцев. Не без причины королю Раматибоди III (1656–1688 гг.) при рождении было присвоено имя Нарая, как производного от Нараяны — одного из образов бога Вишну, а само королевство называлось Аютия — в честь столицы легендарного царства Кошала, родины героя древнеиндийского эпоса «Рамаяна» [ดำรงราชานุภาพ 2505: 29].

Может показаться, что в условиях господства индийского религиозно-философского влияния в жизни тайского общества, включая монархическую власть, проникновение элементов «чужой» культуры западного мира исключено. Однако, если рассматривать термин культуры как совокупности духовной и материальной составляющих, уровни развития которых могут в одно и то же время разительно

отличаться, то можно наблюдать значительный перевес иррационального (духовного) начала и рационального (материального или практического), на чём особенно заострял внимание Г.В.Ф. Гегель, констатируя отличия между западной и восточной философией [Гегель 1826: 234–235]. Но если немецкий философ представляет критический портрет восточных верований, для того чтобы оттенить достоинства христианства, то для нас это наблюдение полезно тем, что помогает отыскать ответ на главный вопрос: каким образом происходило знакомство тайцев с культурным опытом западных цивилизаций?

Прежде всего это была передача опыта практической деятельности развивающихся обществ Европы тогдашней Аюттии. Как известно, достижения в области науки, картографии, кораблестроения и навигации в Европе в XV–XVII вв. стали одним из факторов, побудивших португальских, а затем испанских и голландских морских путешественников начать поиски новых торговых путей и возможностей для ведения морской торговли.

Колонизация Юго-Восточной Азии началась с захватом португальцами столицы Малаккского Султаната в 1511 г. Ещё до падения Малакки главный архитектор Португальской империи Афонсу де Альбукерк отправил своего посланника ко двору Раматибоди II (1491–1529 гг.), — по отношению к которому султанат находился в вассальной зависимости, — чтобы вступить в дружественные отношения с Аюттией. После взаимного обмена дипломатическими посольствами в 1518 г. был заключен первый договор между Сиамом и Западной цивилизацией, по которому португальцы получили право на поселение и торговлю непосредственно в самой Аюттии и подчиненных ей областях (царстве Лигор, Паттани, Тенессериме) [Cruysse 2002: 6]. Для сиамцев Португалия была проводником в европейскую науку и передовые военные технологии.

Несмотря на то, что арабские торговцы и раньше завозили в Сиам ружья и пушки, португальцы предложили не только усовершенствованное оружие — мушкеты, но и специалистов по их использованию и изготовлению (впоследствии португальцы основали литейный завод в Паттани). В период полувекового противостояния Сиам и Бирмы часть португальского населения активно участвовала в сражениях в качестве наёмного пехотного войска — мушкетеров и в строительстве кирпичных городских стен, поскольку прежде Аютию окружал лишь земляной вал [Damrong 1925: 90].

Португальское влияние четко прослеживается и в современной сиамской кухне. Жена Константина Фалькона, правой руки государя, работала кухаркой во дворце Нарая и часто экспериментировала с приготовлениями традиционных тайских блюд, стараясь сделать их более «европейскими». Поэтому некоторые изобретенные ею десерты, ставшие популярными при дворе, имеют свои португальские прообразы [The Portuguese in Asia].

Следующий виток западного культурного влияния в Сиаме определила внешняя политика французского короля Людовика XIV (1643–1715 гг.). Между Францией и Сиамом поступательные отношения развивались на фоне обмена многочисленными взаимными посольствами. В основные задачи Франции, как утверждает А.И. Пылева, входило обращение в христианство королевство Аютия и установление французского протектората, однако ни первое, ни второе не обернулось успехом, когда в 1688 г. начальник сиамской элевантерии Пхра Петрача сверг с престола короля Нарая. Первопроходцами, проложившими дорогу в Сиам для французских купцов, а позже и солдат, были католические миссионеры. Во главе их стояли епископы Ламбер де Ла Мотт и Франсуа Паллю, руководители Французской иностранной миссии, основанной в 1659 г. французским духовенством

[Пылёва 2012: 87]. Духовная элита французской диаспоры в Сиаме и познакомилась тайского короля с такой наукой как астрономия.

Изобретенный в 1607 г. телескоп был одним из лучших технологических открытий Европы XVII в. Поэтому неудивительно, что он был преподнесен королю Нарая Великому в качестве подарка во время первого французского посольства в 1685 г. [Thai And Telescopes]. В делегацию придворных чиновников, в отличие от предыдущих иностранных дипмиссий, входили шесть священников-иезуитов, владевших исчерпывающими на тот момент знаниями в области математики и астрономии. Королевская академия Парижа обеспечила их термометрами, барометрами и множеством других научных инструментов. Встреча с миссионерами полностью перевернула привычные космологические представления Нарая и убедила его в необходимости сотрудничества с европейскими учеными. Помимо личного интереса Нарая к чужеземным технологиям за проведением космических наблюдений стояла ещё и практическая выгода — звёзды служили ориентиром при составлении карт и определения времени. Как пишут современные тайские исследователи, когда король Нарай узнал о существовании Пекинской обсерватории, которую астрономы-иезуиты оборудовали для императора Китая последними техническими приборами, он отдал приказ построить похожую обсерваторию на территории своего дворца в Лопбури. Она носила имя святого апостола Павла — «Обсерватория Ват Сан-Паоло» — и в историю тайского зодчества вошла как первое архитектурное сооружение, которое называли в честь христианского святого. По информации, полученной в ходе раскопок под руководством Департамента изобразительных искусств в Лопбури, по изначальному плану Ват Сан-Паоло должен был представлять собой упрощенную, в архитектурном смысле, версию

Парижской обсерватории: двухэтажную резиденцию с внутренним двором и трехэтажной башней со смотровой площадкой, однако строительство не было завершено в силу смерти короля Нарая и смены политического курса в Сиаме [Soonthornthum, Orchiston, Komonjinda 2012: 11–16].

От обсерватории, где размещались французские миссионеры из посольства 1685–1687 гг. и где находилась их духовная семинария с католическим собором, осталось только её основание и полуразрушенная кирпичная стена восьмиугольной башни. Есть предположения, что именно в этой башне король Нарай и его приближенные наблюдали полное лунное затмение 10 декабря 1685 г. и частичное затмение 30 апреля 1688 г. Так или иначе, ученые сходятся во мнении в том, что эти и другие наблюдения, сделанные в обсерватории Ват Сан-Паоло в 1680-х гг., положили начало современной научной астрономии в Таиланде [Soonthornthum, Orchiston, Komonjinda 2012: 32–34].

Ещё одним архитектурным сооружением, построенным при Нараяе и сочетающим в себе элементы французского классицизма XVII в., стала вышеупомянутая резиденция самого короля. По его указанию её построили на месте второй столицы Аюттии — Лопбури — она получила официальное название Пхра Нарай Ратчанивет [พระนารายณ์ราชนิเวศน์]. Дворец был спроектирован французскими архитекторами, его строительство началось в 1665 г. и было завершено 12 лет спустя, в 1677 г. [More Than A Second Home]. Для тайландских искусствоведов дворец Нарая больше всего интересен за счёт своих технологических новшеств, которые считались передовыми для Сиамы XVII в. Во-первых, во дворце была сложная система водоснабжения, которая не только доставляла пресную воду из отдаленных источников, но и орошала прилегающие территории. Система подачи воды по трубам была хорошо описана в панегирике без установленного авторства «Похвала царю

Нараю Великому» [Pombejra 2019: 7]. Вход и окна в тронный зал были спроектированы в виде стрельчатых арок в индо-персидском стиле, которые и сейчас можно заметить в руинах тронного зала. Примечательно, что такие же арки служат входами в смотровую башню первой сиамской обсерватории. В руинах дворца почти не угадываются отпечатки тайского традиционного архитектурного стиля.

Одним из уникальных предметов интерьера тронного зала дворца короля Нарая было привезенное из Франции бесшовное зеркало. Такие же зеркала украшают знаменитые галереи Версальского дворца. По рассказам современников, сиамский дворец был наполнен прекрасным французским хрусталем. Сейчас внутри зала помещена статуя в честь основателя дворца, короля Нарая Великого. Рядом с ним находится низкая рельефная скульптура, изображающая месье Шевалье де Шомона, посла Людовика XIV, вручающего письмо королю Нарая в Большом дворце в Аютии в 1685 г. [A Land Steeped In History].

К северу от Пхра Нарай Ратчанивет размещён другой дворцовый комплекс, отстроенный в наглядном сочетании европейско-тайского стиля, — резиденция первого государственного советника Константина Фалькона, Бан Вичайен. В этом просторном комплексе, где также останавливались французские дипломаты во времена первых посольств, среди прочих жилых построек выделяется центральное сооружение — католическая церковь с колокольной. Неслучайно иностранные пришельцы прозвали её на французский манер — Нотр-Дам-де-Лопет младшая [A Land Steeped In History]. О том, что Бан Вичайен построен с заимствованием западных архитектурных элементов, преимущественно популярных в эпоху Возрождения, свидетельствуют арочные конструкции, треугольные фронтоны и ... обыкновенный кирпич на известковом растворе. Благодаря усовершенствованной

технике кладки кирпича, с которой французы познакомили сиамских королевских зодчих в XVII в., мы спустя более чем три столетия можем видеть следы аюттийских построек, переживших не одно поколение монархов. Что касается кровли, то она ни в одном из приведенных случаев не сохранилась, поэтому тайландские искусствоведы выделяют несколько её потенциальных вариаций. Например, Нотр-Дам-де-Лорет младшая, предположительно, могла иметь традиционную для тайского дворцового строительства пирамидальную трехъярусную крышу, из-за чего в узких кругах она большее известна как первая в мире христианская церковь, которая сочетает в себе подобные элементы буддистской архитектуры [Ban Vichayen].

Во многом именно такой вид культурного наследия Сиам, как дворцовая архитектура времен правления «веротерпимого» короля и по совместительству выдающегося ученого своей эпохи Нарая Великого, в особенности постройки, в облике которых соединены традиции Запада и Востока, даёт нам основание полагать, что сиамцы в период установления первых контактов с европейскими державами активно заимствовали из иностранной культуры некий набор приёмов, прикладных навыков, а не эстетическую программу. Став непосредственными очевидцами достижений технического прогресса развитых обществ, они охотно перенимали эти достижения и модифицировали их под свои нужды. Другими словами, в первую веку культурной адаптации Сиам, которую можно датировать XVI–XVII вв., западное влияние не затронуло духовно-нравственные ценности тайского народа, но отразилось на его материальном мире. Если же заглянуть на пару столетий вперед, станет понятно, что такое положение будет сохраняться недолго: через критику западной мыслью пройдут и тайский буддизм, и королевская власть, когда Сиам окажется под угрозой потери независимости.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Гегель 1826 — Г.В.Ф. Гегель. Об эпизоде «Махабхараты», известном под названием «Бхагавад-Гита» Вильгельма фон Гумбольдта. 1826. Ст. 2. Ч. 4 // Г.Б. Шаймухамбетова. Гегель и Восток. Принципы подхода. М.: Восточная литература, 1995.

Пылёва 2012 — А.И. Пылёва. Деятельность французских католических миссионеров в контексте геополитической стратегии Франции в Сиаме в XVII в. СПб: Вестник СПбГУ. Сер. 13. 2012. С. 85–93.

Фомичева 2018 — Е.А. Фомичева. Национальная культура, национальная психология тайцев и вызовы современности // Историческая психология и социология истории. 2018. Т. 11. Ч. 2. С. 180–190.

A Land Steeped In History — Bangkok Post: A Land Steeped In History. URL: <https://www.bangkokpost.com/life/travel/1471805/a-land-steeped-in-history> (дата обращения 22.02.2025)

Ban Vichayen — Ambassador's Residence or Vichayen House. URL: <https://www.lopburi.org/lopburi-banvichayen> (дата обращения 12.01.2025).

Cruysse 2002 — D. van der Cruysse. Siam & The West, 1500–1700. Washington: University of Washington Press, 2002.

Damrong 1925 — R. Damrong. The Introduction of Western Culture in Siam // The Journal of the Siam Society. 1927. Vol. 20. P. 89–100.

More Than A Second Home — Bangkok Post: More than a second home. URL: <https://www.bangkokpost.com/thailand/general/1996559/more-than-a-second-home> (дата обращения 21.02.2025).

Pombejra 2019 — D. Na Pombejra. The Eulogy of King Narai // The Journal of the Siam Society. 2019. Vol. 107(2). P. 1–16.

Soonthornthum, Orchiston, Komonjinda 2012 — B. Soonthornthum, W. Orchiston, S. Komonjinda. The French Jesuit Mission to Thailand in the 1680s and the Establishment of a Major Astronomical Observatory // ICHA Science Meetings at the IAU XXVIII General Assembly. 2012.

Thai and Telescopes — Thais and Telescopes: The Remarkable History of Astronomy in Thailand. URL: <https://siamrat.blog/2020/01/27/>

thais-and-telescopes-the-remarkable-history-of-astronomy-in-thailand/ (дата обращения 10.03.2025).

The Portuguese in Asia — Maria Guyomar de Pinha, the Luso-Asian who introduced Portuguese desserts to Thai royalty. URL: <https://www.portuguese.asia/post/maria-guyomar-de-pinha-the-luso-asian-who-introduced-portuguese-desserts-to-thai-royalty> (дата обращения 16.02.2025).

ตำราราชานุกาพ — สมเด็จพระเจ้าบรมวงศ์เธอ กรมพระยาดำรงราชานุภาพ. พระราชพงศาวดาร ฉบับพระราชหัดถเลขา. พระนคร: โอเดียนสโตร์, 2505.

พระนารายณ์ราชนิเวศน์ — พระนารายณ์ราชนิเวศน์ แหล่งเรียนรู้ประวัติศาสตร์ ลพบุรี. URL: <https://www.paiduaykan.com/travel/พระนารายณ์ราชนิเวศน์> (дата обращения 05.01.2025).

Наименования человека, мотивированные предметной лексикой в русском и тайском языках: семантический анализ

Ангсана Ручангдам

*Отделение русского языка, кафедра западных языков,
филологический факультет, университет Чулалонгкорна,
Бангкок
angsana.r@chula.ac.th*

Образ человека является зеркалом национальной культуры. В русском и тайском языках отмечается значительное разнообразие наименований человека, мотивированного предметной лексикой.

Актуальность работы определяется необходимостью комплексного описания существительных и устойчивых атрибутивных словосочетаний в русском и тайском языках, выявлением уникальной особенности употребления данных номинаций в лингвокультурном пространстве современной коммуникации.

Цель статьи заключается в проведении семантического анализа существительных и устойчивых атрибутивных словосочетаний, именующих человека в русском и тайском языках, а также в установлении специфики употребления этих номинаций с учетом особенностей их культурной составляющей. Отражено использование лексических единиц в текстах разной функционально-стилевой принадлежности. В работе использованы описательный и сопоставительный методы.

В современной русской лингвистике все больше внимания уделяется изучению образа человека в контексте языка, истории и национальной культуры.

В. В. Виноградов, рассматривая вопрос о взаимосвязи слова и наименования предмета, подчеркивает, что «обозначая явление, предмет, слово вместе с тем передает его связи и отношения в динамическом целом, в исторической действительности. Оно отражает понимание «кусочка действительности» и его отношения к другим элементам той же действительности, как они осознавались или осознаются обществом, народом в известную эпоху и при этом с широкой возможностью позднейших переосмыслений первоначальных значений и оттенков» [Виноградов 1977: 163].

Н. Д. Арутюнова отмечает, что имена лица и предмета используются для называния (денотации) и подтверждаются наблюдениями за развитием некоторых номинаций, опирающихся на метафору [Арутюнова 1999: 64].

Аспекты образа человека находят отражение в языковой картине мира и изучаются на разных уровнях языковой системы — «образные номинации человека как единицы вторичного семиозиса обнаруживают явную денотативную соотнесенность: один и тот же предмет может стать носителем эталонных свойств, репрезентируемых как в узуальной метафоре, так и в устойчивом сравнении, во фразеологизме и паремии» [Землякова 2005: 3].

Предметом данного исследования являются существенные и устойчивые атрибутивные словосочетания, обозначающие человека в русском и тайском языках, несущие в себе отпечаток национально-культурной специфики, отраженной в образе предметов бытового обихода. Материалом для исследования послужили толковые, фразеологические, лингвострановедческие словари, а также словари неологизмов русского и тайского языков.

Выявленная нами группа существительных и устойчивых атрибутивных словосочетаний, обозначающих человека, мотивированных предметной лексикой в русском и тайском языках, включает 121 лексическую единицу (в русском языке — 63 номинации, а в тайском — 58).

Отобранные номинации представлены такими тематическими группами как 1) наименования человека по телосложению; 2) наименования человека по внешности; 3) наименования человека по роду деятельности; 4) наименования человека по возрасту; 5) наименования человека по его статусу и роли в семейных, дружеских и межличностных отношениях. Рассмотрим каждую из этих групп.

1. НАИМЕНОВАНИЯ ЧЕЛОВЕКА ПО ТЕЛОСЛОЖЕНИЮ

Данная группа разделена на две подгруппы.

а) по признаку «полный-худой»

Наименования, обозначающие телосложение людей в русском языке, часто имеют семантическую связь с предметами, характеризующимися определённой формой или объёмом, такими как сосуды, мебель, куски дерева, палки, сооружения или шары. Для обозначения полного человека в русском языке используются номинации: *бочка*, *кубышка*, *колода*, *самовар*, *шкаф*, *монумент*, *мячик*.

Бочка — «разг.-сниж. О чрезвычайно полном человеке» [БТСРЯ 2000: 93]. *Самовар* — «толстый человек» [Елистратов 2000: 414]. *Шкаф* — разг. О крупном, неуклюжем мужчине [БТСРЯ 2000: 1499].

Словами, именующими человека худощавого телосложения, выступают лексемы *доска*, *палка*, *спичка*.

Доска — «о тощем, худом человеке» [Ожегов 2010: 154]. *Палка* — разг. Употр. в сравнениях, об очень худощавом

человеке [Ушаков 1939: 25]. *Спичка* — разг. Очень худой [Ожегов, Шведова 2006: 756].

В тайском языке для обозначения людей с крупным телосложением употребляются слова, семантически связанные с формой традиционного сосуда. Слово โฉม (букв. «глиняная бочка») обозначает полного человека. Производным от него словом является номинация โฉมมังกร (букв. «глиняная бочка с узором драконов»). Полную женщину называют ตุ่ม (букв. «глиняный бак»). От этого слова образуются производные неологизмы ตุ่มมังกร (букв. «глиняный бак с узором драконов») и ตุ่มสามโคก (букв. «глиняный бак района Самкок») [ราชบัณฑิตยสถาน 2554: 53].

Сейчас в шутильной форме используется разговорное слово ถังแก๊ส (букв. «газовый баллон»), которое обычно применяют по отношению к полным женщинам, детям, а также к домашним животным — кошкам и собакам.

Для обозначения чрезвычайно худого человека используется номинация ไม้เลียบผี (букв. «призрачный шампур»), которая представляет интерес с лингвокультурной точки зрения: в давние времена так именовали специальную палку из бамбука, которую использовали во время церемонии кремации простых людей.

В русском языке встречаются сравнения, описывающие тонкие ноги человека: *ноги как спички, ноги как палочки*. Подобные сравнения имеют аналог и в тайском языке ตะเกียบ (букв. «палочки»), ขาตะเกียบ (букв. «ноги-палочки»). Антонимом к приведенным лексическим единицам выступает слово ขาโต๊ะสนุก (букв. «ножка бильярдного стола»), т. е. полные ноги.

б) по признаку «высокий-невысокий»

В русском языке представления об образе человека высокого и маленького роста могут быть связаны с формой архитектурного сооружения, палки и маленького предмета, а в тайском языке — с предметами в виде столбов.

Для обозначения человека высокого роста в русском языке используются существительные *башня*, *каланча*, *дубина*, *жердина*, *жердь*, *оряси́на*, *шпала*, *вешалка*.

Башня — «высокий человек» [Елистратов 2000: 30]. *Эй-фелева башня* — «жарг. мол. Шутл. Человек высокого роста» [БСРП 2007: 33]. *Каланча* — «шутл. О человеке очень высокого роста» [БТСРЯ 2000: 411]. *Вешалка* — «девушка; топ-фотомодель (высокого роста, худая)» [Елистратов 2000: 61].

Наименования человека маленького роста представлены номинациями с шутливой окраской, такими как *напёрсток*, *шпингалет*.

Напёрсток — шутл. О человеке маленького роста (преимущественно ребёнке) [БТСРЯ 2000: 591]. *Шпингалет* — «[от франц. *espagnolette*]. Шутл. О юноше или подростке небольшого роста» [Там же: 1504].

В тайском языке употребляется разговорное слово с шутливым оттенком เสาไฟฟ้า (букв. «электрический столб»), обозначающее человека очень высокого роста. Антонимом к нему выступает разговорное шутливое слово หลักลีโล (букв. «километровый столб»). Номинация เสาตอม่อ (букв. «столбчатый фундамент»), разговорный вариант — ตอม่อ, обозначает человека маленького роста, имеющего полное телосложение [ราชบัณฑิตยสถาน 2556: 1257].

2. НАИМЕНОВАНИЯ ЧЕЛОВЕКА ПО ВНЕШНОСТИ

«Внешность» понимается нами и как наружный облик человека, и как выражение лица, и как внешний вид (по отношению к одежде). В эту группу в русском языке входят существительные, используемые по отношению к внешности человека в переносном значении: *матрёшка*, *кукла*, *куколка*, *картинка*.

Образ человека, напоминающего куклу, ассоциируется с эстетически привлекательным внешним видом. Слову *матрёшка* в словарных дефинициях даются значения, описывающие форму и выражение лица, а также яркий стиль одежды, соответствующие свойствам признаков внешности данной куклы.

В «Толковом словаре русского языка» Т. Ф. Ефремовой слово *матрёшка* определяется как «полная, румяная, круглолицая девочка или девушка, напоминающая русскую игрушку в виде расписной куклы» [Ефремова].

Слово *матрёшка* в «Большом лингвострановедческом словаре «Россия»» под редакцией Ю. Е. Прохорова трактуется так: «*Матрёшкой* в шутку могут назвать девочку или девушку в наряде, похожем на русский национальный костюм и с платочком на голове» [БЛС 2009: 351].

В «Большом толковом словаре русского языка» С. А. Кузнецова устойчивое атрибутивное словосочетание *аппетитная матрёшка* употребляется в разговорной речи с ироничным значением, здесь речь идёт «о ярко накрашенной и пёстро одетой женщине» [БТСРЯ 2000: 525].

Уменьшительно-ласкательное слово *куколка* обозначает нарядную, хорошенькую девочку или женщину [Там же: 478]. В отличие от слова *куколка*, значение слова *кукла* несет негативную оценочную коннотацию. *Куклой* называют «красивую, но пустую, бездушную женщину» [Дмитриев 2003: 520], а также человека, который «слепо подчиняется воле другого человека» [Там же]. Второе значение выступает эквивалентом лексемы *марионетка*.

В современном языке СМИ стало распространяться словосочетание *живая кукла*, обозначающее участника проекта, имитирующего определённого персонажа. Производными от него словами являются *живая Барби*, *живые Барби*, *живой Кен*. Слово *картинка* обозначает очень красивого человека.

В отличие от русского языка, в тайском языке слово ตุ๊กตา (букв. «кукла») употребляется только в положительном значении — милая, красивая девочка или девушка, чьи черты лица напоминают куклу. Производное от него слово ตุ๊กตาบาร์бі (букв. «кукла Барби») используется в таком же значении.

Ближкие по семантике номинации, относящиеся к внешности, обозначающие человека с неопрятным внешним видом — *пугало, швабра, чучело, чучело гороховое*.

Пугало — «о некрасивом, безобразно одетом человеке» [БТСРЯ 2000: 1044]. *Швабра* — «разг.-сниж. О растрёпанной женщине, девушке» [Там же: 1492]. *Чучело* — «презрит. О неряшливо, нелепо одетом или грязном человеке» [Там же: 1487].

В тайском языке наименования человека по отношению к одежде представлены номинациями, такими как ชุดดำ (букв. «черный наряд») — перифраза со значением «вор» или «преступник»; ผ้าขาว (букв. «белая ткань») является перифразой со значением «ребёнок» и используется в том значении, что дети рождаются чистыми и невинными. Аналогом в русском языке выступает выражение *чистый лист бумаги*.

Неологизм หมั้นเสื้อ (букв. «вешалка») обозначает человека, от которого зависит, как будет восприниматься одежда, т. е. он может произвести как удачное, так и неудачное впечатление. [ราชบัณฑิตยสถาน 2557: 272].

3. НАИМЕНОВАНИЯ ЧЕЛОВЕКА ПО РОДУ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Номинации для обозначения профессий в русском языке часто имеют отношение к предметам одежды, и включают такие существительные как *шинель, пальто, колпак, перчатка, воротничок*.

Визуальный образ человека ассоциируется с элементами одежды, определяющими стиль, цвет, функции, характерные

для данной профессиональной деятельности. *Серые шинели* является перифразой лексемы «солдат» [БТСРЯ 2000: 1497]. *Гороховое пальто* — «разг. Устар. о сыщике, агенте тайной полиции» [БСРП 2007: 479]. *Чёрный колтак* — «жар. угол. 1. Оперативные службы МВД, КГБ. 2. Гласный административный надзор» [Там же: 303]. *Первая перчатка* означает лучшего боксёра, чемпиона по боксу [СНСРЯ 1995: 515]. Следует отметить, что прилагательное *первый* в данном контексте означает «самый лучший».

Устойчивое словосочетание *белые воротнички* в русском языке является калькой из английского *white-collar worker* и употребляется в западной социологии в значении «работники умственного труда» [Райзберг, Лозовский, Стародубцева 1999: 53]. Антонимом к нему выступает *синие воротнички* (анг. *blue-collar worker*) — рабочие физического труда. Эти профессии получили свои названия благодаря определенному цвету униформы, используемой на рабочем месте.

Профессиональная деятельность в сфере музыки представлена лексическими единицами, мотивированными видами музыкальных инструментов: *скрипка*, *первая скрипка*, *первый барабан*.

Слово *скрипка* используется в прямом значении как «разг. Музыкант, играющий на этом инструменте» [БТСРЯ 2000: 1202]. Словосочетание *первая скрипка* употребляется в переносном значении и имеет два значения: «1. Скрипач, исполняющий ведущую партию в оркестре. 2. Человек, которому принадлежит в чём-л. главная, ведущая роль» [Там же]. Прилагательное *первый* в этом контексте означает «главный, ведущий, наиболее важный».

Шутливым варьированием оборота *первая скрипка* служит *первый барабан* — «жарг. мол. Шутл.-ирон. Человек, играющий главную роль в каком-л. деле, предприятии, организации чего-л.» [БСРП 2007: 29].

В группу профессий входят также номинации с прилагательными, производными от названий письменных принадлежностей: *бумажный* (от бумага), *чернильный* (от чернила). Возможно, это объясняется тем, что эти профессии часто связаны с бумажной работой и документами. В русском языке представлен синонимический ряд фразеологизмов, обозначающих чиновника, бюрократа, формалиста: *бумажная душа, чернильная душа, чернильная крыса, канцелярская (чернильная) крыса, чернильный писака*. Все эти номинации носят яркий метафорический характер и содержат негативную оценку.

В тайском языке для обозначения профессий существуют слова, имеющие образное значение. Слово เรือจ้าง (букв. «чартерная лодка») зафиксировано в тайском языке с древних времен, что объясняется традиционным использованием лодок в качестве основного средства передвижения по воде в Таиланде. Это выражение описывает важную роль учителя как проводника, помогающего ученикам доплыть до «желанного берега», символизирующего достижение цели и успеха. แม่พิมพ์ของชาติ (букв. «печатная форма нации») — учитель, являющийся хорошим примером для учеников [ราชบัณฑิตยสถาน 2556: 923].

Номинация รั้วของชาติ (букв. «забор нации») получила широкое распространение в тайском языке после того, как правительство Таиланда провозгласило в 1944 г. «6 принципов тайского народа» (“คติ 6 ประการของคนไทย”). Это патриотический лозунг, которого придерживался в своей деятельности премьер-министр Таиланда фельдмаршал П. Пибулсонгкрам. Одним из важных и легко запоминающихся принципов является лозунг “ประเทศเป็นบ้าน ทหารเป็นรั้ว” (букв. «Страна — это дом, солдат — это забор») [เกษตรศิริ, เพชรเลิศอนันต์, พงศ์พนิตานนท์ 2540: 172].

Неологизм นักรบเสื้อกาวน์ (букв. «воин в медицинском халате») является перифразой со значением врача, медсестры,

медицинского работника вовремя пандемии COVID-19. Номинация *ขุนพลเสือกล้ำ* (букв. «главнокомандующий в майке») употребляется в спортивных СМИ и служит перифразом для обозначения любительского боксёра [ราชบัณฑิตยสถาน 2557: 40].

4. НАИМЕНОВАНИЯ ЧЕЛОВЕКА ПО ВОЗРАСТУ

Это — самая малочисленная группа (4 номинации). В русском языке при обозначении возраста человека в качестве образных сравнений часто используются бытовые предметы. Номинация *старая вешалка* употребляется в значении старой некрасивой женщины, *старая кошелка* — немолодая женщина, *старая шпала* обозначает старого, дряхлого человека. В тайском языке выражение *ไม้ใกล้ฝั่ง* (букв. «береговое дерево») носит эвфемистический характер и обозначает человека преклонного возраста [ราชบัณฑิตยสถาน 2556: 932].

5. НАИМЕНОВАНИЯ ЧЕЛОВЕКА ПО ЕГО СТАТУСУ И РОЛИ В СЕМЕЙНЫХ, ДРУЖЕСКИХ И МЕЖЛИЧНОСТНЫХ ОТНОШЕНИЯХ

Это — самая многочисленная группа слов (42 номинации). В русском языке для обозначения семейных отношений используются пары слов, означающие человека по его гендерной принадлежности: *соломенный вдовец* «разг. Шутл. Мужчина, временно оставшийся без жены или не живущий с ней» [БСРП 2007: 73], эквивалент — *соломенная вдова*. Однако эти фразеологизмы имеют особую мотивацию, они являются калькой из немецкого языка *Strohwitwer* и *Strohwitwe*.

В тайском языке для обозначения вдовы или вдовца с детьми используется разговорное слово *เรือพวง* (букв. «баржа»),

которое входит в состав устойчивых словосочетаний แม่ฝ่ายเรือ พ่วง, พ่อฝ่ายเรือพ่วง (букв. «вдова баржи», «вдовец баржи»). Номинация ฝ่ายขึ้นหมาก (букв. «человек, оставшийся без свадебной церемонии») обозначает женщину, чей жених скончался или разорвал помолвку до свадьбы [ราชบัณฑิตยสถาน 2556: 904].

เสาหลัก (букв. «главный, опорный столб») — важный человек, который может служить опорой для семьи или страны [ฝ่ายวิชาการภาษาไทย 2552: 1152]. Словосочетание แขนแตก (букв. «расщепленный плоть») является частью фразеологизма “ขาดพ่อเหมือนถ่อหัก ขาดแม่เหมือนแขนแตก” (букв. «без отца как сломанный бамбуковый шест, без мамы как расщепленный плоть») и означает членов семьи, оставшихся без главы семьи.

Для обозначения дорогого и любимого человека в русском языке может употребляться номинация *божий дар*. Слово *золото* используется как «ласковое обращение к дорогому, любимому человеку» [БТСРЯ 2000: 369]. А в тайском языке в данном контексте широко используется слово แก้ว (букв. «стекло») от которого образуются разные производные слова. Слово แก้ว (букв. «стекло») имеет отношение к буддизму и определяется как что-то высокочтимое, это «Три Драгоценности». Данное слово может использоваться в сочетании с существительным для обозначения чего-то очень ценного, любимого или превосходного [ราชบัณฑิตยสถาน 2556: 155], например, ลูกแก้ว, ลูกแก้วลูกขวัญ (букв. «стеклянный шар») — самый любимый ребенок, ห่วงแก้วห่วงหววน (букв. «кольцо со стеклянной вставкой») — любимый ребенок или ученик.

Для обозначения различных типов отношений между людьми в русском языке используются фразеологизмы, включающие существительное *рубашка*: *снять с кого-либо последнюю рубашку, оставить кого-либо в одной рубашке, последнюю рубашку готов с себя снять*.

Что касается особенности описания межличностных отношений, то в тайском языке часто встречаются номинации,

включающие существительное ของ (букв. «предмет»): ของสูง (букв. «высокий предмет») — благородный человек из знатного рода, высокоуважаемый человек или женщина, чей социальный статус превосходит статус мужчины. ของเล่น (букв. «игрушка») — так называют человека, с которым не собираются строить серьезные отношения, поэтому его сравнивают с игрушкой. Словосочетание ของตาย (букв. «мёртвый предмет») используется для обозначения близкого человека, которого воспринимают как нечто само собой разумеющееся, в качестве собственности. Такое восприятие может проявляться при равнодушном отношении и отсутствии ценности человека.

Синонимичные фразеологизмы หัวกระไดไม่แห้ง и หัวบันไดไม่แห้ง (букв. «мокрые ступени») обозначают хозяина дома, у которого есть красивая дочь или внучка, к которой постоянно приходят молодые люди. Эти выражения объясняются социальной нормой гигиены, восходящей к старинной тайской традиции. Поскольку тайские дома традиционно строились на сваях, перед подъемом по лестнице было принято оставлять обувь и омывть ноги. Из-за большого количества воды, прилипшей к ногам гостей, мокрые следы отпечатывались на полу [ราชบัณฑิตยสถาน 2555: 75].

Интересно использование номинаций, говорящих об определенном отношении к другим людям, встречающихся в тайском языке в так называемой шахматной лексике. เป็บบน (букв. «верхняя пешка») — человек, имеющий больше власти и авторитета в определенной ситуации [ราชบัณฑิตยสถาน 2556: 685]. Антонимом к нему выступает слово เป็บล่าง (букв. «нижняя пешка»).

Наименования человека, играющего роль посредника в каких-либо отношениях в тайском языке представлены широким диапазоном номинаций: สะพาน (букв. «мост») — человек, выполняющий роль посредника в каком-либо деле; หัวเรือ

ใหญ่ (букв. «большая голова лодки») означает человека, который действует от имени других и ответственно управляет их делами или лицо, отвечающее за организацию крупных мероприятий; กาวใจ (букв. «душевный клей») — медиатор. Слово แม่เลี้ยง (букв. «мама куриной клетки») употребляется в значении хозяйки борделя. Эквивалентом является слово พ่อเลี้ยง (букв. «папа куриной клетки») — сутенер.

Также в тайском политическом и экономическом дискурсе в качестве метафоры используется слово พupp (букв. «театральная кукла — марионетка»), эквивалентом в русском языке выступает лексема *марионетка*. Производными словами от него являются лексемы รัฐพupp, รัฐบาลพupp, รัฐบาลพupp (букв. «марионеточное государство»).

Наименования человека, используемого как инструмент для выполнения каких-либо целей в русском языке представлены лексическими единицами *толкач*, *живой товар*. В тайском языке в подобном контексте встречаются существительные เครื่องมือ, กระโถนห้องพระโรง (букв. «инструмент», «горшок тронного зала»).

Следует отметить, что фразеологизм с эмоционально-оценочным значением กระโถนห้องพระโรง (букв. «горшок тронного зала») пришел из реалий жизни королевского дворца и обозначает человека, который должен брать на себя ответственность за рабочую нагрузку или человека, которого используют как объект для выплеска негативных эмоций [ราชบัณฑิตยสถาน 2556: 40].

Неологизм ตู้เอทีเอ็ม (букв. «банкомат») употребляется в переносном значении — человек, который является источником получения денег [ราชบัณฑิตยสถาน 2557: 156]. Это слово несет шутиливую окраску.

Для обозначения любовных отношений в тайском языке используется словосочетание ฝานไฟเก่า (букв. «старый древесный уголь»), означающее влюбленных, которые

после расставания могут легко возобновить отношения [ราชบัณฑิตยสถาน 2556: 530]. Номинация รถด่วนขบวนสุดท้าย (букв. «последний скорый поезд»), аналогичная русскому выражению *последний вагон*.

Лексическая единица คานทอง (букв. «золотая балка») носит метафорический характер и используется для обозначения женщины зрелого возраста, которая еще не замужем [ราชบัณฑิตยสถาน 2550: 30]. Эквивалентом в русском языке выступает выражение *старая дева*.

Интересно происхождение этого выражения в том, что оно является производным от глагола ขึ้นคาน (букв. «поднимать что-либо на балку»), история которого берет начало от процесса подъема лодки на балку для ремонта. В это время лодка не могла быть использована по назначению и оставалась на балке [ขุนวิจิตรมาตรา 2541: 79].

В современном тайском языке жаргонные слова หม้อ (букв. «кастрюля») и หนี้าหม้อ (букв. «лицо-кастрюля») употребляются в значении мужчины-бабника. Интересно, что истоки этого выражения можно найти в художественной литературе Таиланда. В поэме «Нират Суфан» (1831 г.) великого тайского поэта Сунтона Пу традиционная тайская кастрюля описывается как символ: ее форма напоминает женское тело, а крышка — мужчину. Этот образ кастрюли символизирует пару «женщина-мужчина». В нем также отражено социальное положение женщин того времени, чей статус определялся властью мужчин [สุลลิก 2561: 117].

В заключение подчеркнем, что наименования человека, мотивированные предметной лексикой в русском и тайском языках, как правило, имеют образное и переносное значение. Многие из них являются фразеологизмами и носят метафорический характер. Большинство исследуемых номинаций имеет разговорную окраску и могут выражать положительную или отрицательную субъективно-оценочную

модальность. В семантике представленных номинаций отражается уникальный взгляд на мир, концептуальный образ и стереотипные представления о человеке через предметы, характерные для тайской и русской культур.

ЛИТЕРАТУРА

Арутюнова 1999 — Н.Д. Арутюнова. Язык и мир человека. 2-е изд., испр. М.: Языки русской культуры, 1999.

БЛС 2009 — Россия. Большой лингвострановедческий словарь / под ред. Ю.Е. Прохорова. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2009.

БСРП 2007 — В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитина. Большой словарь русских поговорок. М.: Олма Медиа Групп, 2007.

БТСРЯ 2000 — Большой толковый словарь русского языка / под ред. С.А. Кузнецова. СПб.: Норинт, 2000.

Виноградов 1977 — В.В. Виноградов. Избранные труды. Лексикология и лексикография. М.: Наука, 1977.

Дмитриев 2003 — Д.В. Дмитриев. Толковый словарь русского языка. М.: Астрель: АСТ, 2003.

Елистратов 2000 — В.С. Елистратов. Словарь русского арго. Материалы 1980–1990-х гг.: Около 9000 слов, 3000 идиоматических выражений. М.: Русские словари, 2000.

Ефремова 2000 — Т.Ф. Ефремова. Толковый словарь русского языка. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/efremova/184674/Матрешка> (дата обращения 24.05.2025).

Землякова 2005 — Н.В. Землякова. Устойчивые образные номинации человека: Структурно-семантический и лексикографический аспекты. Автореферат. Кандидатская диссертация. Краснодар. КубГУ, Кафедра общего и славяно-русского языкознания, 2005.

Ожегов 2010 — С.И. Ожегов. Толковый словарь русского языка: Ок. 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений / С.И. Ожегов; Под ред. проф. Л.И. Скворцова. 27-е изд., испр. М.: Издательство «Оникс»: Издательство «Мир и Образование», 2010.

Ожегов, Шведова 2006 — С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. Толковый словарь русского языка / Российская академия наук. Институт

русского языка им. В.В. Виноградова. 4-е изд., дополненное. М.: А ТЕМП, 2006.

Райзберг, Лозовский, Стародубцева 1999 — Б.А. Райзберг, Л.Ш. Лозовский, Е.Б. Стародубцева. Современный экономический словарь. 2-е изд., испр. М.: ИНФРА-М., 1999.

СНСРЯ 1995 — Словарь новых слов русского языка (середина 50-х — середина 80-х годов) / под ред. Н.З. Котеловой. СПб.: Дмитрий Буланин, 1995.

Ушаков 1939 — Д.Н. Ушаков. Толковый словарь русского языка: в 4 томах. Т. 3.

М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1939.

เกษตรศิริ, เพชรเลิศอนันต์, พงศ์พนิตานนท์ 2540 — ชาญวิทย์ เกษตรศิริ, อารังศักดิ์ เพชรเลิศอนันต์, และวิภักย์ พงศ์พนิตานนท์ (บรรณาธิการ). จอมพล ป. พิบูลสงครามกับการเมืองไทยสมัยใหม่. กรุงเทพฯ: โรงพิมพ์มหาวิทยาลัยธรรมศาสตร์, 2540.

ขุนวิจิตรมาตรา 2541 — ขุนวิจิตรมาตรา (สง่า กาญจนาคพันธุ์). สำนวนไทย. พิมพ์ครั้งที่ 4. กรุงเทพฯ: บริษัท ส.เอเชียเพรส (1989) จำกัด, 2541.

ฝ่ายวิชาการภาษาไทย 2552 — ฝ่ายวิชาการภาษาไทย. พจนานุกรมไทย ฉบับทันสมัยและสมบูรณ์. กรุงเทพฯ: ซีเอ็ดดูเคชั่น, 2552.

ราชบัณฑิตยสถาน 2557 — ราชบัณฑิตยสถาน. พจนานุกรมคำใหม่ ฉบับราชบัณฑิตยสถาน เล่ม 1-2. พิมพ์ครั้งที่ 1. กรุงเทพฯ: นานมีบุ๊คส์พับลิเคชันส์, 2557.

ราชบัณฑิตยสถาน 2550 — ราชบัณฑิตยสถาน. พจนานุกรมคำใหม่ เล่ม 1 ฉบับราชบัณฑิตยสถาน. พิมพ์ครั้งที่ 1. กรุงเทพฯ: แม็ค, 2550.

ราชบัณฑิตยสถาน 2554 — ราชบัณฑิตยสถาน. พจนานุกรมคำใหม่ เล่ม 3 ฉบับราชบัณฑิตยสถาน. พิมพ์ครั้งที่ 1. กรุงเทพฯ: ราชบัณฑิตยสถาน, 2554.

ราชบัณฑิตยสถาน 2556 — ราชบัณฑิตยสถาน. พจนานุกรมฉบับราชบัณฑิตยสถาน พ.ศ. 2554 เฉลิมพระเกียรติพระบาทสมเด็จพระเจ้าอยู่หัว เนื่องในโอกาสพระราชพิธีมหามงคลเฉลิมพระชนมพรรษา 7 รอบ 5 ธันวาคม พ.ศ. 2554. กรุงเทพฯ: ราชบัณฑิตยสถาน, 2556.

ราชบัณฑิตยสถาน 2555 — ราชบัณฑิตยสถาน. สำนวนไทย ฉบับราชบัณฑิตยสถาน 2555. พิมพ์ครั้งที่ 2. กรุงเทพฯ: ราชบัณฑิตยสถาน, 2555.

สุขเล็ก 2561 — ปฐมพงษ์ สุขเล็ก. หม้อในมิติทางวัฒนธรรมไทย: การศึกษาจากรรณคดีสมัยรัตนโกสินทร์. วารสารอักษรศาสตร์ มหาวิทยาลัยศิลปากร, 40(2), 104-122, 2561.

Банкноты Таиланда: иконография и исторический контекст (с 1902 г. до начала XXI в.)

Е. О. Rogov

*Ассистент кафедры сопоставительного изучения языков
и культур Филологического факультета СПбГУ
rogovegor98@mail.ru*

Наряду с флагом, гербом и гимном, национальная валюта является одним из символом современного государства. Банкноты, оставаясь глубоко утилитарным предметом, предназначенным в первую очередь для осуществления денежного обращения, в то же время играют важную роль, демонстрируя важнейшие идеологические установки государства и культурные особенности выпускающей их страны. Внимательный взгляд на иконографию денежного знака¹ может быть важным подспорьем в изучении страны-эмитента, ее истории, а также ее собственного представления о самой себе.

Историю бумажных денег современного Таиланда можно было бы начать с 1950-х гг. XIX в., когда Главным казначейством Сиама были впервые выпущены в обращение денежные знаки с двойным номиналом, обозначенным в тамлунгах

¹ В настоящей статье использован термин «иконография денежного знака» (*`currency iconography`*), который был введен в публикациях Ж. Хайменса (Hymens, 2004: 28). Под ним он понимает совокупность идей и смысловое значение, переданное художественными средствами через изображение на банкноте или монете.

и тикалях² [Cuhaj 1, 1166–1167]. Однако официально первой серией тайских банкнот считаются банкноты, выпущенные в 1902 г., после финансовой реформы 1898 г. короля Рамы V Чулалонгкорна, в результате которой Сиам, в частности, перешел на десятичную систему, а один сиамский тикаль был приравнен к ста сатангам [Bank of Thailand].

Банкноты первой серии были изготовлены в Лондоне британской компанией Thomas De La Rue. Банкноты первой серии выпускались номиналами в 5, 10, 20 и 100 тикалей, дизайн купюр разного достоинства отличался только цветовой гаммой. Бумага, на которой печатались купюры, защищена от подделки водяным знаком, изображавшим трехголового слона Айраваты (ездовое животное бога Индры). Печать на купюрах была односторонней; в центре на лицевой стороне было помещено изображение государственного герба, номинал обозначен арабскими и тайскими цифрами в декоративных розетках по углам поля банкноты, а также текстом на тайском и английском языках. Примечательно, что на тайском языке номинал выражен в батах, а на английском — в более привычных европейцам тикалях. В 1918 г. номинальный ряд был дополнен купюрами 1 и 50 тикалей. Их оформление было выдержанно в общей стилистике с купюрами более раннего выпуска, главным заметным отличием стало изменение центрального элемента: вместо Государственного герба было помещено изображение Гаруды — мифического царя птиц в буддийской традиции.

Вторая серия тайских банкнот была выпущена в обращение в 1925 г. Как и купюры первой серии, они были напечатаны компанией Thomas De La Rue. Дизайн купюр второй серии усложнился: лицевую сторону украшали изображения

² Тикаль — название единиц измерения массы благородных металлов ряда государств Индокитая (14–16,2 грамма, около половины тройской унции).

слона Айраваты и Гаруды, а на обратной стороне купюр всех номиналов появилась виньетка с изображением процессии. Еще одним отличием от банкнот первой серии стало исчезновение надписей на английском языке, в том числе указания номинала в тикалях (через три года после начала выпуска банкнот этой серии, 15 апреля 1928 г. национальная валюта Сиам официально стала именоваться батом, раньше это слово использовалось только как местное название). Купюры второй серии выпускались номиналами один, пять, десять, двадцать, сто и тысяча батов.

Третья серия тайских банкнот была выпущена в 1934–1935 гг. Купюры третьей серии выпускались номиналами один, пять, десять и двадцать батов. Дизайн этих денежных знаков по сравнению с более ранними выпусками значительно усложнился: на них появляются изображения королевской речной процессии, сиамских пейзажей, буддийских храмов (в том числе храма Изумрудного Будды на лицевой стороне купюры пять батов). Но главной особенностью банкнот третьей серии стало появление на них портрета короля Рамы VII Прачатипока (годы жизни 1893–1941), последнего абсолютного и первого конституционного монарха Сиам. В 1935–1936 гг. выпускались банкноты с портретом совсем юного в ту пору Ананды Махидона, официально провозглашенного королем, однако находившегося в Швейцарии. Эти банкноты во всем повторяли дизайн купюр с портретом Рамы VII. Несмотря на изменения портрета, ключевого элемента дизайна банкнот, официально Банк Таиланда не считает банкноты 1935–1936 гг. выпуска отдельной серией.

Четвертая серия тайских банкнот была выпущена в 1939 г. Банкноты этой серии отличались новым дизайном: на лицевой стороне, помимо неизменного портрета монарха, были изображены важнейшие доминанты национальной идентичности страны: буддийские пагоды Пхра Самут

Чеди (один бат) и Пхра Патхом Чеди (пять батов), форт Ма-хахан (десять батов), здание королевской резиденции (двадцать батов). На оборотной стороне купюр всех номиналов был изображен тронный зал Ананда Самакхом — одно из зданий комплекса королевской резиденции Дусит, построенное в стиле неоренессанса с элементами неоклассики по проекту итальянских архитекторов в 1906–1915 гг.

В 1939 г. Сиам был официально переименован в Таиланд. Переименование страны нашло свое отражение на тайских купюрах четвертой серии — так, например, банкнота 1 бат четвертой серии известна в двух вариантах: в одном случае в качестве эмитента указано правительство Сиама, а в другом, более позднем — правительство Таиланда.

В 1941 г. Япония вводит свои войска на территорию Таиланда. Годы японской интервенции нашли свое отражение в истории тайских денежных знаков. Так, например, очевидным образом Таиланд был вынужден прервать сотрудничество с британской компанией Thomas De La Rue и начать печатать банкноты самостоятельно: банкноты печаталась силами Департамента картографии Таиланда. Также в годы Второй мировой войны печатью денежных знаков Таиланда занималась японская корпорация Мицуи. За время японской интервенции были выпущены пятая (отпечатаны в Японии), шестая и седьмая серии тайских банкнот (отпечатаны в Таиланде). Необходимо отметить, что качество полиграфии банкнот этого периода сильно уступает напечатанным в Лондоне. После войны тайское правительство продолжит размещать заказы на изготовление купюр на западе, собственное производство бумажных денег в Таиланде начнется лишь в 1969 г. [Cuhaj 2, 1014].

Восьмая серия тайских купюр была выпущена в 1946 г. Изначально таиландское правительство вновь, как и до войны, пыталось обратиться к услугам британской Thomas

De La Rue, однако мощности компании, подорванные войной, не позволяли взять этот заказ. В итоге банкноты восьмой серии были напечатаны бостонской компанией Tudor Press. Купюры этой серии были выпущены в пяти номиналах: один, пять, десять, двадцать и сто батов. Лицевую сторону купюр украшал портрет Рамы VIII и изображение храма Пхра Патхом Чеди; на оборотной стороне каждого из номиналов была изображена конституция, возложенная на пьедестал [Bank of Thailand], — один из символов Сиамской революции 1932 г.

Банкноты восьмой серии находились в обращении недолго: к тому моменту, когда их доставили в Таиланд из США, на трон взошел Рама IX Пхумипон Адульдет (годы правления 1946–2016). В 1948 г. Банк Таиланда выпустил в обращение банкноты девятой серии с портретом нового монарха. Они полностью, за исключением королевского портрета, повторяли дизайн четвертой, довоенной серии банкнот. Банкноты этой серии с незначительными изменениями находились в обращении почти двадцать лет.

Правление Пхумипона Адульдета стало одним из самых продолжительных в мировой истории. Годы его правления, помимо прочего, отмечены целой галереей его портретов на денежных знаках Таиланда. Портретами Рамы IX украшены тайские банкноты с девятой по шестнадцатую серию включительно; если впервые на национальной валюте король появился совсем юношей, то на последней серии купюр он предстает в почтенном возрасте. Эту галерею портретов дополняет серия памятных купюр всех основных номиналов (двадцати, пятидесяти, ста, пятисот и тысячи батов), которую Банк Таиланда подготовил через год после смерти короля: на них Пхумипон Адульдет изображен в ключевые моменты своей жизни, начиная с детских лет, заканчивая преклонными годами. Эта серия банкнот считается коммеморативной и в список официальных серий тайских банкнот не входит.

Семнадцатая серия тайских банкнот — последняя на сегодняшний день — украшена портретом Рамы X Маха Вачиралонгкорна, сына Пхумипона Адульдета. Обратная сторона купюр украшена портретами десяти королей правящей династии Чакри, что подчеркивает непрерывность института монархии в Таиланде и преемственность поколений.

Помимо официальных семнадцати серий Банк Таиланда с 1987 г. активно выпускает памятные банкноты, приуроченные ключевым событиям и памятным датам, связанным с жизнью королевской семьи и историей Таиланда. На сегодняшний день было выпущено свыше двух десятков видов таких юбилейных банкнот. Описать и проанализировать эту часть истории денежных знаков Таиланда в данной статье не представляется возможным: эта тема так богата и насыщена, что требует отдельного рассмотрения.

Изучая банкноты Таиланда, нельзя не сказать об особенном отношении тайцев к своей национальной валюте, что напрямую связано с изображением на ней правящего монарха и величайшем почтении подданных к своему королю. Широко известно, что в Таиланде считается недопустимым класть кошелек в задний карман брюк, чтобы, сев, случайно не проявить тем самым неуважение к институту тайской монархии. Об отношении тайцев к национальной валюте как к сакральной вещи свидетельствует следующий факт: на траурной процессии после смерти короля Рамы IX в 2016 г. многие из тех, кто пришел проститься с ним, держали перед собой купюры с портретом усопшего монарха в знак скорби и уважения [Hunens, 2023, 5].

Таким образом, банкноты тайской национальной валюты стали за свою более чем вековую историю своеобразным зеркалом, отражающим ключевые события истории Таиланда в XX–XXI вв. Денежные знаки Таиланда транслируют идею центральной и государствообразующей роли института

монархии, буддийская храмовая архитектура, неизменно изображаемая на тайских банкнотах, подчеркивает ключевую роль буддизма в жизни страны. В оформлении тайских денежных знаков можно отметить непрерываемую с начала XX в. традицию, которая отражается не только в выборе тем и сюжетов, помещенных на купюрах, но и в общей стилистике их графического оформления, свидетельствующих о консерватизме тайского общества и устойчивости его ключевых государственных институтов.

ЛИТЕРАТУРА

Bank of Thailand // <https://www.bot.or.th/en/our-roles/banknotes.html> (дата обращения: 05.09.2025)

Cuhaj G. S. Standard Catalog of World Paper Money General Issues 1368–1960. Iola: Krause Publications, 2014, 1295 p. (На английском языке).

Cuhaj G. S. Standard Catalog of World Paper Money Modern Issues. Iola: Krause Publications, 2014, 1160 p. (На английском языке).

Hymans J. The Changing Color of Money: European Currency Iconography and Collective Identity // *European Journal of International Relations*, 2004, vol. 10, no. 1, pp. 5–32.

Hymans J. E. C. It's All About the Benjamins: Why Banknotes Look As They Do, and Why You Should Care // *Brown Journal of World Affairs*, Vol.XXIX, Issue II, 2023. 16 p.

Современное положение и перспективы военного сотрудничества Индонезии и Таиланда

П. С. Травкин

*СПбГУ, Санкт-Петербург
ps.travkin@gmail.com*

В 2025 г. праздновалось 75-летие установления тайско-индонезийских отношений. В юбилейный год был запланирован ряд мероприятий, направленных на углубление дальнейшего сотрудничества. Одной из главных тем обсуждения стало военное сотрудничество между двумя странами.

Сотрудничество между Таиландом и Индонезией в военной сфере не имеет такой долгой истории, как, например, сфера торгово-экономических отношений двух стран. Государства ориентировались в большей степени на военное сотрудничество с крупными странами-производителями вооружений — США и Великобританией. Более того, после окончания холодной войны Индонезия столкнулась с экономическим и политическим кризисом, связанным с падением авторитарного режима генерала Сухарто (1967–1998 гг.), а также с последствиями санкций, введенных Западом (на куплю-продажу вооружений) из-за оккупации Восточного Тимора¹. Медленное развитие военного сотрудничества

¹ Индонезия оккупировала Восточный Тимор с 1975 по 2002 г.

между Таиландом и Индонезией также было связано с тем, что индонезийская армия надолго потеряла власть и авторитет в стране и смогла восстановить свое положение лишь в 2010-х гг., хотя без формального участия в политических процессах государства.

Военное сотрудничество между Джакартой и Бангкоком началось в 2015 г. (официальная ратификация соглашений произошла только в 2018 г.) [15]. Оно было сопряжено с целым рядом внутривнутриполитических и внешнеполитических причин, которые и сегодня во многом определяют развитие двусторонних отношений двух государств в военной сфере.

На развитие индонезийско-тайландского военного сотрудничества влияют следующие внутривнутриполитические факторы. Во-первых, армии обеих стран занимают схожее положение в политической системе государств. Безусловно, масштабы влияния тайландской и индонезийской армий на власть различаются, как и их генезис в качестве политической силы, но общие черты влияния армии на политику и общество Индонезии и Таиланда идентичны [Bryan Nathanael, Hendra Maujana Saragih, Nabila Nur Afifah, Andi Dwi Cahya Karuniawan, Kartika Lefinski Deda 2023: 259–260]. Данный фактор объясняет еще один аспект успешного военного сотрудничества двух стран — общность интересов армейских элит, которым выгодно сотрудничество ради укрепления обороны своей страны, а также собственного положения в политической системе.

Во-вторых, в последние два десятилетия в Индонезии и Таиланде обозначилась тенденция на модернизацию вооруженных сил, а также на реформирование общей системы обороны Ассоциации Стран Юго-Восточной Азии (АСЕАН) [12]. Подтверждением данного тренда является то, что по состоянию на 2025 г., обе армии вошли в тридцать сильнейших

армий мира² [16]. Таиланд и Индонезия обладают самыми большими военными бюджетами в Юго-Восточной Азии (Индонезия 1-е место, Таиланд 3-е место). Далее, обе страны уже не первый год, пусть и с разными темпами, идут по пути диверсификации закупок вооружений, не полагаясь полностью на поставки вооружений из какой-либо одной страны. Индонезия запустила долгосрочную программу развития собственного военно-промышленного комплекса и уже смогла реализовать ряд успешных проектов разработки собственных вооружений: от стрелкового оружия до военных кораблей, бронетехники и БПЛА.

В-третьих, в высших эшелонах власти обеих стран традиционно присутствует значительное количество политиков, которые либо служили в армии, либо были связаны с армией, что также существенно влияет на развитие военного сотрудничества. Примером тому служит деятельность бывшего министра обороны, а ныне президента Индонезии (с 2024 г.) Прабово Субианто.

Внешняя политика также оказывает влияние на сотрудничество двух стран в военной сфере. Дело в том, что внешнеполитические угрозы суверенитету двух стран, а также целый ряд конфликтов внутри региона часто совпадают или имеют схожее происхождение. Наличие внешнего врага еще больше мотивирует руководство данных государств направлять свои усилия на развитие военного государства.

Самым актуальным внешнеполитическим конфликтом, который ставит под угрозу суверенитет Индонезии и Таиланда, является конфликт в Южно-Китайском море (ЮКМ). Хотя Таиланд напрямую не участвует в конфликте и не претендует на раздел акватории ЮКМ, но в случае

² Согласно современным исследованиям, армия Индонезии занимает тринадцатое место в рейтинге самых сильных армий мира, Таиланд занимает двадцать пятое место.

победы и безраздельного доминирования Китая в регионе Таиланду придется считаться с многократно возросшей военно-экономической мощью Пекина. Для Индонезии же разрешение конфликта в ЮКМ в пользу Китая чревато потерей части своей территории, а также серьезным экономическим ущербом.

Другая причина, вынуждающая страны развивать собственные вооруженные силы — это общая геополитическая напряженность в ЮВА и противоборство США (в рамках военно-политического союза AUKUS) и Китая за доминирование в регионе [Jittipat Poonkhan 2024: 82–83].

Существует ряд других проблем и угроз безопасности для обоих государств: пограничные конфликты (в случае Таиланда — это пограничные конфликты с Камбоджой, Мьянмой и Лаосом; в случае Индонезии — это пограничный конфликт с Восточным Тимором и Филиппинами) [Bryan Nathanael, Hendra Maujana Saragih, Nabila Nur Afifah, Andi Dwi Cahya Karuniawan, Kartika Lefinski Deda 2023: 272–273], нелегальная рыбная ловля, проблемы незаконной миграции (миграция рохинджа в середине 2010-х годов), наркотрафик [7], терроризм и сепаратизм (конфликт на юге Таиланда, сепаратизм в индонезийских провинциях Аче и Западные Папуа).

Итак, сделав краткий исторический обзор внутривосточных и внешнеполитических факторов, влияющих на развитие военно-технического сотрудничества, стоит также проанализировать текущее положение такого сотрудничества между Бангкоком и Джакартой.

В настоящий момент замедленное развитие военного сотрудничества двух стран объясняется следующими факторами: недостаточный уровень развития индонезийского ВПК, который в данный момент не может полностью удовлетворить все запросы тайской стороны; интересы западных компаний по производству вооружений, для которых Таиланд

уже несколько десятилетий является выгодным рынком сбыта своей продукции, и которые не собираются с него уходить и уступать место конкурентам; существует также значительный риск первичных и вторичных санкций со стороны США и ЕС на продажу вооружений Индонезией Таиланду или покупку таких вооружений Бангкоком у Джакарты (интересным примером является угроза США наложить санкции на Индонезию за попытку покупки российских Су-35 в 2020 г.); играет немаловажную роль и видимый недостаток аналитики тайского рынка вооружений индонезийскими экспертами — тайской армии, с учетом географического положения страны, необходимы самолеты и военные корабли, а не бронетехника, на которой специализируется индонезийский ВПК и которую наиболее активно продают за рубеж [Травкин П. С. 2023: 125–127].

Стоит также отметить некорректность популярного журналистского штампа о том, что военное сотрудничество ограничивается исключительно поставками и закупкой вооружений. Действительно, большое количество стран в мире действуют именно по принципу купли-продажи вооружений, однако в случае с Таиландом и Индонезией военное сотрудничество имеет несколько другие векторы развития. В условиях, когда таиландская армия не испытывает острой потребности в продукции индонезийского ВПК (хотя поставки некоторых товаров военного назначения начались еще в 2006 г.) [11], военные чиновники обеих стран чаще концентрируются на областях сотрудничества, которые не связаны с куплей-продажей вооружений [9]. Одними из них являются: проведение учений (например, недавние учения стран АСЕАН «Комодо», проходившие на одноименном острове в Индонезии) [8]; обучение военных в академиях обеих стран [14]; взаимодействие в разведывательных операциях [13]; сотрудничество по линии военной медицины [6], где особенно

ценится опыт армий двух стран, приобретенный во время помощи населению в период пандемии COVID-19.

Отдельно стоит отметить развивающийся обмен опытом военных двух стран в рамках урегулирования конфликта на юге Таиланда. У Индонезии уже есть опыт по решению локальных конфликтов на территории своей страны. В 2004 г. армейскому руководству удалось разрешить затяжной конфликт на территории провинции Аче. Индонезийские военные имеют значительные знания в области силового подавления и переговоров с сепаратистами начиная с 1950-х гг. В 2020 г. военными из числа индонезийского высшего военного командования была проведена встреча с тайскими коллегами и представителями «Движения за Свободный Аче» — сепаратистской группировки, боровшейся за независимость Аче в 1990-х — 2000-х гг. Данная встреча имела особую ценность, так как способствовала улучшению процесса по мирному разрешению конфликта на юге Таиланда, где существует вероятность распространения идей сепаратизма местного малайского населения с опорой на фундаменталистский ислам [14].

Таким образом, военное сотрудничество между Индонезией и Таиландом имеет значительный потенциал при условии, что обе страны переведут партнерство в военной сфере в сторону военного обучения, обмена опытом, проведения совместных учений, а не будут слепо форсировать закупку или продажу вооружений на высококонкурентном рынке. В настоящий момент можно с уверенностью сказать, что Бангкок и Джакарта углубляют военное сотрудничество. После прихода к власти в Индонезии бывшего командира спецназа Прабово Субианто, который еще будучи министром обороны в 2020–2024 гг. проводил активную политику по укреплению военного и военно-технического сотрудничества со многими странами мира, отношения Таиланда и Индонезии в военной

сфере с большой вероятностью станут лучше [5]. В заключении хочется выразить надежду на то, что в будущем, тенденция на реформирование армии как в Индонезии, так и в Таиланде [Колдунова Е. В. 2018: 272–273], а также создание системы коллективной обороны в странах АСЕАН сохранится и будет способствовать дальнейшему углублению военного сотрудничества между всеми странами ассоциации в целом, а также между Индонезией и Таиландом в частности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Колдунова Е. В. 2018 — Колдунова Е. В. Роль армии в Таиланде // Армии на современном Востоке. М: Аспект пресс, 2018. С. 256–274.
2. Травкин П. С., 2023. — Травкин П. С. Военно-промышленный комплекс Индонезии // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2023, С. 120–130.
3. Bryan Nathanael, Hendra Maujana Saragih, Nabila Nur Afifah, Andi Dwi Cahya Karuniawan, Kartika Lefinski Deda, 2023. — Bryan Nathanael, Hendra Maujana Saragih, Nabila Nur Afifah, Andi Dwi Cahya Karuniawan, Kartika Lefinski Deda. Military strength comparison between Indonesia and Thailand in maintaining national security // Journal of Social Political Sciences. 2023, Vol. 4, No. 3, P. 259–276.
4. Jittipat Poonkhan, 2024. — Jittipat Poonkhan. Thailand's Indo-Pacific Adrift? A Reluctant Realignment with the United States and China // Journal of Indo-Pacific affairs. 2024, P. 82–96.

ОНЛАЙН-ИСТОЧНИКИ:

5. Indonesia and Thailand expand defense ties, focus on space, cyber, joint exercises. URL: <https://ipdefenseforum.com/2024/10/indonesia-and-thailand-expand-defense-ties-focus-on-space-cyber-joint-exercises/> (дата обращения: 31.08.2025).
6. Kerjasama bilateral kesehatan militer. URL: <https://puskes.tni.mil.id/2023/12/22/kerjasama-bilateral-kesehatan-militer/> (дата обращения: 31.08.2025).

7. Kerjasama Indonesia-Thailand dalam pemberantasan narkoba menuju drug-free ASEAN2015. URL: <https://journal.moestopo.ac.id/index.php/mjir/article/view/1886> (дата обращения: 31.08.2025).

8. Latihan Multilateral Komodo Jadi Media Penting Diplomasi Militer Indonesia. URL: <https://www.kompas.id/artikel/latihan-multilateral-komodo-jadi-media-penting-diplomasi-militer-indonesia> (дата обращения: 31.08.2025).

9. Military Chief Visit Puts Indonesia-Thailand Defense Ties in Focus. URL: <https://thediplomat.com/2019/04/military-chief-visit-puts-indonesia-thailand-defense-ties-in-focus/> (дата обращения: 31.08.2025).

10. Panglima TNI Kunjungi Thailand Bahas Kerja Sama Intelijen, Operasi dan Latihan. URL: <https://indonesiadefense.com/panglima-tni-kunjungi-thailand-bahas-kerja-sama-intelijen-operasi-dan-latihan/> (дата обращения: 31.08.2025).

11. Royal Thai Army Kunjungi PT Pindad (Persero). URL: <https://www.pindad.com/royal-thai-army-kunjungi-pt-pindad-persero> (дата обращения: 31.08.2025).

12. Southeast Asian states, defence cooperation and geopolitical balancing. URL: <https://www.iiss.org/online-analysis/online-analysis/2023/05/southeast-asian-states-defence-cooperation-and-geopolitical-balancing/> (дата обращения: 31.08.2025).

13. Thai army chief signs intelligence pact with Indonesia. URL: <https://apnews.com/general-news-6e4ae61016c8caa3776fafa50b093053> (дата обращения: 31.08.2025).

14. TNI AD dan Tentara Thailand Jalin Kerjasama Pendidikan Militer. URL: <https://www.tempo.co/foto/arsip/tni-ad-dan-tentara-thailand-jalin-kerjasama-pendidikan-militer-385330> (дата обращения: 31.08.2025).

15. Where Is the New Indonesia-Thailand Defense Pact? URL: <https://thediplomat.com/2018/04/where-is-the-new-indonesia-thailand-defense-pact/> (дата обращения: 31.08.2025).

16. 2025 Military Strength Ranking. URL: <https://www.globalfirepower.com/countries-listing.php> (дата обращения: 31.08.2025).

A real threat to stability? Some declassified cia reports on the communist insurgency in Thailand

Kseniia Aniskevich

*Saint Petersburg State University, Saint Petersburg
ankenma9@gmail.com*

ABSTRACT

The paper analyses a range of reports by the CIA on the communist movement in Thailand. As most of the materials were declassified in the 21st century, the intelligence reports remain hitherto unexamined. The CIA possessed detailed statistics and some factual information about the Communist Party of Thailand (CPT) members. However, contrary to the common belief fueled by the Thai government that the red menace was the number one threat to peace and order in Thailand, the secret agents never portrayed Thai communism as the root of all problems. The author assumes that the debates over communism in Thailand were significantly exaggerated, yet the communists indeed aroused some unrest on the outskirts and played a role in shaping antigovernment sentiment in Thai society during the mid-20th century.

Keywords: the Communist party of Thailand; Central Intelligence Agency (CIA); the communist insurgency in Thailand; Cold War; CIA covert operations.

BACKGROUND

The Washington's influence on the ruling elites in Bangkok appears to be one of the main reasons why the communist movement in Thailand was not as widespread as in other Southeast Asian states. In order to operate more efficiently, the CIA agents infiltrated various anticommunist agencies and conducted covert operations throughout Thailand.

The Thai communism itself is an interesting phenomenon which combined the national minorities struggle for rights, exhaustion from the governmental abuse, Thai indigenous semi-socialist principles and the resentment toward Western neo-colonialism. Although it is quite controversial whether the communist movement in Thailand included genuinely devoted communists as in some other Asian countries, the Bangkok government consistently proclaimed that communism presented a great jeopardy to the country's stability.

The article employs comparative methods to analyse the communist insurgency in Thailand through the lenses of the CIA reports. Partially due to the reason that an array of documents was declassified in the last 20 years, hardly were these reports used in Thai studies. The data in reports might not be ultimate truth, yet such reports, written by the US agents in fields in order to influence the kingdom's policy and confront the red menace efficiently, appear to be an insightful source of study worth taking into consideration when delving into the antecedents of the Thai communist movement. Another primary source which is rarely mentioned by scholars is the collection of speeches of Saiyut Kerdphol, the erstwhile head of Internal Security Operations Command (ЎН. ГБ№.), which contains some specific information on military internal affairs in struggle against the communists.

It is also essential to mention that the access to the CIA website has been blocked in the Russian Federation and the page could be opened only from overseas.

FINDINGS

1. NUMBER ONE THREAT?

The first point to be made is that Bangkok seemingly was not interested in active struggle against the communists, contrary to the popular notion pushed by the government (for example, the coup d'état of Sarit Thanarat in 1958 was determined by the communist threat). All reports reached so far demonstrate that the Americans were dissatisfied with the military governments in Thailand; Bangkok still saw the communists as a problem of national minorities [Pawakapan 2021: 21].

Before the era of Sarit and Thanom, the anticommunist struggle, embedded into the nationalist plans, was proclaimed during the ages of Phibul. However, as the reports demonstrate that the American agents did not perceive him to be of staunch anti-communist sentiments, highlighting that eventually Phibul was likely to agree with the communist powers in Southeast Asia, if not in Thailand:

“Initially, the Phibul regime would probably attempt to counter Communist pressure by calling for full UN or US military protection. Should it fail to obtain such protection, the present Thai Government would probably be superseded by one acceptable to the Communists” [CIA 1951b].

In other words, had it not been for the USA, Phibul would have made a deal with the communists. At the same time, the critical geopolitical position of Thailand for the US cannot be underestimated. Following the Domino Theory, the Americans were sure that if communism prevailed in Indochina, without the help of Western countries, Thailand and Burma would quickly become “red” [ibid]. The Americans could not allow this, so they backed the anti-communist movement in the country. The US provided financial and military support to the kingdom, as Washington seemed to have been much more concerned about the red movement than Bangkok itself.

The historical perspective demonstrates how the attitude towards the insurgents remained unchanged. One report from 1951 states that the American agents clearly understood that communism did not attract the Thais, and the only potential “fifth column” could have been the Chinese citizens in the kingdom [CIA 1951a]. Another paper suggests that in 1951 the number of the communists in Thailand constitutes around 100 people, whilst:

“...the vast majority of the Thai ha[d] no comprehension of Communism and ha[d] not been exposed to Communist influence to any degree” [CIA 1951b].

Moving further, in 1966 (after the armed struggle had started), the CIA agents still believed that it was not so dangerous to the stability of peace and order in the country as the party had little appeal in Thailand and the authorities were receiving counterinsurgency assistance from the USA [CIA 1966]. The Americans suggested that the Thai government appeared to be willing to let the situation drift without much intervention. And only after the fall of Saigon in 1975 did the government change its approach towards the communist insurgency [CIA 1982: 1].

Another crucial point to be made is that presumably the Americans had comparatively stronger positions in the country's vicinities. The analysis of CIA documents shows how well the U.S. could gather information about the internal affairs of the country, including those in the far north and north-east of Thailand, whereas Bangkok itself did not possess most of the factual information about the activities of the communists as could not control all these territories and ethnic minorities. The U.S. had more opportunities to analyse the situation at the border areas, obtaining information from witnesses in villages, interrogating defectors, and occasionally intercepting the Communist Party of Thailand's documents. Nevertheless, information gathering was hampered by the fact that even rank-and-file party members tended to avoid using paper records and hid in the jungle [Bergin 2016: 5].

2. PSYCHOLOGICAL EFFORTS

Another point which worth being taken into consideration is that the American agents were trying to influence the people of Thailand psychologically. As it could be concluded from the documents, Washington sought to create the “atmosphere of victory” among the rural population and to convince them that “the United States would not abandon Southeast Asia to the Communists” [CIA 1953]. No doubt, there was a reason for the CIA to create a plan of psychological impact on the Thais which contained such phrase as “to convince the people that the communist threat imperils the entire area” [CIA 1953]. In other words, the agents might have sought to foist their own agenda onto the population which did not, in fact, wholly grasp the essence of the Communist movement and its threat to the society. The agents highlighted that with no Western support, Thailand (and Burma) becoming “red” was merely a matter of time [CIA 1951b]. In 1952, while visiting Thailand, Henry Luce, a famous journalist with liaisons with the American establishment, warned the Thais to beware the totalitarian nature of communism, and by all means protect the country as if communism was a global menace [Darling 1962: 101]. However, such statements hyperbolised the real power of the Communist parties in these countries and stirred up the hatred and violence against communists.

Another point of particular interest is the Washington’s strategic plan which dates back to 1953 to sponsor the counter-insurgency in Thailand in order to literally “waste no Western military men” [CIA 1953]. They sought to

“develop, expand, accelerate <...> programs for the creation and employment of indigenous guerrilla and para-military forces <...> against communist invasion and infiltration” [ibid].

According to the intelligence data, the Thai government needed to establish separate armed forces that could conduct the “dirty work” that had previously been done by the army and

police which lacked unity and coordination. Thus, after the First shot by the communists on the 7th of August, 1965, in accordance with the CIA plans, the CSOS (renamed as ISOC in 1974) was established in December 1965 [Chambers, 2024: 211].

What goes to the para-military local forces, as the history would show in a few decades, some radical right military groups would be the main force in the fight against the red menace: The Red Gaur (กระหิณแดง), Nawapol (นาวพล), the Village scouts (ลูกเสือชาวบ้าน), etc. It was CSOS (ISOC) under the umbrella of CIA which organized, financed, and orchestrated the actions of the former two right-wing groups and a few others. Thus, the proposals written in the report from 1953 mentioned above were implemented successfully. Unlike state organisations, ordinary citizens could join such local organisations without undergoing special military training. The groups mainly consisted of young people who had just finished school, or monks, merchants, and peasants. They were distinguished by their stalwart commitment to Buddhism and the monarchy, and most importantly, their intense hatred of communists and anyone who deviated from the official state line.

The CIA had a significant impact on the development of anti-communist policies in Thailand, exacerbating hatred of communists, and the establishment of SEATO in 1954 was the culmination of this approach. Thus, with the CIA's help, right-wing extremist organisations were set up in Thailand. They fought dissent in the country with the utmost severity. At the same time, qualified military personnel were not involved, meaning that the blame for any excesses could be placed on local formations.

3. STATISTICS GATHERING

The CIA materials are also abundant with statistics. They include figures for the Thais being sent to Vietnam and China for training, on assassinations and secret meetings, on the number of weapons held by the Communists, etc. The agents divided

the communist operations into five categories, namely assassinations, destruction of property, harassment, propaganda meetings, radio/leaflet/oral propaganda [Koplowitz 1967: 6]; these points reminisce the common acts of terrorists. Interestingly, the majority of the guns came to hands of the Thai communists from the Lao troops, which, in turn, have once received the weapons from the CIA. The Agency, thus, knew that it would obliquely sponsor the communists in the far North.

However, the figures for the same periods of time are dependent upon the writers and statistical methods. Suffice it to say, the calculation of the real Thai communists was a daunting task given the blurred image of a communist and different interpretations of “communism”. Before all, all communist activities were banned by the decree of 1952, due to which the party operated underground and tried not to leave behind any documents. One report [Bergin 2016: 27] presents the notion that intelligence operations were rarely fruitful since everything the agents could intercept was usually merely a propagandist leaflet (also, it was never explained to which extent these papers were propagandist). Likewise, all insurgents (leftists) were traditionally classed as communists, so it is not possible to determine who really considered themselves communists and who simply did not agree with the state policy. Saiyut Kerdphol, the head of ISOC, mentioned 131 killings in the Northeast region in 1966 [Kerdphol 1966: 27], whereas the American statistics showed the number of 112 killings around the whole country over the same period of time [Koplowitz 1967: 4]. Such dissimilarities emerge due to different approaches: what is a politically-motivated killing and what is not, or who will be labelled as a communist. Nonetheless, the trend appears to be the same in all reports. The numbers were evidently marginal: the killings in 1964 amounted for about 10, around 35 in 1965, just over 130 in 1966 and 117 in 1967 [Koplowitz 1967: 5]. Also, some Western sources stated that the number of

Communists ranged from 3,000 to 3,500 [Casella 1970: 207]. Simultaneously, ISOC reported about 2,500 insurgents [Kerdphol 1966: 37] — the true number of them was not known throughout the period. Thailand's population between the 1960–1970s was approximately 30 million, and a few thousands of communists was a nuisance rather than a developing political-military movement capable of overthrowing the government.

More than that, as Saiyut Kerdpol underscored, in such a political turmoil when a “terrorist act” happens, villagers would rather take the side of their fellow villager and hide them from the aliens [Kerdphol 1966: 75] — let it be both the soldiers from the central government or foreign specialists. This fact highlights the dichotomy between the peripheral villages and the Bangkok authorities in the mid-20th century, when the power of Bangkok at the outskirts was yet to be formed. Respectively, the reliable comprehensive statistical data were absent and the numbers were still relative.

CONCLUSION

The intelligence agencies required a bit of luck when trying to investigate and gather information at the hard-to-access areas of Thailand as the communist rarely used written records and lived in the jungles or even in abroad. Nevertheless, all information reported so far corresponds with the ideas that the communist activities in Thailand were not as widespread and dangerous on the region level as they were described. The CIA agents were widely familiar with the state of affairs in Thailand. However, some descriptions might have been exaggerated if taking into consideration the attitude of the Free world towards the communist ideology overall. In most of the materials the communists — be them the real members of the CPT or those simply sympathizing socialist ideas, — all were labelled terrorists or insurgents.

In conclusion, the US intelligence data are an indispensable source for the study of the communist activities in Thailand. The declassification of other CIA reports and materials in the future will also help to portray the spread of communism in Thailand and the methods used to suppress it.

REFERENCES

Bergin 2016 — B. Bergin. Defeating an Insurgency — The Thai Effort against the Communist Party of Thailand, 1965–ca. 1982 // *Studies in Intelligence*. 2016. Vol. 60. Part. 2. Pp. 25–36.

Casella 1970 — A. Casella. Communism and Insurrection in Thailand. // *The World Today*. 1970. Vol. 26. Part. 5. Pp. 197–207.

Darling 1962 — F.C. Darling. American Policy in Thailand // *The Western Political Quarterly*. 1962. Vol. 15. Part. 1. Pp. 93–110.

CIA 1951a — Communism in Indochina, Burma, Thailand and Indonesia — Central Intelligence Agency. URL: <https://www.cia.gov/readingroom/docs/CIA-RDP91T01172R000300290006-9.pdf> (accessed 19.10.2023)

CIA 1951b — Resistance of Thailand, Burma, and Malaya to communist pressures in the event of a communist victory in Indochina in 1951 — Central Intelligence Agency. URL: https://www.cia.gov/readingroom/docs/DOC_0000010881.pdf (accessed 12.09.2023)

CIA 1952 — Remarks on Chinese Communism in Thailand — Central Intelligence Agency. URL: <https://www.cia.gov/readingroom/docs/CIA-RDP80-00926A005900730001-8.pdf> (accessed 10.09.2023)

CIA 1954 — Psychological Strategy with Respect to the Thai Peoples of Southeast Asia: Psychological Strategy Board in Washington D.C. U. S. — Central Intelligence Agency. URL: <https://www.cia.gov/readingroom/docs/CIA-RDP80R01731R000700450029-9.pdf> (accessed 11.05.2023)

CIA 1966 — Communist Insurgency in Thailand — Central Intelligence Agency. URL: https://www.cia.gov/readingroom/docs/DOC_0000012498.pdf (accessed 18.10.2023)

CIA 1982 — Insurgences in Thailand: A declining threat — Central Intelligence Agency. URL: <https://www.cia.gov/readingroom/docs/CIA-RDP84S00554R000100190001-7.pdf> (accessed 19.09.2023)

Kerdphol 1986 — S. Kerdphol. The Struggle for Thailand: Counter-insurgency, 1965–1985. Bangkok: S. Research Center Co., 1986. 253 p.

Koplowitz 1967 — W.D. Koplowitz. A profile of communist insurgency. The case of Thailand, The senior seminar in foreign policy: Ninth session, 1966–1967. Place: publisher. 40 p.

Pawakapan 2021 — P. Pawakapan. Infiltrating Society. The Thai Military's Internal Security Affairs. Singapore: Institute of Southeast Asian Studies, 2021. 182 p.

The Anti-Japanese Movement in Siam (1937–1941)

Alexandre Barthel

*Institute of Asian Studies,
Chulalongkorn University, Bangkok
alexandre.barthel@hotmail.fr*

INTRODUCTION

The history of the anti-Japanese movement in Siam is directly linked to the question of Siam's neutrality during the 1930s, during the Sino-Japanese War and at the beginning of World War II. The study of the international policy pursued by the Thai governments during this period has given rise to very different assessments, notably between authors considering that Siam had become closer to Japan mainly by constraint and those stressing the fact that this rapprochement resulted from a more voluntary attitude on the part of the Thai leaders from the People Party [Batson Hajime 1990: 1–4]. In a work published in 1995, Kobkua Suwannathat-Pian defended the point of view according to which the Thai government, particularly in the period between 1938 and 1941, had pursued a policy of “strict neutrality” [Suwannathat-Pian 1995: 246–247]. However, the study of the anti-Japanese movement in Siam during this period alone allows to answer the question of the Thai “neutrality” better than the various assessments that can be made on the motivations and the role of the different members of the Thai government regarding the rapprochement that took place between Siam and Japan at the turn of the 1930s and 1940s. In fact, from 1937 to 1941, —

that is from the beginning of the war of resistance against Japan in China to the occupation of Thailand by the Japanese, — Siam was indirectly involved in the Sino-Japanese war. And this in two main ways: through the mobilisation of the Chinese population of Siam within the anti-Japanese movement to support China's war effort, and through the policy of repression of the anti-Japanese movement led by Thai governments, in particular from the beginning of 1938.

These are the two main points that this article intends to present: how the anti-Japanese movement in Siam was structured, — what was the respective role of the Guomindang and the communists in it, how they contributed to China's war effort, — and how the Thai government pursued a policy of repression against their activities. This paper is based in particular on the archives of the French Ministry of Foreign Affairs. They are mainly composed of dispatches and telegrams from different ministers and *chargés d'affaires* stationed in Bangkok as well as reports from the French intelligence service present in Siam and in liaison with the Indo-chinese colonial administration¹. The article is divided into three main parts: the first deals with the Chinese political organisations involved in the anti-Japanese movement in Siam, the second concerns the support given to the war effort of China by these political organisations and the last part provides details regarding the repressive policy led by the Thai governments against the anti-Japanese movement.

¹ The diplomatic personnel had, — among other functions, — to keep an eye on the activities of the Vietnamese communists established in Siam, particularly in the North East, and, by extension, on the activities of the Chinese communists, mainly present in the capital.

1. THE CHINESE POLITICAL ORGANISATIONS INVOLVED IN THE ANTI-JAPANESE MOVEMENT

Following the outbreak of the Second Sino-Japanese War, or War of Resistance to Japan, in July 1937, most Chinese organisations in Siam, whether commercial, political, or cultural began to support China's war effort against Japan. Concerning the role of political organisations in particular, William Skinner, who remains today the principal author on the history of the Chinese in Thailand, wrote that it was the Guomintang that had set up the organisation called "Chinese Resistance" (*Hua Kang*) in order to support China's war effort. Because of the pro-Japanese policy adopted by the Thai government, this organisation was clandestine. Skinner added that the *Hua Kang* was "closely connected with several of the most reputable Chinese community leaders and under the direct control of the Chinese Chamber of Commerce", and that, "in keeping with the united-front policies in China", it enjoyed "both [Guomintang] and Communist support" [Skinner 1962: 244, 265]. More recently, in their history of Thailand, Christopher Baker and Pasuk Phongpaichit simply summed up the situation as follows: rival Guomintang factions, the Communist Party in Siam, and other Chinese groups cooperated to support China's war effort [Baker Phongpaichit 2022: 143]. Concerning the existing "factions" within the Guomintang, Eiji Murashima explained that there were two main groups: those of Jiang Jieshi's supporters and those of the "Southwest Party" [มูราชิม่า 2539: 33–34].

1.1. THE FACTIONS OF THE GUOMINDANG

By the mid-1930s, the Guomintang in Siam was a large organisation. Its main branch (*sakha yai*) had 13 "ordinary" sections, 14 special sections, and 57 subsections, with nearly

10,000 members. However, the organisation was divided and not very active. This division mirrored that of the party in China. It dated back to the split that had occurred in 1931 between the supporters of Jiang Jieshi and those of the President of the Assembly Hu Hanmin [มูราชิมา 2539: 33–34].

In Siam, Jiang Jieshi's supporters were led by Chen Shouming heir to the Wangli family, owner of rice mills, they were also involved in import-export business, finance and insurance. Chen Shouming had been educated in Shantou and Hong Kong, he spoke Thai poorly. At the age of 26 he was head of the Wangli group. At the age of 28, in April 1932, he became president of the most prestigious Chinese institution in Siam: the Chinese Commercial Association. He remained at its head until March 1934. On October 10, 1932 he was appointed commercial attaché (*shang-wu zhuan yuan*) of the Chinese Ministry of Foreign Affairs [มูราชิมา 2539: 30–31]. As for the supporters of the “Southwest Party”, they were grouped within the Taechio Association of which Xiao Fucheng was the president. He was a Chinese nationalist leader in Siam since the 1911 revolution. The Association also included Yi Guangyan among its members. Coming from a poor peasant family, he had no education. He went to Siam at the age of 23 and managed to set up a rice transportation business (Kuang Heng Li) between Bangkok and Ko Sichang. In 1939 he owned 20 boats totalling 6,400 tonnes. At the end of 1942, the company joined a group created by the state with the participation of the Iamsuri (Yi) family. Yi Guangyan also did business in the rice milling and distillery sectors [มูราชิมา 2539: 38–39]. The Taechio Association was officially registered on February 14, 1938 [มูราชิมา 2539: 41]. According to the Japanese, the pro-Xiao Fucheng newspapers were the “*Zhongguo Bao*” and the “*Zhongyuan*” [มูราชิมา 2539: 39].

The French legation in Bangkok reported on 16 October 1937 that a split initiated by Xiao Fucheng had taken place within the

Guomindang. Xiao would have criticized Chen Shouming for his lack of reaction to the Thai government's attitude which "in various circumstances, appeared to be favourable to Japan". He would have "even gone so far as to accuse [Chen Shouming] of being in the pay of the Siamese Government"². The members of the left wing of the Guomindang were "mostly young people — small traders, small employees". From the start of the war, they had undertaken "a vigorous campaign against the more moderate elements of the right wing", that is to say, the "big traders obviously anxious to protect the future of their interests in Siam". The left-wing elements of the Guomindang

"reproached them for not reacting sufficiently against the attitude of the Siamese Government deemed too favourable to the Japanese cause. Under pressure from the Communist Party, they soon put into question the Commercial Delegate of [Hankou], accused of being in the pay of the Siamese Government"³.

In October 1937, the French chargé d'affaires considered that Chen, dealing with "the observations, threats, or other arguments of the Siamese Government", had been "rather lukewarm in organising the boycott of Japanese products that his functions as President of the Chinese Chamber of Commerce put him in a position to start". The chargé d'affaires reported that the dissident section had taken the name of "Youth Party". This organisation brought together all the "left elements" of the Guomindang and proposed "to engage the Chinese of Siam in an active policy aimed at providing the motherland with moral and material support".

² AFMFA(C)/44CPCOM. 76. The chargé d'affaires of the French legation in Siam, Georges-Picot, to the Minister of Foreign Affairs, 16 October 1937. "*Scission dans la Section siamoise du Parti Kuomintang*".

³ AFMFA(C)/44CPCOM. 72. The French Minister in Siam, Paul Lépissier, to the Minister of Foreign Affairs in Paris, 7 November 1938. "*Les Chinois au Siam.*"

“Immediately after its formation, the ‘Youth Party’ is said to have sent emissaries to all the provinces of Siam to rally the members of the [Guomindang] to its cause. The Siamese Government, informed of the above facts, and fearing that the new Party would succeed in triggering an anti-Japanese agitation, would have sent agents inside with the mission of preventing the Chinese from joining it. At the same time it would have kept under surveillance in Bangkok [Xiao Fucheng], Chong Sai Hong Secretary of the ‘Youth Party’, and the principal members of this group.”⁴

According to the French legation, the Siamese Communist Party “warmly welcomed the news of the formation of the ‘Youth Party’”. The party secretary (“Luu Chia Thach”) reportedly met with Xiao Fucheng and “promised him the full support of the Siamese Communist Party”. As for Chen Shouming, he responded by sending 10,000 Baht to the Chinese government “as relief for the injured women and children” in the cities of Nanjing, Shanghai and Guangzhou⁵.

1.2. THE COMMUNISTS

As for the action of the communists, it had changed direction following the 7th Congress of the 3rd International, in 1935, which placed emphasis on the anti-fascist struggle. Kasian Tejapira found it relevant to mock the direction taken by the Chinese communists to work in support of “their far-away imagined homeland” against Japan, just after having ridiculed them for having produced propaganda too oriented towards the Chinese community, such as a leaflet issued on 11 December 1934, the content of which was not “very Thai” [Tejapira 2001: 43]. In fact, the situation imposed by Japan to China left them little

⁴ AFMFA(C)/44CPCOM. 76. The chargé d'affaires of the French legation in Siam, Georges-Picot, to the Minister of Foreign Affairs, 16 October 1937. “Scission dans la Section siamoise du Parti Kuomintang”.

⁵ Ibid.

choice. On 20 April 1930, the Chinese and Vietnamese communists in Siam, under the leadership of the future Ho Chi Minh, merged their respective organisations (namely, the Siamese Committee of the South Seas Communist Party and the Revolutionary Youth League) into the Communist Party of Siam. Both before and after the 1932 change of regime, the Siamese Communist Party was subject to constant Government repression. From 1935 onward, the propaganda produced by the party was primarily directed against Japan and the Thai government [มูราชิม่า 2555: 219, 221–222.] Eiji Murashima indicated that in application of this new direction the communists of Siam dissolved the Young Communist Party and the Anti-Imperialist Association. They reduced the size of the groups of the organisation which took the name of “study groups” (*dushi she*). According to Murashima, the central body of the United Front was created by the communists under the name the Siamese Overseas Chinese Anti-Japanese National Salvation Federation (*Xianlo Huaqiao Gejie Kangri Jiuguo Lianhe Hui*) or *Kang Lian* [มูราชิม่า 2539: 119].

The account made by Ou Yanghui, a former leader of the student groups, born in Siam in 1920, indicates that the head of the Overseas Chinese Communist Party in Siam at that time was Liu Shushi. The latter had sent two delegates, Li Hua and Huang Yao-huan to ask Liao Chengzhi, a Chinese Communist Party official, about the policy to follow. Liao told them to set up the *Kang Lian*. Due to Liu Shushi’s poor health, the leadership of the organisation was entrusted to Xu Yixin, Wu Linman and Xu Xia. Xu Yixin was appointed president of the organisation. There are conflicting accounts of whether the *Kang Lian* was established before or after the outbreak of hostilities. According to Ou Yanghui, it was established after the outbreak of the war, before according to Xu Xia [มูราชิม่า 2539: 119–120]. According to information from the French legation in Siam, the “Anti-Japanese National Salvation Association” was established before the outbreak of the war,

from the first months of 1937. It was controlled by the “Anti-Imperialist League”. The majority of the members of the “Communist Youth Federation” and the “Proletarian Art League” had joined it. The Association had launched an appeal, through leaflets, within the Chinese community “to bring all elements of the [Guomindang] to join a common anti-imperialist front”.

Following the outbreak of the Sino-Japanese War, the Central Committee of the Siamese Communist Party transformed all its “subsidiary” organisations into “Anti-Japanese Associations”. The aim was to merge them into the groups of the same name created by the Guomindang. On the occasion of the split that occurred within the Guomindang in October 1937, the Communist Party managed to place “two of its best agents on the Steering Committee of the new ‘Youth Party’”. As for the Guomindang, following the signing of the Sino-Soviet treaty of 21 August 1937, it officially encouraged cooperation with the communists. According to the French Minister in Siam, it was the leader of the Siamese Communist Party who, with his influence over the Youth Party, created the “Central Executive Committee” of the “Anti-Japanese National Salvation Associations”. (This policy aimed to the creation of a “Siamese Popular Front”. The objective was to set up a “People’s Party” which would have brought together, — “according to the instructions of the 7th Congress of the Communist International”, — “the various workers’ unions, associations of peasant workers, merchants, etc.”) After the reconciliation between the Youth Party and the right wing of the Guomindang, following the intervention of a delegate from Hankou, communists and nationalists created the “Anti-Japanese National Salvation Federation” (which the French minister described as a “vast association of communist inspiration”).

According to the French minister, the “Anti-Japanese National Salvation Federation” brought together the following associations: 1) the “Anti-Japanese National Salvation Association

of Chinese Proletarians in Siam”, formed by the former workers’ unions; 2) the “Anti-Japanese National Salvation Association of Chinese Women Emigrated to Siam”, which brought together the former women’s associations of communist “inspiration”; 3) the “Anti-Japanese National Salvation Association of Chinese Journalists and Intellectuals Emigrated to Siam”, which emerged from the former communist “Proletarian Art League”; 4) the “Anti-Japanese National Salvation Association of Chinese Students in Siam”, which brought together the former cells of the school youth; 5) the “Anti-Japanese National Salvation Association of Chinese Merchants in Siam”, composed mainly of moderate members of the Guomindang. The French minister reported that this federation was “doubled” by that of the “Associations of Young Chinese in Siam”, which was the new form of the “Federation of Communist Youth”⁶. These groups correspond to those mentioned by Eiji Murashima [2539: 121], respectively: 1) the *Gong Kang*, 2) the *Fu Kang*, 3) the *Wen Kang*, 4) the *Xue Kang*, and 5) the *Shang Kang*. The *Kang Lian* had branches spread throughout the country, especially in the North East, with a centre in Khon Kaen. In 1939 it was moved to Vientiane.

Regarding the leaders, Murashima reported that in 1943 Ou Yanghui and Huang Biyu, Li Hua’s wife, who was then in Yan’an, were suspected of being agents of the Guomindang. This suspicion dated back to the arrest of Xu Yixin, Wu Linman, and Xu Xia by the Thai authorities in February 1938, and then to that of Liu Shushi and Huang Yaohuan in 1939, all communist leaders. Only Li Hua, Ou Yanghui, and Huang Biyu escaped these arrests. Murashima said that he did not know what the outcome of the investigation was [มูราชิม่า 2539: 120–121].

⁶ AFMFA(C)/44CPCOM. 72. The French Minister in Siam, Paul Lépissier, to the Minister of Foreign Affairs in Paris, 7 November 1938. “*Les Chinois au Siam.*”

2. SUPPORT FOR CHINA'S WAR EFFORT

2.1. GUOMINDANG'S SUPPORT

Regarding the Guomindang's action in Siam to support China's war effort, the French minister reported that "[a]s soon as hostilities began", the party "addressed a call to the leading Chinese merchants to unite" and implement a boycott that prohibited "the purchase and sale of Japanese products after the normal exhaustion of stocks". The deadline for liquidating stocks was set for 1 April 1938. After that date, "Chinese merchants found to have violated these instructions were subjected to reprisals and death threats". Also participating in this Guomindang-led boycott campaign were provincial Chinese secret societies and political associations that acted "under the directives of their respective metropolitan centers."

Financial support included "voluntary contributions", "exceptional levies on commercial profits", and "subscriptions to war loans". These forms of participation were "encouraged by active propaganda and imposed if necessary by threat". A committee responsible for sending young volunteers to China was also set up. Finally, contact had been established with anti-Japanese organisations outside Siam. The Federation of Siam participated in the "National Salvation Congress" held in Singapore in October 1938⁷.

Regarding Chen Shouming's activities in particular, Eiji Murashima reported that his party newspaper, the "*Huaqiao Ribao*", urged the Thai press to show more understanding towards China. It broadcast news from the Chinese government agency, translated it into Thai for the local press before being banned. Chen Shouming also invited Thai journalists to see the

⁷ AFMFA(C)/44CPCOM. 72. The French Minister in Siam, Paul Lépiessier, to the Minister of Foreign Affairs in Paris, 7 November 1938. "*Les Chinois au Siam*."

situation on the ground, three Thai newspapers accepted, the “*Prachachat*”, the “*Thai Mai*” and the “*Sayam Nikon*”. Their stay took place from 2 November to 13 December 1937 [มูราชิม่า 2539: 44]. Chen Shouming went to China to participate, as a delegate of the Chinese of Siam, in the National People’s Political Congress in Chongqing. He was appointed a member of the Committee for the Bond Sales Campaign set up by the Chongqing government, which consisted of 24 members. At the Congress, Chen Shouming reported early in 1939 that he had sold bonds worth 1 million Chinese dollars, a sum which Murashima considers exaggerated. Returning to Siam on 12 May 1939, he was greeted by a large number of Chinese. Expressing confidence in victory, he called on the Chinese in Siam to take action in support of China in accordance with Thai law. In 1940, Chen Shouming participated in the establishment of the Hua Si Phat-thana Thidin Company (or Huaxi kenzhi gu fen youxian gong-si), to invest in the development of Yunnan. In 1940 he was still a member of the National Congress held at the end of the year [มูราชิม่า 2539: 45–46].

As for the activity of Xiao Fucheng’s group, when the Sino-Japanese War broke out, the Taechio Association participated in the sale of bonds by setting up a Siamese Branch of the Wartime Government Bond Sales Campaign Committee (*Quanmu gong-zhai xianluo fenhui*). Xiao was its president and the 5 vice-presidents were leaders of the Taechio Association. (Chen Shouming was a member of the Central Committee.) This position had been created by the Chongqing government. However, Xiao’s health later declined and he died on 31 May 1939 at the age of 75 [มูราชิม่า 2539: 47]. In 1938 and 1939, the Taechio Association also took charge of sending Thai rice to the drought-stricken Shantou region. This business was entrusted to the Chaozhou Mi Yeping Yao Gongsi. The company ceased operations with the Japanese capture of Shantou in June 1939 [มูราชิม่า 2539: 51].

2.2. COMMUNISTS' SUPPORT

Aid to China took various forms. It could take that of sending the Chinese Communist Party warm clothing that overseas Chinese no longer needed. Xu Xia had sick tunics sewn for the soldiers of the Fourth Army and the Eighth Route Army by the girls of the Qiming and Chongshi schools. (According to French intelligence, the latter was a “known hotbed of communist propaganda”⁸.) Aid could also take the form of collecting money, which Xu Xia had boys from these same schools do on the occasion of the Chinese New Year of 1938. These activities were carried out partly under the name of the Overseas Chinese Charity Association (*Xianluo Huaqiao Cishan Chou Zhen Hui*) of which Yi Guangyan was the president and Xu Xia the coordinator. (Yi Guangyan was also the chairman of the Foundation Committee “*Hua Khiao Po Tek Siang Tueng*” or “*Po Tek Tueng*”.)

The *Kang Lian* also organized the sending of overseas Chinese to China. This was particularly the case for students who had completed their studies at schools such as Shuren, Qiming and Chongshi and who were sent to join the communist troops [มูราชิมา 2539: 124–125]. Yi Guangyan, member of the Guomindang, knew a number of the communist leaders in Siam, such as Huang Yaohuan, Qiu Ji, Xu Yixin, Wu Linman and Li Hua, and provided financial support for the sending of overseas Chinese to China. Yi Meihou, 1909–1994, nephew of Yi Guangyan, who participated in these affairs, was a member of the *Kang Lian* and acted as a liaison between the two groups [มูราชิมา 2539: 124–125]⁹.

⁸ AFMFA(C)/44CPCOM. 72. Document addressed to the director of political affairs and general security in Hanoi, 15 February 1938. “*Répression communiste à Bangkok.*”

⁹ In 1951, Jacques Gronier, author of a study of some sixty-five pages entitled “The Chinese in Thailand” — and kept in the archives of the French Ministry of Foreign Affairs — wrote that after the war Yi Meihou, then a member of the Standing Committee of the Chinese

The communists were more radical than the Guomindang in implementing the boycott. They used coercion and sometimes even went so far as to kill. The Young Patriots participated in this type of action [มูราชิมา 2539: 126]¹⁰. The Chinese Merchants Association, the *Shang Kang*, which was under the *Kang Lian*, monitored the behaviour of the merchants. But the *Kang Lian* considered that this group did not have enough resources. The action was entrusted to a group composed of Xu Xia, Wu Linman and Lin Yuxing or Lang Zhude¹¹. Surveillance was carried out through that of the docks and it happened that the *Kang Lian* ran into secret societies: most of the dockers were then members of such organisations. The *Kang Lian* was however in contact with them through Yi Guangyan and Lang Zhude. The latter managed to gather eighteen of them into the Siamese Association of Overseas Chinese Anti-Japanese and National Salvation for the Elimination of Traitors (*Xianluo Huaqiao Kangri Jiuguo Chujian Tuan*),

Chamber of Commerce, vice-president of the Charity Association “Pao Teh Shan T’ang” and member of the “Commission of the Office of Overseas Chinese Affairs”, — a pro-communist organisation, — was considered as probably being part of the Central Committee of the Chinese Communist Party in Thailand. AFMFA(C)/ 147QO. 67. “*Les Chinois en Thaïlande*”, Jacques Gronier, November 1951, pp. 47–48.

¹⁰ According Gronier, during the Second World War the Chinese communists had been “at the forefront of the anti-Japanese resistance”. In 1946, following the repeal of the anti-communist law that had been adopted in the first half of the 1930s, they were able to come out of hiding and develop their activities while “[m]any businessmen who had collaborated found it convenient to exonerate themselves by paying the various communist organisations substantial subsidies”. Ibid., pp. 45–46.

¹¹ A constructor, under Chulalongkorn he had directed the construction of the Benchamabophit temple and later of Lumpini Park as well as several railway lines and roads. He was close to the Chinese left [มูราชิมา 2539: 128].

of which he became president. Jiang Bingcai, head of the secret society *Sam Taem*, was a member of the steering committee, Xu Xia represented the *Kang Lian* [บูรณิมา 2539: 127]. Kasian Tejapira summed up the results of the boycott and the *Chujian Tuan*'s action as follows:

By October 1937, all Chinese merchants completely refused to trade either openly or secretly with Japan. By January 1938, Indian merchants followed suit. And by the end of March 1938, the voluntary boycott of Japanese goods by local Chinese consumers had markedly increased; there were more reported cases of Chinese merchants who traded with Japan being subjected to violence, including exporters of rice, salt, and buffalo leather to the Japanese market; and the shipping of Japanese goods from Japanese-related ocean liners [Tejapira 2001: 45].

Kasian Tejapira then mentioned the “tragic fate” of the Chinese “trading partners” of Japan, of which, according to a Thai government committee report, sixty-one had been killed by the end of July 1940, and called the *Chujian Tuan* a “terrorist” organisation [Tejapira 2001: 44–45]. In doing so, he takes on the aggressor's point of view. The *Kang Lian* and *Chujian Tuan*'s violence constituted an act of resistance to Japanese aggression in China, which had never really ceased since the invasion of Manchuria in 1931 and the bloody Battle of Shanghai in 1932.

3. REPRESSION

After the change of regime in 1932, relations between Siam and Japan grew closer very quickly. During most of the 1930s the Thai governments “were anxious to keep on good terms with the Japanese since it was obvious that they were a major contender for dominance in East Asia” [Kasetsiri 2015: 289–290]. While historians often point to the existence of two tendencies within the People's Party, one pro-Japanese, with Phibun Songkhram as leader, and the other liberal, with Pridi Phanomyong at its head, various

elements show that even the latter demonstrated an attitude that was not particularly distant towards Japan. This point is all the more important since Pridi assumed the portfolio of the Ministry of Foreign Affairs at the beginning of the Sino-Japanese War.

According to Bruce Reynolds, Pridi Phanomyong, leader of the civilian faction of the People's Party, was wary of a rapprochement between Thailand and Japan because such a development risked favouring the military faction at his own expense [Reynolds 1994: 16–17]. However, Thadeus Flood had quoted, while dealing with the period before Phibun became Prime Minister, a cable from 20 April 1937 by the new Japanese minister in Bangkok, Ishii, who observed that the political differences between the pro-Phibun faction and the pro-Pridi faction in domestic policy tended to disappear when it came to foreign policy. According him, both factions wanted Siam to “escape its ‘colonial’ status” [Flood 1967: 176]. He also had noted that Pridi was “enthusiastic about future economic cooperation with Japan in the building of Siam’s economy” [Flood 1967: 165]. But, when he commented Siam’s abstention from voting against Japan for its aggression of China in the League of Nations in October 1937, he wrote that “[t]here is no reason to think that the abstention [...] was special treatment for Japan” and argued that the new Treaty of Friendship, Commerce and Navigation signed on December 8, 1937, “was identical in every respect with those made with the other powers at this time” [Flood 1967: 183].

Another view is provided by the French Minister to Siam, Marcel Ray, who had “long discussions” with him during his stay in France. According Ray, Pridi had “roughly the same political ideas as the Young Turks before the war of 1914; he [was] a statist democrat in the Jacobin tradition, mixing with his Western doctrine Pan-Asian reveries that he [did not] want to be public”¹².

¹² AFMFA(C)/44CPCOM. 72. French Minister to Siam, Marcel Ray, to the Minister of Foreign Affairs in Paris, 15 February 1936. “*Constitution du nouveau Cabinet siamois*”.

This Pan-Asianism seems to have to be taken into account in understanding Pridi's attitude in the period leading up to the early years of the Second World War. Later, on 26 September 1937, various demonstrations of friendship between Siam and Japan were organised on the occasion of the fiftieth anniversary of the signing of the first treaty of friendship and trade between the two countries. Pridi was then minister of Foreign Affairs. Regarding the treaty to be signed, he expressed his hope that it would make "even closer the bonds of friendship" between the two countries, while the Japanese Minister expressed his pleasure to be able to count on the head of Thai diplomacy. The French chargé d'affaires Georges-Picot expressed his surprise to Pridi "to see Siam engaging, in the midst of the Sino-Japanese conflict, in demonstrations of friendship giving the impression that it was taking the side of Japan and approving its imperialist policy". The Thai minister of Foreign Affairs minimised the significance of these demonstrations and explained that he had "considerably reduced the program [...] proposed by the Japanese". Georges-Picot also believed that the celebrations had been partly dictated, on the Thai side, by fear¹³. Almost a year after the start of the Sino-Japanese conflict, in June 1938, the French minister of Foreign Affairs considered that "Japanese pressure [had] been held in check by the formal opposition of [Pridi's] party"¹⁴. But on 31 October 1938 Lépissier, French minister in Siam, reported that the Chinese defeat at Guangzhou and Hankou had "greatly impressed" the Thais, who now tended to regard "the Japanese as animated by an irresistible dynamism", especially since "the balance of

¹³ AFMFA(C)/44CPCOM. 76. The French chargé d'affaires in Siam, Georges-Picot, to the Minister of Foreign Affairs in Paris, 16 October 1937. "*Manifestations d'amitié pro-japonaises.*"

¹⁴ AFMFA(C)/44CPCOM. 76. Letter from the Minister of Foreign Affairs to the Minister of Colonies, 24 June 1938. "*Attitude du Siam à l'égard du conflit en Extrême-Orient.*"

power” was no longer in favour of the British and the French. From the point of view of the Thai leaders, the Japanese advance towards the South made it even more plausible that Japan would challenge Siam’s neutrality in the future. And Pridi told Lépissier that he “ardently wished” (our emphasis) for Jiang Jieshi to resign, which, according to him, would have ended the war¹⁵.

It was in this context that the repression of the anti-Japanese movement in Siam started, well before the arrival of Phibun Songkhram at the head of the government.

According to the French legation, the activity of the Chinese in Siam, “and its increasingly marked collusion with the organs of the Communist Party”, worried the Thai government. But it considered that the “dictatorial tendencies of the regime” and the government’s “sympathies” for Japan, or its fear of “reproaches” and “threats” from the Japanese government, — “readily inclined to make its power felt in Bangkok”, — had led it “to take recently a clearly hostile attitude towards the Chinese minority”¹⁶. As a result, the Thai government, “eager to conciliate Japanese power, forbade the collection of funds for war purposes and considered the boycott a conspiracy in restraint of trade” [Skinner 1962: 265].

The Thai authorities began to suppress the Chinese movement on a large scale, as Eiji Murashima noted, when the war had been going on for about six months. On 12 February 1938, 22 people were arrested for communism and membership in secret societies. Among those arrested, Murashima gave the following names: Xu Yixin, Wu Linman, Lang Zhude, Jiang Xiaochu (a dentist by profession, a communist responsible for printing

¹⁵ AFMFA(C)/44CPCOM. 77–78. Telegram from the French Minister to Siam, Paul Lépissier, 31 October 1938.

¹⁶ AFMFA(C)/44CPCOM. 72. The French Minister in Siam, Paul Lépissier, to the Minister of Foreign Affairs in Paris, 7 November 1938. “*Les Chinois au Siam.*”

documents for the *Kang Lian*) and Bei Ziduan (a nurse by profession, owner of the Chia Li Sue hospital in Sam Yaek, responsible for sending threatening letters for the *Kang Lian*). Jiang Xiaochu and Bei Ziduan had arrived in Siam in 1927 with Xu Xia. As for Lang Zhude and Jiang Bingcai, they were secret society leaders. On the day of the deportation, 29 March 1938, several thousand Chinese were present to accompany them to the port like heroes [มูราชิม่า 2539: 130–131]¹⁷.

In the first list of people arrested made by the intelligence service of the French legation in Siam, the names of Xu Yixin, Xu Xia, Wu Linman appear, among the main communist leaders of the anti-Japanese movement in Siam. The name of Chen Jiangxue is also mentioned. Presented as a teacher at the Qiming school, “residing at the Tri Tánh Xuang store, in Wat Takien”, he was also known under the Vietnamese name of Tran Duc Thanh and as a member of the Central Committee of the Siamese Communist

¹⁷ In its edition of 15 February 1938, the “*Prachachat*” gave the following list of names: 1) Dai Hiang Sae Tan, owner of the bookstore named Khiang Meng, tambon of Talat Kao. 2) Doctor Lou Sieo Ha [Lu Zhaohe], from Solid Pharmacy, located next to the post office at 8 Charoenkrung Road. 3) Doctor Puei Chu Duan [Bei Ziduan], from Chia Li Sue Hospital, opposite Bunmi Samyaek Pharmacy. 4) The doctor Tiao Pae Hiam, from the pharmacy Hua Sae Ting, tambon of Wat Sam Chin. 5) Yong employee of the Nam Seng Huat Hotel on Phatsai Road. 6) Li Chue Seng. [This appears to be Li Zisheng, mentioned by Murashima (2539, 11), accused in an article in the “Hua Xian Xinbao”, a newspaper of the Guomindang, published on April 12, 1927, of being in contact with secret societies and of making communist propaganda.] 7) Khou Hia and 8) Khou Chek Sio [Xu Yixin], teachers at the Chong Sit school. 9) Mr. Ngou Thou Si, teacher at the Khi Meng school. 10) Mr. Ngou Lim Man [Wu Linman] and 11) Mr. Khou Hiap [Xu Xia], teachers at Khi Meng School, in Yotse. 12) Mr. Bak Kang or Tho. Head of the very influential secret society Buan Heng. (The Thai transcription of the names is given in the appendix.)

Party¹⁸. The Thai police had searched four schools: Shuren, located in Sam Pheng, Chongshi, located in Saphan Sawang, Qiming, or Thiraprasat, located in Saphan Yotse, and Xing Hua, located in Phaya Thai. Added to this list was the Xin Hua store, whose address corresponded to that of the Central Committee of the CCP, which was also searched. The Thai Police found “revolutionary and anti-Japanese propaganda documents”¹⁹.

Following these arrests, a French intelligence agent asked Thai Police officer Phra Phichanphonlakit²⁰ why he had not “touched”

¹⁸ AFMFA(C)/44CPCOM. 72. Document addressed to the director of political affairs and general security in Hanoi, 15 February 1938. “*Répression communiste à Bangkok.*”

¹⁹ AFMFA(C)/44CPCOM. 72. Document addressed to the director of political affairs and general security in Hanoi, 15 February 1938. “*Répression communiste à Bangkok.*” In its edition of 5 March 1938, the “*Prachachat*” gave the following list of people condemned to be deported: Long Chu Tek (Lao Zhude), Tiang Theng, Mai Hiam, Khou Chek Sin (Yu Yixin), Ke Hai (Jia Hai, member of the secret society “Huay Hung”), Khou Sia Yok, Ngo Tho Sue (Wu Tuisi), Li Chue Beng, Kang Iao Cho or Kang Iao Hiao (Jiang Xiaochu), Li Pae Kok, Bu or Khai Bu (Wen Wu, he was a Chinese taechio born in Siam, member of the secret society “Sin Tat Lat”), Liang Phu, Hui, Lou Siao O, Tang Tai Thang, Puei Sue Kuei (Bei Ziduan), Tho or Bak Kang, Ngi, Tiang Po, Yong. (The Thai transcription of the names is given in the appendix.)

²⁰ The life of Phra Phichanphonkit, or Phichan Dulalampha, illustrates well the continuity of the Thai anti-communist policy from one government, from one regime, to another. He was born on 9 January 1893 (2435) in Ban Talat Khuang, tambon of Bang Phra, in Trat province’s amphoe mueang. His father, Buei Dulalampha, had the title of Khun Naraphanit, his mother was called Yam. He was the seventh child of twelve siblings. When the French took control of Trat province in 1904, Phichan’s mother took him and his siblings to Chanthaburi province. He later left for the capital, where his mother entrusted him to the leader of the Thai Sangkha, Somdet Phra Sangkharat Chao Krom Phra Wachirayanwong, at the temple of Bawonniwet. After his

the “Bôi Dân” school, an establishment about which a note specifies that it was the headquarters of the Central Committee of the PCS. He replied that, according to the Director General of the Police, Luang Adun Detcharat, an operation in this school was “not opportune at the moment and that he [wanted] to reserve it for later.”²¹ According to the French intelligence service, the Thai press announced “loudly” that these arrests had been aimed at

studies, Phichan trained as a police officer, which he completed in 1912–1913 (2455). In 1914–1915 (2457), he married Khun Nai Kim Bue with whom he had three children. Following the death of his wife, he married Khun Phat Sinthusan on 7 January 1933 (2475). As for his career, it seems to have been unaffected by either the changes of regime or the war, at least until the second half of the 1940s: he became a police second lieutenant on 31 January 1916 (2458), lieutenant on 27 November 1920 (2463), captain on 1 January 1924 (2466), police major on 7 November 1928 (2471), lieutenant colonel on 8 November 1929, colonel on 3 May 1934 (2477) and major-general on 1 December 1946 (2489). The same day, he became the director of police. However, he resigned his position due to ill health on 8 August 1947. Before the overthrow of the absolute monarchy in 1932, he had been granted the title of *Khun* Phichanphonlakit on 30 December 1921 (2464), that of *Luang* on 1 January 1924 (2466), and *Phra* on 8 November 1930 (2473). In 1947, after leaving his post as police chief, he entered the monastic life at the temple of Benchamabophit Dusitwanaram but had to interrupt his religious studies again in October due to his health problems. He died on 17 November 1959. Even before the change of regime, he participated in the repression of communism, for example when twenty-two people were arrested on the occasion of the meeting of the Special Committee in Siam of the Chinese Communist Party of the South Seas — the body that had achieved the unity of the Chinese communists of Siam between 1927 and 1929 — on 22 December 1929, in Bangkok [นิพนธ์ 2503: 3–9, 57].

²¹ AFMFA(C)/44CPCOM. 72. Document addressed to the director of political affairs and general security in Hanoi, 15 February 1938. “*Répression communiste à Bangkok.*”

stopping the activity of the communists and that of the members of certain secret societies in Siam. It also published an interview with Luang Adun Detcharat, who declared that “he was continuing the work of destroying communist cells not only in the capital but also in the provinces”. However, the French intelligence agent observed that “[i]n reality, the recent arrests [had] been made at the request of the Japanese legation, which had been closely following anti-Japanese activity in the Chinese colony in Siam”. He added that it was “in order to conceal from the public that they [had] had to act under pressure from a foreign power that the Siamese authorities took care to give great publicity to the operations they were obliged to carry out”²². According to the French agent, the action taken against the communists had not been motivated by a policy of repression that had specifically targeted them because the Thai police had “spared the main extremist agitators who had been known to them for a long time”. If members of the PCS such as Xu Yixin and Wu Linman had been arrested, “it was because they [were] involved in anti-Japanese activity”²³.

Regarding the action of the Japanese legation in Siam, the French intelligence service reported that it was watching the Chinese community in Siam “very closely” and had “many informants” working for it from Chaozhou, other parts of Guangdong and Formosa. The head of Japanese intelligence was himself from Formosa, Wang Jingqiu, a doctor and owner of a clinic²⁴. Besides, the Japanese also created organisations similar to national rescue associations to fight against anti-Japanese ones²⁵.

²² AFMFA(C)/44CPCOM. 72. Document addressed to the director of political affairs and general security in Hanoi, 28 February 1938. “*Les récentes répressions communistes à Bangkok*”.

²³ Ibid.

²⁴ Ibid.

²⁵ AFMFA(N)/Bangkok 66 PO. 1. 69. “*Propagande et préparatifs japonais au Siam en 1937–1941. A4.*”

The repression was to continue, like on 10 September 1938, when the Thai government “carried out a vast police raid on opium dens and meeting places of several Associations and Secret Societies”. Before the end of the year, this operation was repeated several times and had led to the expulsion of about 5,000 Chinese and deprived “a certain number of their Associations of their most influential members”. “The close and constant surveillance currently being exercised on all suspects”, wrote Lépissier, “finally considerably hinders the activity of the militants and that of the societies still intact”²⁶.

CONCLUSION

The repression, which began before Phibun Songkhram came to power, intensified in 1939 and continued until the end of World War II. The anti-Chinese policy that the Thai government pursued from that year to the Japanese invasion is generally better known, Baker and Phonpaichit summed it up as follows [2022: 143]:

“The government doubled the immigration fee and closed two banks engaged in remittance to China. It cracked down on the *angyi*, businessmen, and political activists engaged in the boycott and fundraising. Hundreds were arrested and deported. All but one Chinese newspaper ceased publication. Regulations on Chinese schools were tightened, resulting in all but two closing down.”

A so-called policy of “economic nationalism” was put in place which was directed against the economic positions of the Chinese community [Baker Phonpaichit 2022:143–145]. A summary produced for the French legation in Thailand entitled “The Different Forms of Japanese Activity in Thailand” and dated 29 April 1940 summarised the repression of the anti-Japanese movement after 1938 as follows:

²⁶ AFMFA(C)/44CPCOM. 72. The French Minister in Siam, Paul Lépissier, to the Minister of Foreign Affairs in Paris, 7 November 1938. “*Les Chinois au Siam*.”

“It was by both persuasion and threats that Japan had for over a year obtained from the Thai authorities the mass arrests of Chinese émigrés. From February 1939 until now [April 1940], more than 5,000 Chinese have been successively apprehended and expelled. Among them, big merchants, directors of large banks, professors, students, doctors, etc. ... accused of having founded secret societies or of having been members of them. Their real crime was to have organized and maintained the movement to boycott Japanese goods and to have collected war funds and recruited young men for the Chinese army.”²⁷

The note added that the repression “was particularly aimed at all the influential leaders” of the Guomindang in Thailand. Another illustration of the pro-Japanese tendency of the Thai authorities, Luang Chawengsaksongkhram, who held the position of Undersecretary of State at the Interior Ministry in April 1940 and who was involved in the repression against the Guomindang, was also a member of the Japan-Siam Association²⁸.

Repression was also carried out directly by the Japanese: on 21 November 1939, the leader of the left wing of the Guomindang in Siam, Yi Guangyan, was shot dead by Wang Jingqiu (“O Ka Su”), a Formosan known by French intelligence as a Japanese agent²⁹. The reason for this assassination was that, — according to the note, — Yi Guangyan had succeeded in uniting all the Anti-Japanese Associations into a single Federation. He had managed to establish an “almost complete” boycott by the beginning of 1939. At the same time, he was said to have collected up to

²⁷ AFMFA(N)/Bangkok 66 PO. 1. 69. “*Propagande et préparatifs japonais au Siam en 1937–1941. A4.*”

²⁸ Ibid.

²⁹ The note further explained that Wang Jingqiu was “the principal Japanese agent in Chinese affairs”, in charge of the “struggle against the boycott” and of the “propaganda in favour of [Wang Jingwei]”. “He also recruited Chinese emissaries on behalf of the [Nippon-Siam Trade Bureau]”.

100,000 baht per month in contributions to the Chinese government's war fund. Yi Guangyan's assassination happened shortly after his return from China, where Jiang Jieshi had congratulated him for his action. The Thai authorities had known that there were plans to kill Yi Guangyan, but they failed to prevent his death, and during the assassin's trial, they avoided to conduct a thorough investigation³⁰.

Thongchai Winichakul has observed that Thai nationalism, and indeed nationalism in general, has an inherent ambiguity. According to him, this ambiguity allows diverse groups to unite within the same faith (Thongchai also compares nationalism to religion) [Winichakul 2560: 119]. In fact, this ambiguity seems essentially linked to the instrumental nature of nationalism when it is manipulated by a ruling class whose legitimacy is contested. The case of the anti-Chinese and irredentist nationalist policies adopted by the leaders of the People's Party (there are other cases in different periods) had two functions that take the attention away from debates concerning ideology in favour of more materialistic considerations: first, to strengthen the economic positions of the new Thai leaders, and second, to mask the country's gradual (even if hesitating)³¹ subjugation to the "great master of Asian seas"³², Japan. The point, Pridi said, was to align with the winner³³.

³⁰ AFMFA(N)/Bangkok 66 PO. 1. 69. "*Propagande et préparatifs japonais au Siam en 1937–1941. A4.*"

³¹ Phibun and Pridi were not sure of who would win the war. Besides, as Phibun said, Thai finance "was with England" but Thai economy "with Japan". See: NA/OPM. 0201. 33/28. Report of the Council of Ministers No. 31/1940. Wednesday, 23 October 1940. (พลซ/สร. 0201. 33/28. รายงานประชุมคณะรัฐมนตรี ครั้งที่ 31/2483 วันพุธที่ 23 ตุลาคม พุทธศักราช 2483).

³² Phibun's words. Ibid.

³³ Ibid.

ABBREVIATIONS:

AFMFA(C)	— Archives of the French Ministry of Foreign Affairs (La Courneuve).
AFMFA(N)	— Archives of the French Ministry of Foreign Affairs (Nantes).
NA	— (Thai) National Archives.
หจช	— หอจดหมายเหตุแห่งชาติ
OFM	— Office of the Prime Minister
สร	— สำนักนายกรัฐมนตรี

APPENDIX:

1) List of the names of the persons mentioned (in alphabetical order):

Bei Ziduan, Puai Chi Tuan	貝子端	บ้วยจูดาน, เป๋ยจื่อตาน
Chawengsaksongkhram (Chuang), Chaveng Sakdi Songram		เชวงศักดิ์สงคราม (ชวง)
Chen Jiangxue, Tan Kien Hok, Tran Duc Thanh	陳建學	
Chen Shouming	陳守明	ตันซิวหมิง
Huang Biyu	黃碧玉	หวงป้อวี่
Huang Yaohuan	黃耀寰	หวงเยาหวาน
Jia Hai, Kia Hai	家海	แกไฮ
Jiang Bingcai	江炳才	ก้งเป้งไต้
Jiang Xiaochu, Kong Eau Chon	江曉初	ก้งเฮียวชอ
Li Hua	李華	หลี่หัว
Li Zisheng, Lee Che Seng,	李子陞	ลี้จื่อเซ็ง, ลี้จื่อเซ็ง
Liao Chengzhi	廖承志	เลี่ยวเฉิงจื่อ
Lin Yuxing, Lang Zhude, Long Chu Teck	林玉興、 廊主德	ลิมยืกเอ็ง, หลงจู้เต็ก
Liu Shushi	劉漱石	หลิวชูสือ, เล้าสัวเจียะ
Lu Zhaohe, Lo Siew Hock	盧肇鶴	โลวเซียวเฮะ
Luang Adun Detcharat, Luang Adul Detcharas		หลวงอดุลอดุลเดชจรัส

Ou Yanghui	歐陽惠	โอบหยางฮุย
Phra Phichanphonlakit, Phra Bicharn Bolakich		พระพิจารณพลกิจ
Qiu Ji	丘及, 邱及	คูกิบ. ชิวจี (จิตร เลขวัต)
Wang Jingqiu, Wang Ching Chiu	王鏡秋	
Wen Wu	聞武	บู้ไคบู้
Wu Linman, Wu Tuisi, Ngo Toh Si, Ngo Lam Mung, Go Lam Ban	吳琳曼	หวุหลินมาน, โง่วลิ้มหมอน, โง่วหลิมมัน
Xiao Fucheng	蕭佛成	เซียวฮุดเส็ง, เซียวฮุดเสง (สัญญาเรื่อง)
Xu Xia, Kou Hiap	許俠	สวีเสี่ยว, สือเฮียบ, โควเฮียบ
Xu Yixin, Kou (Kho) Yek Sin, Ng. Iam Ong	許一新	สวีอีซิน, ไค้วเจ็กซิน
Yi Guangyan	蟻光炎	เหี้ยกวางเอี่ยม (เอี่ยมสุรีย์)
Yi Meihou	蟻美厚	เหี้ยมยุเก่า

2) List of names appearing in the “Prachachat” edition of 15 February 1938:

1) Dai Hiang Sae Tan	ไต้เชียงแซตัน
2) Lou Sieo Ha	โลวเซียว
3) Puei Chu Duan	ป้วยจูด่วน
Chia Li Sue Hospital	เจียลีสือ
Bunmi Samyaek Pharmacy	บุญมีสามแยก
4) Tiao Pae Hiam	เตี่ยวแปะเฮียม
Hua Sae Ting Pharmacy	ฮัวแซตัง
Wat Sam Chin	วัดสามจีน
5) Yong	ย้ง
Nam Seng Huat Hotel	นำแซงฮวด

Phatsai Road	พาดสาย
6) Li Chue Seng	ลีจือเซ็ง
7) Khou Hia	โควเฮียะ
8) Khou Chek Sio	โควเจ็กซิว
Chong Sit	ช่งซิด
9) Ngou Thou Si	โงวโหวซึ
Khi Meng School	ซึเม้ง
10) Ngou Lim Man	โงวหลิมมัน
11) Khou Hiap	โควเฮียบ
Khi Meng School	ซึเม้ง
Yotse	ยศเส
12) Bak Kang	บักกัง
Tho	เทา
Buan Heng secret society	บานเฮง

3) List of names appearing in the “*Prachachat*” edition of 5 March 1938:

Long Chu Tek	หลงจูเต็ก
Tiang Theng	เตียงเท่ง
Mai Hiam	ไมเฮียม
Khou Chek Sin	โควเจ็กซิน
Ke Hai	เกไฮ
Khou Sia Yok	โควเซียยอก
Ngo Tho Sue	โงวท้อซิว
Li Chue Beng	หลี่จิวเบง
Kang Iao Cho	กังเอียวชอ
Kang Iao Hiao	กังเอียวเฮียว
Li Pae Kok	ลีแปะกอก
Bu	บู

Khai Bu	ไคบู
Liang Phu	เหลียงฟู่
Hui	ฮุย
Lou Siao O	โล้วเซียวเอะ
Tang Tai Thang	ตังไต้ทัง
Puei Sue Kuei	ปวยซื่อกาย
Tho	เทาะ
Bak Kang	บั๊กกั้ง
Ngi	งี
Tiang Po	เตียงปอ
Yong	ย้ง

4) Names of companies, organisations, schools and newspapers (in alphabetical order):

Chaozhou Mi Yeping Yao Gongsi	潮州米業平耀公司	บริษัทแต่จิวปีฮียบเพ้งเลียบวงกซี
Chongshi, Song Chit	崇實	ฉงซือ, ซ่งชิก
Dushi she	讀書社	ตุชู่เซ่อ
Fu Kang	婦抗	ฟู่ข้าง
Gong Kang	工抗	กงข้าง
Huaqiao Ribao	華僑日報	ฮัวเฉียวเยอะเป้า
Huaxi Kenzhi Gu Fen Youxian Gongsi	華西墾殖股分有限公司	หัวซีเซินจี้กุเฟินโหยวเซียนกงซือ
Hua Xian Xinbao	華暹新報	ฮัวเซียนซินปอ
Kang Lian	抗聯	ข้างเหลียน
Prachachat		ประชาชาติ
Qiming, Kee Ming	啟明	ฉีหมิง, คีเมง
Quanmu Gongzhai Xianluo Fenhui	勸募公債暹羅分會	ฉวนมุกงจ้ายเซียนหลอเฟินฮุย

Sayam Nikon		สยามนิกร
Shang Kang	商抗	ชาวช่าง
Shuren, Shu Yin	樹人	ชุมชน
Thai Mai		ไทยใหม่
Wen Kang	文抗	เหวินช่าง
Xianluo Huaqiao Cishan Chou Zhen Hui	暹羅華僑慈善籌賑 會	เขียนหลอหัวเหียวฉือชาน โฉวเงินฮุย
Xianluo Huaqiao Gejie Kangri Jiuguo Lianhe Hui	暹羅華僑各界抗日 救国聯合會	เขียนหลอหัวเหียวเกอะเจีย ช่างยี้จัวกัวเหลียนเฮอะฮุย
Xianluo Huaqiao Kangri Jiuguo Chujian Tuan	暹羅華僑抗日救国 鋤奸团	เขียนหลอหัวเหียวช่างยี้จัว กัวฉุนเจียนกวน
Xin Hua	新華	
Xue Kang	学抗	เซี่ยช่าง
Zhongguo Bao	中國報	ตงก๊ก(ยิด)ปอ
Zhongyuan	中原	ตงจ้วน

REFERENCES

IN ENGLISH:

Baker, Phongpaichit 2022 — C. Baker, P. Phongpaichit. A History of Thailand. Cambridge: Cambridge University Press, 2022.

Batson, Hajime 1990 — B. Batson, S. Hajime, Shimizu. The tragedy of Wanit: A Japanese account of wartime Thai politics. Singapore: Journal of Southeast Asian Studies Special Publications Series, 1990.

Flood 1967 — T. Flood. Japan's Relations with Thailand: 1928–1941. Doctoral dissertation. Ann Arbor: University of Michigan, 1967.

Kasetsiri 2015 — C. Kasetsiri. Studies in Thai and Southeast Asian History. Bangkok: The Foundation for the Promotion of Social Science and Humanities Textbooks Projects, 2015.

Reynolds 1994 — B. Reynolds. Thailand and Japan's southern advance: 1940–1945. New York: St. Martin's Press, 1994.

Skinner 1962 — W. Skinner. Chinese Society in Thailand: An Analytical History. Ithaca-New York: Cornell University Press, 1962.

Suwannathat-Pian 1995 — K. Suwannathat-Pian. Thailand's durable premier: Phibun through three decades 1932–1957. Oxford: Oxford University Press, 1995.

Tejapira 2001 — K. Tejapira. Commodifying Marxism: The formation of modern Thai radical culture, 1927–1958. Kyoto, Melbourne: Kyoto University Press, Trans Pacific Press, 2001.

IN THAI:

นิรนาม 2503 — นิรนาม. พิจารณ์อนุสรณ์. พระนคร: นายจรัส วันทนทวี ผู้พิมพ์ผู้โฆษณา, 2503.

มูราซึมา 2539 — อ. มูราซึมา. การเมืองจีนสยาม: การเคลื่อนไหวทางการเมืองของชาวจีนโพ้นทะเลในประเทศไทย ค.ศ. 1924–1941. กรุงเทพฯ: ศูนย์จีนศึกษาสถาบันเอเชียศึกษา, จุฬาฯ, 2539.

มูราซึมา 2555 — อ. มูราซึมา. กำเนิดพรรคคอมมิวนิสต์สยาม (พ. ศ. 2473–2479). กรุงเทพฯ: มติชน, 2555.

วินิจจะกุล 2560 — ธ. วินิจจะกุล. คนไทย/คนจีน ว่าด้วยคนอื่นของความเป็นไทย. นนทบุรี: สำนักพิมพ์ฟ้าเดียวกัน, 2560.

Deified chinese migrants: the enshrinement of the sino-thai achievement

Thomas Bruce

PhD. (SOAS, London)

Pridi Banomyong International College,

Thammasat University

thomas.b@pbic.tu.ac.th

1. INTRODUCTION

This paper examines the reasons, sources of knowledge and processes involved in the deification of three Chinese migrants in the Sino-Thai community. Their deification provides an insight into one of the compartments of the plural religious landscape within Thailand described by Jackson, White, and Siani [Jackson 2022: 24–25]. It also provides an example of religious acculturation in pursuit of asserting a definitive and distinct religious identity within that plurality. The deification of Chinese migrants constituted an assertion of Sino-Thai ethnic identity and differentiation from host society that belay efforts for their assimilation [Skinner 1957: 129, 249–254, 313–315, 380–381; Gray 1986: 189–192; Hill 2001: 299–304; Jackson 2022: 184–192; Sittithev Eaksittipong 2012: 118–122]. The archetype of the migrant is central to the identity of the Sino-Thai community which persists today in their ethnogenetic narrative of coming to seek a better life in a foreign land with the grace of the Thai King. It is captured in the two phrases, “Under the cooling shade of the Boddhisatva King’s Parasol” (ใต้ร่มพระบรมโพธิสมภาร) and “with

just a mat and a pillow” (เสื่อผืนหมอนใบ). The three Siam-based Chinese migrant lay figures, Sian Pae Khow, a pious Buddhist in the rural outskirts of Bangkok, Yi Ko Hong, a tax farmer and leading figure in a secret society, and Sian Pae Rongsi, a virtuous rice miller, represent archetypes of the Sino-Thai migrant experience. Their deification was to a great extent a novel outcome of hybridity and creolization, occurring in the form of not just traditional shrine building, but hagiographic narrative construction and dissemination through modern forms of media, and in the very Thai practice of amuletization in the form of *rian* (เหรียญ), metal medallions, usually reserved for the likeness of Thai monks or the Buddha, consecrated by Thai Theravadan monks.

2. TRADITIONS OF DEIFICATION

The process of deification drew upon Chinese folk religion with its tradition of sanctifying ancestors (祖先) and deifying historical individuals representing archetypes and values (神), Taoism with its central concept of the immortal adept, the *xian* (仙), and Mahayana Buddhism with its concept of the Bodhisatva (菩薩) and the arahant (羅漢) [Ownby et al 2017: 11–19; Chamberlain 2009: 67–75; Achirat Chaiyapotpant 2022: 12–14]. However, the Sino-Thai practice received renewed and revitalized inspiration from the Thai Theravadan-oriented religious practice of sanctifying and venerating beyond death, the *aryasong* (อริยสงฆ์) or the *phra saksit* (พระศักดิ์สิทธิ์), or sacred monks [Tambiah 1984: 11–27]. Taoist priestly lineages and their temples (as opposed to community shrines) were not exported to Thailand and with it the practice of bestowing *sian*-hood or immortality on adepts. Migrant Chinese communities instead encountered the Thai practice of monk sanctification. These would be venerated primarily through being cast as metallic amulets. Such amuletized sanctification could be extended to select lay-adepts, and it was

through this extension that Chinese migrants could be included, dependent on the presence of a community of *sit* (ศิษย์) or disciples able to construct a hagiographic narrative. In the internet age beginning in Thailand from the late 1990s with the launching of forum websites, Pantip and Sanook in 1996 and 1998 respectively, sharing platforms notably *YouTube*, from 2005 with Thai uploads beginning in that year, and then social media through *Facebook*'s ascendancy in Thailand from 2010 and from the introduction of its groups in 2011, narratives moved from essentially word-of-mouth oral histories to published 'standardized' accounts with a much wider audience. These narratives were then disseminated via online newspapers promoting domestic tourism, internet shopping websites, and social media blogs and groups mainly with the purpose of marketing religious paraphernalia not, perhaps, only in pursuit of financial return but as a measure of the popularity and shared belief in the cult. It is from these online materials that thematic tropes emerge [Preecha Rueangdej (YouTube) 2019, 2021; Siamrath 2019; ShoppeeBlog 2023; Sian Pae Khaw Facebook Group 2017].

3. NARRATIVE THEMES

3.1 HUMBLE ORIGINS, CHILD MIGRANTS, DILIGENCE

All three were of Teochew origin, the largest Chinese speech group in Thailand, and sailed out of Swatow. All three were children, in their early teens, when they arrived in Bangkok, usually alone. Yi Koh Hong, was born Tae Ngì Hong (鄭義豐 *Zhèngyìfēng*) in 1851, Sian Pae Khaw in 1869 as Lao Yi Hong (劉益豐 *Liúyìfēng*), and Sian Pae Rongsi in 1898 as Ngo Kim Khoei (吳錦溪 *Wújǐnxī*). Yi Koh Hong arrives in Siam alone aged 16 in 1867 in the footsteps of his deceased father, who had previously worked there. Although Sian Pae Khaw and Sian Pae Rongsi were figures associated with outlying areas of Bangkok,

their respective narratives attempt to connect their first labouring activities with Yaowarat in Samphanthawong District, the heart of the Chinese migrant community. Sian Pae Khow works in Yaowarat, before asking his employer to leave for the countryside to begin market gardening. His employer refuses, because he is such a diligent worker, until recognizing his determination and letting him go with a lump sum of money to help in on his way. Sian Pae Khow settled in Lat Krabang renting land to cultivate a vegetable garden in the Hua Takhe (หัวตะเข้) Market area.

Yi Koh Hong's life takes place in the Samphanthawong district of Bangkok, initially working in rice milling before learning the local gambling trade from a gambling magnate. Pae Rong-si migrated to Siam with his elder brother from his home village in Chenghai County (澄海) towards the end of the reign of King Chulalongkorn in 1908, when he was about ten. Some stories connect him initially to Yaowarat but he ends up working as a labourer to the north of Bangkok in Pathum Thani province. There he entered the very Chinese world of rice milling finding work at the South Bang Pho Rice mill (โรงสีบางโพธิ์ใต้), in Bang Due (บางเดื่อ).

Having entered the world of gambling Yi Ko Hong joins the local chapter of the Heaven and Earth Society (天地會 *tian di hui*), known in Thai as the Ang Yi (อังยี่), rising through its ranks to become the number two, and then eventually replacing the leader, Lin Mang (林蟒) on his death but retaining the name, Yi Koh Hong (二哥豐 *er ge feng*), Second Elder Brother, out of respect for his predecessor. He then becomes a tax farmer collecting gambling revenues on behalf of the state, for which service he is granted a Thai surname Techawanit (เตชะวนิช) by King Vajiravudh (1910–1925).

Kim Khoei developed a reputation for diligence, thrift, and trustworthiness which enabled him to buy a share in a joint stock South Bang Pho rice mill and be offered a wealthy rice-miller's

daughter in marriage, who subsequently bore him 10 children. In the 1920s, Kim Khoei built his own rice mill at Pak Khlong Chiang Rak, giving it the name Thong Siri Mechanized Rice Mill (โรงสีไฟทองศิริ), within the community of Wat Bangkadi by the Chao Phraya directly opposite Wat Makham or Wat San Chao. Around this time, Kim Khoei acquired Siamese citizenship and changed his name to Nathi Thongsiri (นที ทองศิริ). His rice milling business did well and he became known as *pae* (แป๊ะ 伯), uncle in Teochew.

3.2 PATHS TO DEIFICATION

Pae Khow's path to deification through a holy life begins with a tragic love story, which sounds like a Chinese opera, spanning Siam and China. His landlord had a daughter, Malai, and having seen how diligent and successful the young man is, offers him Malai in marriage, with whom he has fallen in love. However, he hears word from his mother that he is to return to China to marry a girl to whom he was already promised. On returning to China, he finds the woman already married, and on his return to Siam he finds Malai already married. The heartache leads him to seek solace in religious devotion and the story relates that on passing a Mahayana Buddhist shrine he heard a voice call to him and thereupon devoted his life to the shrine.

In November-December of 1895, he built a shed of *chamchuri* wood, with the intention of using it to practice Vipassana meditation uninterrupted, and unfed, for 100 days. When the *chamchuri* shed was opened he was found dead in a seated meditating position. His body was soft, as if he were still alive and was therefore considered an immortal, a *sian*. People from Hua Takhe Market and all over the country came to pay their respects in large numbers.

Eventually, the news reached his sister and uncle in China who traveled to Siam and entered the meditation chamber. His

sister pointed directly at his corpse, and scolded him for selfishly fleeing his filial responsibilities. In response, his corpse leaned forward as if bowing his head to accept the judgement of his sister. The story explains the forward leaning position and emphasizes the Confucian aspect to the story.

According to the legend, King Chulalongkorn heard of the miracle and bestowed the name “Ong Sian Pae Khow Siang Ngi” เขียนแป๊ะโด้วเซียงสี, in 1904. Phrakhru Muttitawihani (พระครูมุตติทารี), the head monk of Lat Krabang Province at that time, recommended that a Buddha Phisek ceremony (พิธีพุทธาภิเษก) be held, formally acknowledging his Buddhahood as the “Boddhisatva of a hundred sufferings” (百苦菩薩 *bǎi kǔ púsà*) allowing his corpse to be formally enshrined and worshiped.

The agency for Yi Koh Hong’s deification was his philanthropy. He became well known for his philanthropic work in his native county back in China. His status among the community and his leadership of the local triad, led to a meeting with Sun Yat Sen on his visit to Bangkok in 1903 [Eiji Murashima 1996: 127–128; Wasana Wongsurawat 2019: 53–54]. In 1907, Yi Koh Hong joined eleven wealthy patrons to found the Overseas Chinese Virtuous Reciprocation Foundation (華僑報德善堂; Teochew: *po tek tung* ปอเต็กตึง), an unclaimed corpse collection charity [Kannikar Tanprasert 2002: 91–100]. The foundation was a quasi-religious organisation inspired by the Great Patriarch Da Feng or Tai Hong Kong (大峰祖師 or 大峰公 ไตฮงกง), and Yi Koh Hong was instrumental in bringing his statue, originally made in Guangdong, to the Foundation’s shrine in 1909 (Lin Wushu 1996).

Like Pae Khow, Pae Rongsi was defined by his devotion to a shrine. The small Pung Thao Kong Ma (ปุงเถ่ากง-ม่า) shrine was a primitive wooden structure and whenever free he would work on its renovation. His helpful disposition enhanced his reputation as a benevolent community-oriented figure. This help took

the form of advice, which when followed seemed to work. A belief developed that he was the avatar of the shrine. He organised a New Year festival, in which a miracle occurred. As dark rain clouds appeared in the sky, he lit up some joss sticks and blew the smoke away after which the sky cleared up. The basis for his advice lay in his knowledge of Feng Shui 風水 (Thai/Teochew: *huang chui* ฮวงจุ้ย). With his growing reputation he developed a following of *sit*, who began to call him *sian* (เซียน), which in Thailand meant lay expert, or adept. The term also had the connotation of ‘immortal’ among a community familiar with the Eight Immortals (八仙 ป๊อียเซียน *poi sian*). Increasing numbers of people came to ask his advice on matters related to *huang chui*, which he gave freely. Instead, visitors would offer him betel quid for him to chew, a habit he had acquired during his early years in Siam.

3.3 MATERIALIZING THE DEITY

In each case the creation of a shrine and amulet were instrumental in facilitating the deification process. The Hua Takae shrine committee invited a master to perform a formal funeral ceremony for Sian Pae Khaw, by covering his body in incense powder and then in gold leaf, effectively creating a *Buddharupa* of the Boddhisatva. A fire, which Pae Khaw had apparently predicted, destroyed the shrine in about 1954 and a Chinese resident named Pae Xiang, surnamed Ngou, risked his life to brave the flames and carry the sacred corpse-image out of the burning building. It was stored carefully for about 4–5 years before being moved to the new Jeha Heng Tua Temple (โรงเจเฮงเต้า) in 1958. The first amulet, *bai-sema*-shaped, picturing a standing figure with Chinese characters along the top was consecrated in 1947 by the renowned master monk, Luang Pu Phuek (หลวงปู่เฝือก) of Wat King Kaew nearby. A second amulet was consecrated in 1953, this time

with the more familiar seated image.

Following his death at the age of 86 in 1937, Yi Koh Hong's house in Phapplachai was acquired by the police where a station with cells was constructed [Phani Bualek 2004: 37–66]. A modest shrine was erected to Yi Koh Hong on the roof of the building in appreciation of his 'donation' of his land to the police. Whilst incarcerated there, a Teochew immigrant, Zhou Yafa (周亞發), or Brother Mao (兄茂), dreamt of an old man who followed him around. He gained access to the rooftop shrine and found a photograph of the man in his dreams, Yi Koh Hong. Subsequently, acquitted, he made a major contribution towards the building of a new elaborate, gilded roof-top shrine, complete with a statue in 1995 when a new police station was built there (Preecha Rueangdej 2019, 2021; Khaosod 2020). A commemorative medallion was consecrated featuring the likeness of Yi Koh Hong on one side with Da Feng on the other, and both Thai and Chinese characters. The shrine and the amulet came to be associated with success in the purchase of lottery tickets. Yi Koh Hong was thus transformed into Thailand's first *thepachao choklap* (เทพเจ้าโชคกลาง) as the sign next to his shrine boasts, enthroned in the clothing of an imperial mandarin, on the model of such Chinese deities, and colloquially known as a 'god of gambling' returning to the role his charitable benefaction had attempted to counter and surpass (MGR Online 2022).

Unlike Yi Koh Hong, Kim Khoei's path to immortality was well underway during his life. In 1975, he issued his own yantra, *yan fa prathan phon* (ยันต์ฟ้าประทานพร 天官賜福 *tiān guān cì fú*) or "may the Sky bless you," cloth design that fused the Thai yantra tradition with the Chinese *fu* (符) tradition. In 1976, his first amulet was consecrated to mark his 79th birthday, featuring his portrait on the obverse and his yantra on the reverse with Thai and Chinese characters. Two years after he died in 1984, his disciples and family constructed a memorial building, Sala Nathi Thong

Siri, within the precinct of Wat Makham with a life size *rupa* image cast for veneration.

CONCLUSION

Online hagiographies transformed these figures into internet deities with narratives representing important aspects of Chinese religion, material success, and charity. Their lives provided the community with that form of assimilation most aspired to, *integration*, on their own terms and with the recognition and respect of the host authority. The deification of Chinese migrants in Siam using traditions of apotheosis from Southern Chinese, Mahayana Buddhist, Taoist, and Thai Buddhist and popular religious traditions reveals a dynamic combination of Thai and Chinese sources that revitalized and reinvented a largely forgotten mainland practice of bestowing *sian*-hood, in the service of affirming the modern experience of the migrant community. These figures represent migrant archetypes in the history of the Sino-Thai and their veneration contributes to the promotion of the idealized narrative of Chinese migrants finding shade beneath the protective parasol of the Boddhisatva king of Siam.

REFERENCES

MONOGRAPHS, TEXTBOOKS, DICTIONARIES:

Achirat Chaiyapotpanit 2022 — อชิรัชญ์ ไชยพจน์พานิช. เทพเจ้าจีนในกรุงเทพมหานคร [Chinese Gods in Bangkok]. Bangkok: Matichon, 2022.

Chamberlain 2009 — J. Chamberlain. Chinese Gods: An Introduction to Chinese Folk Religion. Hong Kong, London: Blacksmith Books, 2009.

Eiji Murashima 1996 — Eiji Murashima การเมืองจีนสยาม: การเคลื่อนไหวทางการเมืองของชาวจีนโพ้นทะเลในประเทศไทย ค.ศ. ๑๙๒๔-๑๙๔๑ Bangkok: Chulalongkorn University Asian Studies Institution, 1996. Pp.127-128.

Itsara Muni 1988 — อิศระมุนี. แปดเซียนเต๋า เก้าเซียนพุทธ [Eight Taoist Xian, Nine Buddhist Xian]. Bangkok: Liang Chiang (เลียงเชียง), 1988.

Kannikar Tanprasert 2002 — กรรณิการ์ ดันประเสริฐ. ปอเต็กตึ้ง บนเส้นทางประวัติศาสตร์สังคมไทย [Po Teck Tung: On The Path of Thai Social History (2 ed.). Bangkok: Matichon (มติชน), 2002.

Lin Wushu 1996 — Lin Wushu (林悟殊). Studies in Chinese worship of the Founder Dafeng and Poh Teck Tung Charity in Thailand (泰國大峰祖師崇拜與華僑報德善堂研究). Taipei City (台北市): Shuxin Publishing House (淑馨出版社), 1996.

Ownby et al 2017 — Ownby, David, Vincent Goossaert, & Ji Zhe (eds.). Making Saints in Modern China. New York: Oxford University Press, 2017.

Sitthithep Eksitthiphong 2012 — สิทธิเทพ เอกสิทธิพงษ์. กบฏจีนบนถนนพลับพลายไชย [The Chinese Revolt on Phlapphlachai Road]. Bangkok: Matichon, 2012.

Tambiah — 1984. S. Tambiah. The Buddhist saints of the forest and the cult of amulets: a study in charisma, hagiography, sectarianism, and millennial Buddhism. Cambridge: Cambridge University Press, 1984.

Wasana Wongsurawat 2019 — Wasana Wongsurawat. The Crown and the Capitalists: The Ethnic Chinese and the Founding of the Thai Nation. Seattle: University of Washington Press.

ARTICLE IN A SCIENTIFIC JOURNAL:

Pattana Kitiarsa 2005 — Pattana Kitiarsa. Beyond Syncretism: Hybridization of Popular Religion in Contemporary Thailand. Journal of Southeast Asian Studies. October 2005. Vol. 36, No. 3. Pp. 461–487.

ARTICLE IN A COLLECTION OF ARTICLES, PUBLICATION OF PAPERS IN CONFERENCE PROCEEDINGS:

Hill 2001 — A. M. Hill, Tradition, identity and religious eclecticism among Chinese in Thailand (Ch. 2) // C.K. Tong and K.B. Chan (eds.). Alternate Identities: The Chinese of Contemporary Thailand. Singapore and Leiden: Times Academic Press and Brill Academic. Pp. 299–317.

Phani Bualek 2004 — พรณี บัวเล็ก. เส้นทางชีวิต: ผู้นำจีนสยาม [A Life's Path: A Leader of the Chinese in Siam]. In ลูกจีนหลานมอญใน

กรุงสยาม [Chinese Children, Mon Nephews] ed. by Sudara Suchaya (สุดารา สุจนายา). Bangkok: Sarakhadi, 2004. Pp. 37–66.

DISSERTATIONS, DIPLOMAS:

Gray 1986 — C. Gray. Thailand: The Soteriological State in the 1970s. Ph.D. Dissertation. University of Chicago, Department of Anthropology, 1986.

ONLINE SOURCES:

Sian Pae Khow Facebook Group 2017 — Facebook. เขียนแป๊ะไคว้ มุลนิธิแป๊ะไคว้เขียนงี และโรงเจอะเฮงตัว [Sian Pae Kow, Pae Kow Siang Ngi Foundation, and Ha Heng Tua Shrine]. Group created on 18 September 2017. URL: <https://www.facebook.com/groups/479979395707280/about> (accessed 15.01.2023)

Banmuang 2024 — Banmuang Amulet (บ้านเมืองพระเครื่อง), Ajarn Wanchai (อาจารย์ วันชัย). เขียนแป๊ะไคว้ หัวตะเข้ เขียนองค์ขลัง & ศักดิ์สิทธิ์สมัย ร. ๕ [Sian Pae Ko, Hua Takhe, the magic immortal and sacred figure from the time of King Rama V]. 22 June 2024. URL: <https://www.banmuang.co.th/column/other/7761> (accessed 15.01.2023)

Khaosod 2020 — Khaosod Online ทำบุญฉลองครบรอบ 26 ปี “พ่อปู่ยกกอง” เทพเจ้าแห่งโชคกลาง [Making merit to celebrate the 26th anniversary of “Father Pu Yi Ko Hong”, the God of Fortune]. URL: https://www.khaosod.co.th/newspaper-column/amulets/news_3412323 (accessed 18.09.2023)

Preecha Rueangdej (YouTube) — Preecha Rueangdej (ปรีชา เรืองเดช) อาจารย์ยอด: ศาลพ่อปู่เขียนหอย (ยกกอง) [นารู้]. Shrine of Grandfather Lottery Sian (Yi Ko Hong) [Worth Knowing]. 19 April 2019; 16 December 2021. URL: https://www.youtube.com/watch?v=D_hTxbmDaGg (accessed 18.09.2023).

MGR Online 2022 — ผู้จัดการออนไลน์. คอหวยต้องไม่พลาด “ศาลพ่อปู่เจ้ายกกอง” ศาลลับที่ขอพรโชคกลางเขาวราช. 23 February 2022. URL: https://mgronline.com/travel/detail/9650000018461#google_vignette (accessed 18.09.2023)

Siamrath 2019 — สยามรัฐ. สุดปัง! ขอพร “เซียนแปะโรงสี” ผู้เรืองเวทย์
แะทานของอร่อยที่วัดศาลเจ้าเมืองปทุมธานี [Awesome! Pray for a blessing
from “Sian Pae Rongsi”, the magician, and stop by to enjoy delicious
food at the temple in Pathum Thani]. 23 June 2019. URL: <https://siam-rath.co.th/n/86334> (accessed 14.01.2023).

ShopeeBlog 2023 — เปิดตำนาน! ประวัติเซียนแปะโรงสี ค้าขายดี ร่ำรวย
เพิ่มดวงให้ปัง! 12 October 2023. URL: <https://shopee.co.th/blog/zian-pae-rong-si/> (accessed 30.10.2023).

Anecdotes from the Early History of the Chakri Dynasty — An Annotated Edition of an Anonymous Historical Account from the Archival Estate of Henry Burney

Jan R. Dressler

*Numata Center for Buddhist Studies
(University of Hamburg)
jan.dressler@uni-hamburg.de*

1. INTRODUCTION

Between the establishment of the Chakri Dynasty in 1782 and the close of the Second Reign in 1824, Siam attained the height of its development as a traditional Southeast Asian polity. It is therefore regrettable that historians of the late eighteenth and early nineteenth centuries must rely for their research on a comparatively meagre body of primary sources. Few official documents of the period have survived, and equally rare are the testimonies of non-aristocratic observers who bore witness to the economic, social, and political conditions prevalent within the kingdom in the pre-colonial era. Relevant literary works of individual authors include the eulogies of Phraya Trang, Phraya Chaiwichit, and Prince Chetsadabodin, the diary of Princess Narinthrathewi, and the brief Pali chronicle of the Chakri dynasty composed by King Mongkut [จอมเกล้าเจ้าอยู่หัว 1958; จุลจอมเกล้าเจ้าอยู่หัว 2009; พระยาตรัง 1969; พระยาไชยวิชิต 1975; นุชนารถ 2003]. None of these writings, however, rival the comprehensiveness

of the chronicles of the first four reigns, compiled by Chaophraya Thiphakorawong in the early years of the Fifth Reign [ทิพากรวงศ์ 2012]. These chronicles, subjected to varying degrees of editorial intervention prior to publication, became, in the absence of alternatives, the quasi-official historiographical record of the early Rattanakosin period. Deemed unflattering by the late nineteenth- and early twentieth-century elite, the original text of the chronicle of the Second Reign was heavily revised and augmented by Prince Damrong, who thus produced a second, more palatable version of history (1916) [ตำราชนานภาพ 2003; Somjai 1983: 153–157; Winai 1983: 431–433]. The recovery of a brief historical narrative, preserved among the personal papers of Henry Burney, who between 1825 and 1826 served as the East India Company's envoy to Siam, constitutes a welcome supplement to the scant documentary record; apparently preserved in English translation from an indigenous, unofficial contemporary account, it affords a rare glimpse into the political and economic life of Siam in the early nineteenth century.

2. HENRY BURNEY — COMPANY SERVANT AND ORIENTALIST SCHOLAR

Henry Burney was born in Calcutta on 27 February 1792 as the second son of a schoolteacher, into a cultivated family of writers, musicians, and scholars. After military training in England, Burney returned to India in 1808 to join the army of the East India Company (EIC). During the Napoleonic Wars he participated in the invasion of Java (1811) and subsequently served in Penang (1811–1814). Following a short stay in India, he set out once more for Southeast Asia in 1816 and, in 1818, was appointed military secretary to Penang's governor, Colonel John A. Bannerman, whose niece he married in the same year. In 1825, having been commissioned as political agent to the native states

bordering the Company's settlement of Penang, Burney undertook several diplomatic missions to Kedah and Nakhon Si Thammarat. In acknowledgment of his familiarity with local customs and his proven linguistic capabilities — Burney had by then begun to learn Malay and Siamese — he was designated the Company's envoy to the royal court of Bangkok in 1825.

By the time Burney was entrusted with his diplomatic mission to Siam, a number of grievances had accumulated on the side of the Company. To guarantee a steady supply of food to Penang and Province Wellesley, the Government of India considered it a matter of vital importance to effect the reinstatement of the Sultan of Kedah, a compliant neighbour dethroned in 1821 by Siamese intervention. In order to safeguard British traders' access to markets on the Malay Peninsula, Burney was furthermore instructed to secure Siamese guarantees of independence for the princely states of Perak, Selangor, Kelantan, and Terengganu. Regarding the commercial interests of the trading community, the Company also demanded a simplification and liberalization of the Siamese trade regime. In its ongoing struggle with the Burmese empire during the First Anglo-Burmese War (1824–1826), the colonial administration furthermore sought to secure, if not military support, at least Siamese neutrality.

On arrival in Bangkok on 5 December 1825, the British delegation was received with due honours and hospitality. Yet, as some of the demands seriously impinged upon the interests of powerful factions at court, and the outcome of the Anglo-Burmese War remained undecided, the Siamese government, for the time being, chose to stall negotiations. The deadlock was broken only in May 1826, after the harsh conditions imposed on the Burmese kingdom by the Treaty of Yandabo of February 1826 became known in Bangkok. On 20 June 1826 Captain Henry Burney and the Siamese negotiators put their signatures and seals to a treaty of friendship and a complementary trade agreement, the first treaty

to be successfully concluded between the Siamese government and a Western power since the fall of Ayutthaya in 1767.

Throughout the months of waiting imposed upon him, Burney did not permit his time to pass in idleness; he resumed his study of the Siamese language and collected, with the assistance of local informants, knowledge concerning his host country, its government, culture, and history. Having been abandoned by his own government and left without pay for several years, Carlos Manuel de Silveira, the first Portuguese consul to receive accreditation from the court of Siam (since 1820), had fallen into considerable debt to the Siamese government, an embarrassing predicament from which Burney's intervention helped to relieve him, making it likely that the few documents in the Portuguese language preserved in Burney's archival estate originated with the consul. When the Company's mission left Bangkok on 18 July 1826, Burney carried with him a substantial collection of official documents and personal notes on Siam and its people.

As a result of the Treaty of Yandabo, the previously occupied territory of Tenasserim became a province under the government of the EIC. In 1827 Burney was thus sent from Penang to Tenasserim as its deputy commissioner and immediately began to study the Burmese language. The suppression of a rebellion in Tavoy in 1829 afforded him the opportunity to demonstrate to his superiors both his courage and capacity. Soon afterwards, in December 1829, Burney's linguistic skills, diplomatic experience, and military valour were acknowledged with the nomination as the first British resident at the royal court of Ava, a position he held until March 1838, when he resumed his military career. Granted leave from his duties on medical grounds in 1845, Burney, at the age of fifty-three, died later that year during his passage to England.

Throughout the final years of his service in Asia, Burney contributed a number of articles, devoted chiefly to Burmese history and material culture, to the journals of learned societies.

Although he gathered equally valuable material on Siam, and in 1841 obtained official permission to publish an account of his mission to the kingdom, his projected work — for reasons that remain unknown — never came to fruition [Hall 1974; Blackmore 1985: xi–xiv].

3. THE BURNEY PAPERS

In the early years of the twentieth century, the board of the Vajirañāṇa Library, predecessor of the National Library of Thailand (NLT), endeavoured to acquire copies of relevant archival material from overseas, with a view to compensating for the scarcity of sources of indigenous origin available to researchers of the history and culture of pre-modern Siam. Between 1910 and 1914 the library printed a large number of records concerning the mission of Henry Burney to Siam from the official archives of the East India Company, obtained via the India Office in London [The Burney Papers 1910–1914]. These consisted of minutes of policy deliberations, official correspondence between Burney and government authorities in Bengal, translations of Siamese and Malay letters, and related materials. To this day the so-called “Burney Papers” serve as a repository of information indispensable to any research into the mission of 1825–1826, as well as into the history of the Second and early Third Reigns of the Chakri Dynasty more broadly.

A considerable number of documents acquired by Burney in the course of his mission to Siam, however, had remained in the possession of the former envoy. These included the Siamese-language originals of ministerial correspondence, translations of historical accounts of Siam by French and Dutch writers, notes on the kingdom’s economy (agriculture and manufacture), meteorological observations, historiographical excerpts, and other items. In 1921 this private collection was donated by a descendant of

the family to the Royal Colonial Institute. On behalf of George Coëdès, copies of some of the documents from the Burney estate were produced for the National Library in 1925–1926 [Blackmore 1985: 101]. A select few items from among these copies were published in a bilingual edition as part of a cremation volume in 1933 [จดหมายเหตุ คัดมาจากกรอเยอลกอโลเนียลอินสตีติว กรุงลอนดอน 1933]. The edited text of the historical account appended to the present chapter — referred to hereafter, for the sake of convenience, as the Anecdotes — is based on one of the yet unpublished handwritten copies.

In 1958 the original archival estate of Henry Burney was inspected by David K. Wyatt, who remarked with regard to these Anecdotes: “Notes on the history of Siam from 1767 to 1825 [...] in a handwriting which is not Burney’s. This would appear to be a translation from Siamese, though I know of no work on which it could have been based. An important document.” [Blackmore 1985: 112]. By 1993 the entire documentary collection had become part of the holdings of Cambridge University Library [Blackmore 1985: 101].

4. CONTENT AND VALUE OF THE SOURCE

The text of the Anecdotes, written entirely in English, consists of approximately 2,400 words. The historical narrative proper makes up only a third of the whole, while the remainder consists of lists of titles of leading aristocrats and officials of the Second and Third Reigns, information on the amount and sources of their income, as well as occasional descriptions of their official duties.

The historical sections cover the entire Second Reign, from 1809 to the early years of the Third Reign, with the cremation of Rama II on 5 May 1825 the last event explicitly mentioned. Since the East India’s Company’s delegation arrived in Siam only a few

months later, in December 1825, it is impossible to rule out entirely that this account was expressly composed in order to provide the English envoy with a historical background to the political scene he was about to encounter.

For roughly half of the events mentioned by date, only the year is given. This applies to the destruction of Ayutthaya by the Burmese (1767), the establishment of the Taksin regime (1769), the founding of the Chakri dynasty (1782), and the death of Prince Krom Luang Phithak Montri (1822). More precise are the references to the accession of Rama II (11 September 1809), the death of Rama II (22 July 1824), the transfer of power to Prince Chetsadabodin (27 July 1824), the anointment of Rama III (4 August 1824), and the cremation of Rama II (5 May 1825).

Beyond this chronological outline, the unknown author incorporated observations on political and economic developments, at times passing judgment on the conduct of government affairs in a style reminiscent of traditional Siamese chronicles.

The first paragraph already contains the remarkable information that, a few days before the death of Rama I, Prince Itsarasunthon, the king's eldest son, and Prince Kasattranuchit, a son of King Taksin and grandson of Rama I, swore an oath before the monarch not to harm one another after his passing. Based on the suspicion of a planned coup and notwithstanding his promise, Prince Itsarasunthon ordered the arrest and execution of Prince Kasattranuchit together with 117 officials only thirty-six hours after Rama I's death.

Once firmly established on the Siamese throne, King Rama II is said to have granted, at ordinary times, two audiences daily, one in the morning at 9 or 10 a. m. and a second in the evening around 7 p. m. The account records that even officials of modest standing, such as those holding the rank of khun, were summoned to these audiences to be questioned about the discharge of their duties, while in general little business was committed to writing.

In matters of defence, the Anecdotes emphasise that the victories of the Siamese over the Burmese and other vassal rulers were owed in large measure to the exertions of the wang na, Maha Sen-anurak.

Among historians of premodern Siam, the Second Reign is known for one significant institutional innovation; the subordination of all major ministerial portfolios to the supervision of members of the royal family. The historical account preserved in the Burney Papers explicitly characterizes this as an attempt by the king to curb the influence of an emerging bureaucratic elite.

The text also alludes to three rebellions that formed against the royal government during the Second Reign but provides details only on one, which arose among the monkhood and was successfully suppressed.

The author paints an unflattering picture of King Rama II's style of government, who is said to have devoted much of his time to the royal harem and to religious pursuits, while seeking diversion in reading poetry or strolling through his pleasure gardens. The king's handling of public finances is described as wasteful, a tendency exacerbated by the government's alleged failure to increase revenue either through economic growth and taxation or through the profits of trade. In this context the author further criticizes the government's heavy-handed expansion of royal monopolies and their increasingly rigorous enforcement, which eventually led to the disappearance of the monopolized goods from the market.

As the Second Reign drew to a close in early 1824, the Anecdotes describe a tense atmosphere in the capital, where, in anticipation of an armed clash over the succession, people began to stockpile food, causing the price of rice to rise by several hundred percent. Less than a week after the death of Rama II on 22 July 1824, the royal court reconvened for the first time. In the course of this gathering, it is reported that Prince Sakdiphonlasep,

a senior member of the royal family, symbolically transferred royal authority to Prince Chetsadabodin, the eldest son of Rama II by a minor wife, thereby sidelining the son of the queen, Chao Fa Yai (Prince Mongkut, later King Rama IV). By throwing his weight behind Prince Chetsadabodin and foiling the pretensions of competing factions, Prince Sakdiphonlasep is said to have at once ended the uncertainty surrounding the issue of succession. The designated King used the opportunity of this first audience to announce to the assembled court his intention to implement far-reaching reforms of government, including a reduction of palace expenditure and the liberalization of trade. After his anointment on 4 August 1824, Rama III rewarded Prince Sakdiphonlasep with the office of *wang na*, or Second King, in recognition of his support.

Although the *Anecdotes* are explicitly described as a ‘translation,’ the nature of their original source or sources cannot be determined with certainty. A marginal note to the text, however, clarifies that the original translator had employed the present tense throughout the entire account, even though the reign of Rama II had already become part of the past by 1824. This strongly suggests that Siamese was the language of the base text, since in Siamese the indication of tense must be inferred either from adverbial modifiers or from the context. Disregard for the internal temporal structure of Siamese language texts, and the consistent use of the present tense, is moreover a characteristic of early nineteenth-century Portuguese translations of Siamese documents [cf. Mendonça e Cunha 1971: 147–148]. It therefore seems plausible to assume Portuguese as the likely intermediary between a Siamese-language account derived at least in part from the testimony of a local informer and the preserved English translation.

Through the corroboration of fragmentary evidence and the substantiation of disputed interpretations of events recorded elsewhere, the *Anecdotes* provide valuable insight into the early

history of the Chakri dynasty. This includes in particular the reference to the succession crisis at the end of the First Reign, which led to the purge of many surviving descendants of King Taksin. It ought to be recalled that the standard narrative involves the story of a crow that supposedly dropped, at a convenient place, a document detailing an alleged plot by Prince Kasattranuchit to seize power [ทิพากรวงศ์ 2012: I 393–395]. The account of an oath sworn by Princes Itsarasunthon and Kasattranuchit, pledging not to harm one another a few days prior to the death of King Rama I, would sound implausible were it not for the existence of an undated religious opinion of the Royal Synod, composed in reply to Rama I's inquiry regarding the precedence of such oath-taking for the preservation of unity and peace [NLT CMH R1 n. d. 11].

With respect to the succession of Rama III to the Siamese throne, the text emphasises that it was the intervention of Prince Sakdiphonlasep in favour of his royal nephew, Prince Chetsadabodin, that put an immediate end to the uncertainty prevalent throughout the court and country, a service soon afterwards rewarded with the office of *wang na*. In this respect the Anecdotes support an interpretation of the chain of events — a *quid pro quo* scenario — already hinted at in the English translation of King Chulalongkorn's essay on the history of the Siamese vice-royalty published in 1874 [Anonymous [Chulalongkorn] 1874: 496].

With respect to the succession of Rama III to the Siamese throne, the text emphasises that the intervention of Prince Sakdiphonlasep in favour of his royal nephew, Prince Chetsadabodin, brought an immediate end to the uncertainty prevailing at court and in the capital, a service soon afterwards rewarded with the office of *wang na*. In this respect, the Anecdotes support an interpretation of these events as a *quid pro quo* — an understanding already intimated in the English translation of King Chulalongkorn's essay on the history of the Siamese vice-royalty, published in 1874 [Anonymous [Chulalongkorn] 1874: 496].

In his quasi-official chronicle, written decades after these events, Chaophraya Thiphakorawong did not shy away from recording unflattering realities, such as the growth of a black-market economy, the increasing inability of the royal court to pay the customary annual bonuses to officials, or the pursuit of costly vanity projects. Responsibility for these failures on the part of leading figures in government, however, was merely implied by the statement of facts [ทิพากรวงศ์ 2012: I 520–521, 638; II 995]. The Anecdotes, by contrast, as a contemporary composition of presumably indigenous origin, are remarkable for the bluntness of their critique of the royal administration during the Second Reign, including both the mismanagement of the economy and the squandering of national resources, and valuable as independent testimony recorded outside the purview of court historiography.

The year 2026 will mark the bicentenary of the re-establishment of treaty relations between the Kingdom of Siam and Europe. It is our hope that, by making this valuable source, produced in the context of the Burney Mission of 1825–1826, accessible, we may help advance a more profound understanding of Siam's political and cultural history in the early modern period.

APPENDIX

Editorial Note: This edition has been established on the basis of a bound volume of photocopies of handwritten copies preserved at the National Library of Thailand (call number 327.420593 B965 v. 3). The text has been reconstructed in accordance with the editorial principles recommended by the British Records Association [Hunnisett 1977]. Abbreviations have been expanded, orthography retained as in the handwritten copy, and capitalisation and punctuation adjusted to modern usage.

In the historical account, denominations of Siamese coinage are generally given in their Siamese form, though foreign terms occur on occasion. The *chang* (*catty* or *catti*) was divided into twenty *tamlueng* (*tael*); each *tamlueng* comprised four *baht* (*tical*); each *baht* was subdivided into four *salueng*; each *salueng*, also rendered in Western sources as *mas* or *mayon*, was worth two *fueng*; and one *fueng* corresponded to eight hundred *bia*. The terms in parentheses indicate common Western equivalents [*cf.* Dubost 1805: 301; Leuchs 1834: 187].

TRANSLATION

The city of Ayyuthia was last destroyed by the Burmese in 1767, and Phia Thak, who was a Chinese, commenced his reign in 1769; the first king of the present dynasty who was before Chau Phia Chacri, in 1782; and the second king on the 11th September 1809, who began his domination with the murder of Prince Chau Fa¹, thirty six hours after the death of his father, his nephew in the first degree; and of 117 mandarins, among whom were many who had served in the wars against the Burmese with the greatest zeal and valour, merely on a suspicion, supposed to have been without any foundation, that the said prince entertained the design of asserting his legitimacy with the aid of those mandarins; this occurred notwithstanding the solemn oath taken by both in the presence of the king, their father and grandfather, a few days previous to his death, to live in harmony and fraternal affection.

The result of the military operations undertaken by His Majesty against the Burmese was always favorable, since he lost no portion of his territories, and preserved in safety and obedience all the rajahs subject to his authority, but he was indebted to

¹ Chaofa Men (1779–1809), later appointed Krom Khun Kasattra-nuchit; son of King Taksin and Princess Chim Yai, daughter of Rama I.

the valor and enterprize of his brother² who was Second King³ or Nangna⁴, and died four years ago⁵, his loss is felt to this day.

His Majesty was still more fortunate in rendering ineffectual, during the thirteen years of his reign, the three revolutions which were formed against his person, the last of which was among the talapoïs, of whom upwards of 300 were seized, but nothing was known as to what took place subsequently.

The character of His Majesty was⁶ extremely ambitious, in as much as he wished to exercise an unlimited power and sovereignty over his subjects, and as he was fond of expending prodigious sums for his amusements, he exerted all his vigilance and activity in augmenting the revenues of the kingdom. As he had no conception however of the proper measures to be pursued for the attainment of that object, he was exceedingly rigorous against his subjects, who were not quite contented with his administration. What was more to be lamented, as it caused the general ruin of the kingdom, was the monopoly of a great number of articles, as if to secure to himself nearly the whole commerce of the country, so that the monopolized articles were greatly diminishing annually, owing to the injustice of the mandarins employed in the collection of them.

² Maha Senanurak (1773–1817), younger full brother of Rama II; son of Rama I and Queen Amarindra.

³ Translation of the expression *segundo rei*, employed by the local Portuguese community in reference to the *maha uparat*, the traditional designation of Siamese crown princes or viceroys.

⁴ The official residence of the viceroys, known as the *Wang Na* (lit. 'Front Palace').

⁵ Maha Senanurak died on 16 July 1817.

⁶ A marginal annotation in the handwritten copy preserved at the National Library of Thailand notes that, in the account of events concerning the reign of King Rama II, the narrative tense was changed from present to past.

His Majesty gave audience twice a day, once at 9 or 10 in the morning, again at 7 in the evening, the object of which was to interrogate each mandarin on the subject of the charge entrusted to him, and to receive representations which were seldom in writing. At the audience were admitted only the princes and mandarins of all grades, even those having the title of *cun*⁷. The rest of the day he amused himself in the interior of his palace with 7 or 800 women, passing some hours in devotion, and some in reading poems and romances, and walks in his garden. He died on the 22nd of July 1824 in the 62^d year of his age, and the 14th of his reign, and his remains were burnt on the 5th of May 1825.

THE FOLLOWING IS A STATEMENT OF THE PRINCIPAL PERSONAGES OF THE KINGDOM AT THAT TIME:

The Prince Krommaluong Sa Phiphat Montri⁸ which signifies governing as superior to all the princes, and mandarins, entrusted with the superintendence of the correspondence with foreign countries, and the great seal called *catcherri*⁹ which has the figure of a lion with flowers around. He is the first counsellor of the state, and takes cognizance of all matters concerning the princes, has a salary of 30 *cattes*, and the the renter of *samsee*¹⁰ in Bangkok is obliged to pay him 10 *cattes*, he is a prince of considerable talent, and much esteemed by the king.

The second prince is Krommakun Juara Norok¹¹ who is also a counsellor of the state charged with the inspection of all the

⁷ The title *khun* was customarily conferred upon officials of lower rank within the Siamese bureaucratic hierarchy.

⁸ Chaofa Krom Luang Phithak Montri (1770–1822).

⁹ Likely a reference to *kotchasi*, a mythical creature resembling a sphinx, usually depicted with the body of a lion and the head of an elephant.

¹⁰ A rice- or sorghum-based distilled liquor, commonly known as *samshu*.

¹¹ Chaofa Krom Khun Itsaranurak (1773–1830).

provinces in the interior, and of the kingdoms of Laus and Com-bodja, he decides in the last instance the causes of the mandarins, and reviews all the sentences before they are sent up for the confirmation of the king, he is the overseer of all the artists in the service of the king, and has a salary of 20 *cattes*; the renter of *samsee* contributes also 20 *cattes*, and he gains in perquisites and presents 200 *cattes* more.

The third prince is Komassak Pholas Sepe¹², brother of the king but by another mother, he is the commander in chief of the army and superintendent of all the Western provinces, and the Malayan kingdoms, has an annual salary of 20 *cattes*, and receives from the renter of *samsee* 10 *cattes*, and his perquisites and presents amount to 200 *cattes* more.

The fourth prince is Kromamunchet Sada Bodin¹³ the eldest son of the king, entrusted with the foreign and national commerce and superintendent of the provinces of Bauplar Soi, Chantibun, and Tinyai etc., but as His Majesty reposes great confidence in this prince, he has nominated him to several offices that do not belong to him; he has therefore considerable power and influence so that he keeps the other princes in awe of him, but he is esteemed by the greater part of the nation for the affable and temperate manner in which he conducts himself in all matters.

The prince Krommamun Rak Vonarete¹⁴, steward of the king's household, and president of the supreme council in causes relating to the palace and of the inspection of rites. Salary 15 *cattes*.

The prince Krommassorim Surintarak¹⁵ is president of the supreme council for the trial of criminals, and therefore all the

¹² Krom Muen Sakdiphonlasep (1785–1832).

¹³ Krom Muen Chetsadabodin (1788–1851).

¹⁴ Krom Muen Rakronnaret (1791–1848).

¹⁵ Krom Muen Surintharak (1791–1830).

whippers or *tamrots*¹⁶ in number 1000 are under his authority. Salary 15 *cattes*, and from *ramlou*¹⁷ 10 *cattes*.

There are many other princes charged with the presidentship of several departments, so that the present king, with a view to give employment to his numerous sons and relations, and to fix himself more securely the throne, has placed all the administrations under the authority of the princes.

PRINCIPAL MINISTERS OF SIAM

Chau Phia Aphay Phuthon¹⁸, or the Chacri, the first minister of the kingdom and associated with Krommakun in the superintendence of the interior provinces, the kingdoms of Laus and Cambodja, and regent of the kingdom on any extraordinary emergency, has a salary of 30 *cattes*.

Chau Phia Calleham Massena¹⁹ another minister of kingdom, who is associated with the Chacri in the regency of the kingdom when any emergency arises, and next to Krommassak in the command of the army and of the provinces aforesaid, has a salary of 25 *cattes*.

Chau Phia Praklang²⁰ is the third minister of the kingdom next to Prince Krommamuncheit in the superintendence of foreign commerce and affairs, and in whose name are answered the letters from the governors of other countries to the King of Siam, has a salary of 20 *cattes*.

¹⁶ *Tamruat*, militia-style forces of law enforcement; precursors of modern police.

¹⁷ *Rong lao*, an establishment serving alcoholic beverages, roughly equivalent to a tavern.

¹⁸ Chaophraya Aphaiphuthon (Noi), *samuha nayok* (chief minister) of *Krom Mahatthai*, 1813–1827.

¹⁹ Chaophraya Mahasena.

²⁰ Chaophraya Phrakhleng, minister of *Krom Khlang* (Treasury).

Chau Phia Pulatepa²¹ charged with the cultivation of rice, and collector of the tributes on land; and it is he who performs the ceremony of holding the plough once a year in place of the person of the king, in imitation of the Emperor of China, 20 *cattes*.

Chau Phia Tarama²² steward of the king's household next to the Prince Krommamum and his colleague Phia Passodit²³, 20 *cattes*.

Chau Phia Jamaret²⁴, judge executor of the council of justice for the trial of thieves and highwaymen, next to Krommassorin, 20 *cattes*.

There is a council composed of four ministers called *sichatadam*²⁵, Chau Phia Praklang, Chau Phia Jamarat, Chau Phia Pholatepa, Chau Phia Turoma, accompanied by 15 other mandarins of the same grade, and this council takes cognizance of all matters relating to the offices entrusted to the four ministers above mentioned when each of them individually is unable to decide the question at issue.

The minister judge of causes concerning the talapoïs is Lueng Sancoiri²⁶.

Phia Siphiphat²⁷, second to Barklang has the management of what relates to sapan wood, and many other trusts, and enjoys a salary of 5 *cattes*.

²¹ Chaophraya Phonlathep, minister of *Krom Na* (Agriculture).

²² Chaophraya Thamma, minister of *Krom Wang* (Palace).

²³ Phraya Prasoei [?].

²⁴ Chaophraya Yommarat, minister of *Krom Mueang* (Metropolitan Affairs).

²⁵ *Si chatusadom*, lit. 'four pillars,' refers to the four principal ministries of the traditional Siamese administration: *Khlang* (Treasury), *Na* (Agriculture), *Wang* (Palace), and *Mueang* (Metropolitan Affairs).

²⁶ Luang Sangkhakari.

²⁷ Phraya Si Phiphat, in this context, refers to Tat Bunnag (1791–1857), who was later elevated to the highest noble rank as Somdet Chaophraya Borom Maha Phichaiyat.

Phia Phipat²⁸ the third Praklang has an annual salary of 3 *cattes*.

The treasurer is Phia Rapakdi²⁹, and his second, Phra Chuyat, collector of customs from *lamsu*, rivers, gaming houses, and trees. Salary 5 *cattes*.

Phia Chiduk³⁰ is the Praklaa of the Chinese, but subject to Chau Phia Praklang, and has a salary of 2 *cattes*.

Luong Thou Su³¹ is the Captain of the Port for the Chinese, 2 *cattes*.

Phia Sucina³² the second of Kolohon, salary 3 *cattes*.

[HISTORY OF THE THIRD REIGN]

The present king who was before the Prince Kromamunchi-et is the eldest son of the deceased monarch, but his mother³³ was not of noble extraction and never enjoyed the title of queen, hence might have arisen those circumstances in favor of Chau Fa³⁴ — he had greater right to the throne, but had no influence. He (meaning the present king) was crowned on the 4th of August 1824, without any disturbance, but he had already received the sword of the kingdom from the hands of Krommassak, in the presence of a numerous assembly of princes on the 27th of July, when he received also the first attendance of the court, bathed with the customary ceremonies, and seated himself on the throne, and being considered as king, nominated the Prince Krommassak, Vangna, or Second King, with unlimited power as a recompense for having

²⁸ Phraya Phiphatkosa.

²⁹ Phraya Ratchaphakdi.

³⁰ Phraya Chotuek Ratchesetthi.

³¹ Luang Thongsue.

³² Phraya Surasena [?].

³³ Royal Consort Si Sulalai (Riam), 1770–1837.

³⁴ Chaofa Mongkut (1804–1868).

made him king. It is thus supposed, as there is no doubt that Krommassak prevented the civil war which was considered inevitable, since every one by laying in a stock of rice for months caused the price to rise to 5 *mases* per bag, whilst it formerly stood at 1 *mas* and one *fua*. In this first audience His Majesty signified his intention to effect a reform in the expenditure of his palace, in the commercial branch, and in other departments of the kingdom.

His Majesty rewarded many of his favorites with various appointments, raising them to higher situations, and removed some to make room for others more in his confidence.

PRINCES AND PRINCIPAL MANDARINS OF THE PRESENT REIGN

The King Vang Na, or Second King, is the chief guard of the person of the Great King, governs the whole kingdom and receives information regarding all the departments for report to the Great King. He is almost as much respected as the king himself, meets with the same reception, and never prostrates himself in the presence of the king, but reclines on a pillow. The number of officers who attend him, and who are employed in all the departments, jointly with the officers of the Great King, is equal to that of the king's; there is this difference however, that he cannot make princes or *chau phias*, his income is immense for the maintenance of his dignity, and the grant of salaries to the officers nominated by him, he has 800 *tamrots* under his orders. From the king's treasury he receives annually 10 *puas* or 4011000 *ticals*, from *romlau* monthly 12 *cattes*, from bayars 6 *cattes* monthly, from gaming places 3 *cattes* and 10 *tae* is per mensem, from duty on sugar 20 *cattes* annually, and of all the other duties and tributes of the kingdom he receives the third part.

After the death of Krommalong³⁵ in 1822 no other was nominated in his room.

Krommakun³⁶ continued to exercise his own functions as well as those of Krommalueng until the demise of the old king, and immediately on the commencement of the present reign, he withdrew from all employment, and lives without engaging in any occupation, appearing only in the audience of the king when sent for, he receives the same salary, without the perquisites, which however he does not need, being exceedingly rich.

Krommassosim³⁷ has the same character, command, and ensigns of dignity as the Prince Krommamunchit had, with this addition, that he has charge also of the departments which formerly appertained to Krommakoen, and entertains the hope that he will soon become Krommalueng, his salary is 30 *cattes*, and the *ronlau* contributes 10 *cattes* more, his perquisites are prodigious and equal to those which were received by Krommamunchit.

Krommamunrak³⁸ continues in the same office of steward of the palace with all the duties on which Krommassak was employed. He has a salary of 30 *cattes* and the same perquisites as Krommassak.

Krommasunthon³⁹ president of the supreme council of justice who passes the final decision on all matters, and is called *luk khun*⁴⁰, has a salary of 25 *cattes*, and many perquisites which he derives from the causes on which he decides.

³⁵ Chaofa Krom Luang Phithak Montri (1770–1822).

³⁶ Chaofa Krom Khun Itsaranurak (1773–1830).

³⁷ Krom Muen Surintharak (1791–1830).

³⁸ Krom Muen Rakronnaret (1791–1848).

³⁹ Krom Muen Sunthonthibodi (1791–1831).

⁴⁰ *Luk khun*, designation of the judges of the highest court in the traditional Siamese judicial system.

Krommaphipet Phuken⁴¹ is president of the criminal justice in the room of Krommassosin, and Jamerat is next to him with the command of the *tamrotts*.

The first minister, Chacri, continues in the same situation with the lofty title of Samdit Chau Phia⁴², and enjoys therefore princely honors, his salary is 20 *cattes*, with immense perquisites accruing from the interior provinces, the kingdoms of Laus and Cambodja, of which he is the superintendent as Krommakun was formerly.

Kalohom, the second minister, in the same situation with a salary of 20 *cattes*.

The Praklang in the same situation with a salary of 15 *cattes*, but his superintendence over commercial affairs is rendering him exceedingly wealthy, independently of which he enjoys the favors of the king.

Pelatep continues in the same situation, salary 15 *cattes*.

Jamerat, the same, and salary 15 *cattes*.

Tarama, ditto, ditto.

Phia Sipiphat⁴³ is the Brother of Praklang⁴⁴ who was Phia Surivow Nai, with some other appointments, is a favorite, and has a salary of 10 *cattes*.

Phia Phipat has 3 *cattes*.

Phia Rapakay⁴⁵, 5 ditto.

The same order of mandarins continues as before with salaries of 2 *cattes*, even with respect to *phas*, they do not exceed 30 *tac-es* or 120 *ticals* per annum.

⁴¹ Krom Kun Phiphit Phuben (1794–1856).

⁴² Chaophraya Aphaiphuthon (Noi); *cf.* Footnote 18.

⁴³ Phraya Si Phiphat, Tat Bunnag (1791–1857).

⁴⁴ Chaophraya Phrakhleng, here referring to Dit Bunnag (1788–1855), subsequently honoured with the title Somdet Chaophraya Borom Maha Prayurawong.

⁴⁵ Phraya Ratchaphakdi [?].

The rank of the mandarins of Vangna is regulated on the same principle as that of the mandarins belonging to the king, with far inferior allowances; but when the prime minister of the king meets the premier of Vang Na, the latter yields precedence to the former, in the same manner all the rest even with corresponding titles of the same grade.

The Queen Mother⁴⁶ of Chau Fa has a pension allowed her by the king of 30 *cattes*, Chau Fa Yay⁴⁷ 10 *cattes*, and Chow Fa Nay⁴⁸ the same.

All the talapoes of the pagodas of the king, who are exceedingly numerous, have a monthly pension of 1 *mayao*.

REFERENCES

Anonymous [Chulalongkorn] 1874 — Anonymous [Chulalongkorn]. Siamese Royalty // The Siam Repository. 1874. Vol VI. Part IV. Pp. 495–99.

Blackmore 1985 — Th. Blackmore. Catalogue of the Burney Parabaiks in the India Office Library. London: British Library, 1985.

Dubost 1805 — Ch. Dubost. The Elements of Commerce: Or, a Treatise on Different Calculations, Operations of Exchange, Arbitrations of Exchange, Speculations in Exchange and Banking Operations [...]. Vol. II. London: Knight & Compton, 1805.

Hall 1974 — D. G. E. Hall. Henry Burney: A Political Biography. London: Oxford University Press, 1974.

Hunnisett 1977 — R. F. Hunnisett. Editing Records for Publication. London: British Records Association, 1977.

⁴⁶ Queen Suriyenthramat (Chaofa Bunrot), 1767–1836.

⁴⁷ Chaofa Mongkut (1804–1868), in his early years styled *Chaofa Yai* ('the Elder Chaofa').

⁴⁸ Chaofa Itsaret Rangsan (1808–1866), younger brother of Chaofa Mongkut and known as *Chaofa Noi* ('Younger Chaofa'), ascended the Siamese throne as Second King Phra Pinklao following the death of King Rama III in 1851.

Leuchs 1834 — J. M. Leuchs. *Der Contorwißenschaft dritter Theil. Neueste Geld-, Münz-, Mas- und Gewichtskunde für Kaufleute, Geschäftsmänner und Zeitungsleser.* Nürnberg: Verlag von C. Leuchs und Comp, 1834.

Mendonça e Cunha 1971 — Hélder de Mendonça e Cunha. The 1820 Land Concession to the Portugese // *Journal of the Siam Society.* 1971. Vol LIX. Part II. Pp. 145–150.

Somjai 1983 — Somjai Phiroththirach. *The Historical Writings of Chao Phraya Thiphakorawong.* Dissertation. DeKalb: Northern Illinois University, 1983.

The Burney Papers 1910–1914 — The Burney Papers. Vol. I–V. Bangkok: Vajiranāṇa National Library, 1910–1914.

Winai 1983 — Winai Pongsripian. *Traditional Thai Historiography and Its Nineteenth Century Decline.* Dissertation. Bristol: University of Bristol, 1983.

NLT CMH R1 n. d. 11 — ห้องสมุดแห่งชาติ. จดหมายเหตุ ร. ๑. ไม่ปรากฏศักราช. ๑๑. สำเนาคำปรึกษาเรื่องสมเด็จพระสังฆราชและพระราชอาณัติถวายความเห็นว่าควรจะถวายสัจจาบรรณในการที่ทรงพระกรุณาโปรดเกล้าฯ พระเจ้าลูกยาเธอเจ้าฟ้ากรมหลวงอิศรสุนทรเป็นกรมพระราชวังบวรฯ.

จดหมายเหตุ คัดมาจากรอเยลลกอโลเนียลอินสติตู กรุงลอนดอน 1933 — จดหมายเหตุ คัดมาจากรอเยลลกอโลเนียลอินสติตู กรุงลอนดอน. กรุงเทพฯ: โรงพิมพ์โสภณพิพรรฒธนากร, 1933 [2476].

จอมเกล้าเจ้าอยู่หัว 1958 — พระบาทสมเด็จพระจอมเกล้าเจ้าอยู่หัว. พระราชนิพนธ์ภาษาบาลีในพระบาทสมเด็จพระจอมเกล้าเจ้าอยู่หัว ว่าด้วยพระราชพงสาวดารกรุงรัตนโกสินทร์. กรุงเทพฯ: โรงพิมพ์จันทน์หว้า, 1958 [2501].

จุลจอมเกล้าเจ้าอยู่หัว 2009 — พระบาทสมเด็จพระจุลจอมเกล้าเจ้าอยู่หัว. พระราชวิจารณ์ในพระบาทสมเด็จพระจุลจอมเกล้าเจ้าอยู่หัว เรื่องจดหมายเหตุความทรงจำของพระเจ้าไปยิกาเธอ กรมหลวงนรินทรเทวี (เจ้าครอกวัดโพธิ์) ตั้งแต่ จ.ศ. ๑๑๒๙ ถึง ๑๑๘๒ เป็นเวลา ๕๓ ปี. นนทบุรี: ศรีปัญญา, 2009 [2552].

ดำรงราชานุภาพ 2003 — สมเด็จพระเจ้าบรมวงศ์เธอกรมพระยาดำรงราชานุภาพ. พระราชพงสาวดารกรุงรัตนโกสินทร์ รัชกาลที่ ๒. กรุงเทพฯ: กรมศิลปากร, 2003 [2546].

ทิพากรวงศ์ 2012 — เจ้าพระยาทิพากรวงศ์. พระราชพงสาวดารกรุงรัตนโกสินทร์ รัชกาลที่ ๑–๔ ฉบับเจ้าพระยาทิพากรวงศ์ (ข้า บุนนาค). กรุงเทพฯ: ศรีปัญญา, 2012 [2555].

นุชนารก 2003 — นุชนารก กิจงาม (ed.). พระราชพิธีบรมราชาภิเษก: ประวัติศาสตร์จาริตประเพณี จากพระราชนิพนธ์ ยอพระเกียรติพระบาทสมเด็จพระ

พระพุทธรูปสี่หล้านภาลัย รัชกาลที่ ๒. พระราชนิพนธ์ในพระบาทสมเด็จพระนั่งเกล้าเจ้าอยู่หัว รัชกาลที่ ๓. กรุงเทพฯ: กรมศิลปากร, 2003 [2546].

พระยาไชยวิชิต 1975 — พระยาไชยวิชิต (เผือก). ยอพระเกียรติ ๓ รัชกาล. กรุงเทพฯ: บางกระบือการพิมพ์, 1975 [2518].

พระยาตรัง 1969 — พระยาตรัง. ไคลยตันเจлимพระเกียรติ พระบาทสมเด็จพระพุทธเลิศหล้านภาลัย. กรุงเทพฯ: โรงพิมพ์คุรุสภาพระสมุร, 1969 [2512].

“The Royal Inquiries” by King Narai the Great as a Historical Source on Thai Buddhism and Politics

Mikhail Ignatiev

*Saint Petersburg State University,
Saint Petersburg
m.ignatiev@spbu.com*

I. INTRODUCTION

“The Collection of Royal Inquiries” (*Thai*: ประชุมพระราชปจฉา) is a valuable and rare historical record in Thai. The document presents questions on religious and philosophical issues (63 in total) posed by the kings of Siam to the high-ranking members of the Sangha. The introduction to “The Collection of Royal Questions” by Prince Damrong (1862–1943) mentions the famous Buddhist text “Milinda’s Questions” as an example of similar inquiries in other countries.

The royal inquiries addressed to monks and the responses from the clergy represent a unique form of interaction between the secular and ecclesiastical authorities.

On the one hand, royal inquiries and, even more so, the answers to them provided by monks often reveal the interpretations of Buddhist teachings accepted in Siam, the understanding of fundamental Buddhist concepts, interpretations of Tripitaka texts, and traditional views on time, space, and the structure of the universe. As a rule, when a conversation between a king and monks touches on doctrinal issues of Buddhism (i. e., issues of understanding the teachings of Buddha), its decipherment and

analysis present particular difficulty and require the historian to have deep knowledge of religious studies and Buddhology. Given the theological nature of most of the questions addressed to the monks, "The Collection of Royal Inquiries" can be called a "Catechism of Thai Buddhism".

On the other hand, Royal Inquiries furnish an intriguing insight into various facets of life in Siam, specifically delving into the intricate interplay between the institution of monarchy and the sangha, the peculiarities of the development of Thai Buddhism in a particular historical period, and shedding light on the domestic political landscape in the country. Finally, this document adds implicitly some touches to the portrait of the personality of the Siamese monarch, an author of an inquiry. In this respect, "The Collection of Royal Inquiries" is a valuable historical document.

II. ROYAL INQUIRIES BY KING NARAI THE GREAT

The earliest Royal Inquiries discovered date back to the 17th century and are those of the King Narai the Great who ruled from 1656 to 1688. It is known that during that period Ayutthaya was subjected to active expansion by the leading European powers of the 17th century, namely, Holland, England and France. It was the Catholic Church that was assigned a special role in the European colonization of Siam (and more broadly — all of Southeast Asia) in the 17th century. The attempts of missionaries to pave the way for an easy capture of the victim country by European powers have been studied in detail by leading Soviet and Russian experts. Thus, analyzing the activities of Catholic missionaries in Vietnam, V.N. Kolotov identifies the main methods they resorted to in order to carry out the mass Christianization of the population. The greatest success was achieved by the Jesuit missionary

Alexander de Rhode (1591–1660), who, unlike his colleagues (in particular, the Italian missionary Matteo Ricci), “focused not on ‘cultural adaptation’ but on *harsh discreditation*, which also included the *desacralization* of local traditions and cults” [Kolotov 2014: 127].

The missionaries Lambert de La Motte (1624–1679) and François Pallu (1626–1684), having arrived in Siam, made extensive use of the work of de Rhodes, endeavouring to adhere to the methodology he had outlined. As A. I. Pyleva stated, “the conversion of King Narai to Catholicism was considered by the French as the first step towards the Christianization of the country <...> and, subsequently, the unhindered use of Siamese resources on a basis beneficial to France” [Pyleva 2012: 88].

Lambert de la Motte and François Pallu therefore focused first and foremost on the conversion of King Narai, an inquisitive and enlightened man who also showed a polite interest in a religion and culture¹ that were alien to him. This interest was probably very flattering to the French missionaries, who perceived it as a sign of future success. De la Motte and Pallu also took into account the fact that Narai was strongly influenced by Constantius Falcon (1647–1688), a Greek adventurer who arrived in Ayutthaya in 1678 and made a meteoric career in a very short time.

At the same time, Narai himself, apparently, considered the success of French missionaries in Christianizing Siam unlikely and did not hinder their activities, perceiving the efforts of overseas preachers “somewhat ironically” [Berzin 1966: 58].

E. O. Berzin refers to an incident recounted in French sources, which perfectly illustrates the actual attitude of King Narai to the activities of French missionaries: “If the Christian faith allows

¹ Obviously, King Narai’s interest in France was not only cultural. His favor for the French was determined by clear geopolitical goal to find a counterweight to the influence of the Dutch. Hence the exchange of embassies in the 1680s.

such a mass of miracles to be performed, including the resurrection of the dead, he [King Narai. — *M.I.*] once remarked to Lambert, why shouldn't the bishop prove the superiority of his religion, so to speak, in practice, with some, even small (by Christian standards) miracle, for example, healing Narai's brother Chao Fa Apaytot, who was paralyzed. If this succeeds, Narai joked, then he will willingly convert to such a useful faith" [Berzin 1966: 58].

In turn, we will add some details to the portrait of King Narai, based on the information that we managed to glean from such the rare source as "The Collection of Royal Inquiries".

Of King Narai's 10 inquiries² to high-ranking monks, only two referred to the issue of *aliens*, or foreigners (*Thai*: แขกเมือง). The first one — "On the Monks Gossiping about the King" (1681) — was formulated as follows: "The monks of Wat Wang Chai gossiping about the king, that he loves aliens more than his own subjects. The king ordered them to be expelled. Is this right? [translation from Thai here and below is ours. — *M.I.*] [ประชุมพระราชาปจฉา ๒๕๕๐: 4]". The question was addressed to a high-ranking monk, Phra Phrom³; one of the courtiers was ordered to convey it. Here is the answer that was given to Narai's messenger:

Phra Phrom replied that the monks' behavior was wrong, but then asked the courtier, "Did His Majesty personally hear [these

² King Narai's royal inquiries cover different topics. Despite the obvious threat to Buddhism and the unity of the Sangha posed by the foreign presence and free activity of missionaries, most of Narai's queries were primarily of a theological character. In one case, the king reflected on the nature of *dukkha* (suffering) on the northern continent of Uttarakuru (in accordance with Buddhist cosmology), in another he was interested in the details of the last reincarnation of the Buddha, in the third he clarified the reasons for the ban on the tonsure of the *kathay*, etc.

³ Phra Phrom was most likely the *acharya* (*Thai*: อาจารย์) of King Narai, i. e. his spiritual mentor and teacher.

rumors. — M.I.]? Or did someone else hear them?” The courtier replied that he himself had heard them immediately hurried to convey them to His Majesty. Then Phra Phrom said: “If you heard them, then I cannot judge. Perhaps you are bearing false witness in order to obtain titles and wealth. And then His Majesty will commit a sin, just as I will. His Majesty did not hear anything, and I did not hear anything either, and therefore I cannot judge. Convey my words to His Majesty.” The courtier wrote down and passed on the answer to His Majesty. Then His Majesty rejoiced and said that Phra Phrom was a model of straightforwardness and honesty [ประชุมพระราชปจฉา ๒๕๕๐: 5].

The second of Narai’s questions on the subject of foreign presence in the country was as lapidary as it may be: “On Aliens” (1685). This time the conversation with Phra Phrom was conducted not by an unnamed courtier, but by one of the king’s servants, a certain Nai Sit. Let us again turn to the text of the “Collection of Royal Inquiries”:

In the year 1047 of Minor Era [in 1685 — *M.I.*], in the year of the Ox, His Majesty ordered Sit to ask Phra Phrom: “At present [in Siam — *M.I.*] many aliens are arriving. What does Phra Phrom think about this?”

Phra Phrom answered: “His Majesty has a great deal of sacred bun, that is why they are arriving [in Siam. — *M.I.*]. I have seen the reign of three monarchs, but I have never heard of aliens arriving in such numbers. And that is why there are so many of them now, because our King is sacred and powerful.”

Then Sit said: “The aliens informed me that they will arrive in even greater numbers than now. Then His Majesty ordered me to ask [Phra Phrom’s opinion on this matter — *M.I.*].”

Phra Phrom replied: “His Majesty knows everything about this, and I have nothing to add. Convey my words to His Majesty.”

Sit wrote down and conveyed the answer to His Majesty. Then His Majesty rejoiced and said: “In the speeches of Phra Phrom, wisdom and knowledge of the matter are heard. It is only a pity that he is old. If he was younger, I would consult with him on all matters in the future” [ประชุมพระราชปจฉา ๒๕๕๐: 13–14].

Such formulations do not so much clarify the situation as give rise to new questions⁴. Should Phra Phrom's last words be considered a premonition of the impending catastrophe (the question is dated 1685, i. e. only three years remained before the Siamese revolution of 1688) and the mildest criticism he could muster? Thus, should we take the entire conversation literally, denying Narai political insight, and his spiritual mentor the honesty and integrity that the king valued in him?

Let us turn to the facts: foreigners were arriving and intended to further strengthen their presence — Narai was certain about it. Unable to make a decision, the king sought the advice of a monk, whom he clearly trusted. It is noteworthy that both questions pertaining to the issue of foreign influence were posed to the same cleric, whereas Narai resorted to other authorities for resolving theological disputes.

We assume that the whole point of King Narai's dialogues with his *acharya*, the high-ranking monk Phra Phrom, was to obtain the answer the king was secretly hoping for. In the first question, hesitating to punish the monks who had plotted sedition (or really slandered), the king seemed to be waiting for the opportunity to pardon them. Credit must be given to the ingenuity of Phra Phrom, who spared Narai from having to take drastic measures and cast doubt on the very existence of a conspiracy among the monks. In the second conversation, Narai seeks and probably finds solace in the words of Phra Phrom, who considers the growing presence of foreigners (hence their growing influence) as a sheer confirmation of the prosperity of the state under his rule. Given this, enigmatic is Phra Phrom's parting remark ("I have

⁴ It is worth nothing that King Narai's royal inquiries have yet to be studied in detail. According to Thai scholar Chanin Phongsawat, who is among very few researches studying these documents, the presence of foreigners in Siam, as well as the King Narai's attention to religious affairs, testifies to the righteousness of Narai's rule [ผ่องสวัสดิ์ ๒๕๕๙].

nothing to add” [ประชุมพระราชปณิธาน ๒๕๕๐: 13]), which seems to absolve him of responsibility for the consequences of Narai’s policies. The king’s own comment (“In the speeches of Phra Phrom, wisdom and knowledge of the matter are heard” [ประชุมพระราชปณิธาน ๒๕๕๐: 14]) also takes on a new meaning in this case: the king realizes that his mentor wants to veil his concerns.

III. CONCLUSION

In any case, Narai’s appeal to Phra Phrom for approval of his state policy towards foreigners, which, as it seems to us, formed the basis of Narai’s dialogues with his spiritual teacher, testifies to the monarch’s hesitation and his inability to take concrete action. For all the merits of King Narai (in Thailand he is called “the Great” — *Thai*: มหาราช) the **weak political will**⁵ of the Siamese monarch has to be acknowledged. This was also evident in his relationship with the sangha, whose discontent ultimately led to Narai’s overthrow: “The king’s patronage of Christians displeased many monastic leaders and lay Buddhists. The final break between the king and the leaders of the sangha occurred in the early 80s of the 17th century” [Melnichenko 1996: 77]. Consequently, the king’s questions to Phra Phrom can be regarded as **a cautious attempt to clarify the position of the sangha in relation to foreigners**.

Thus, it was weak political will and underestimation of the degree of threat of foreign presence in Siam (as well as the degree of dissatisfaction with this circumstance of the majority of members of the sangha) that led to catastrophic consequences

⁵ Of course, weak political will as a personal quality of Narai could not have been the sole determining factor in the state crisis that occurred in Siam during the late 1680s. At the same time, if the king had possessed strong political will, the state crisis could probably have been avoided altogether.

for King Narai personally. However, the consequences could have been catastrophic for all of Siam, had it not been for the intervention in state affairs of the sangha, which served as a rallying point for the Siamese elite, united in their determination to rid themselves of foreign influence and religious propaganda.

REFERENCES

Berzin 1966 — Berzin E. O. Catholic Church in Southeast Asia. M.: Nauka, 1966. 320 p.

Kolotov 2014 — Kolotov V. N. Hypnosis Techniques in Missionary Activities of Jesuits in Vietnam in the XVII Century // Vestnik of Saint Petersburg University. Asian and African Studies (1), 2014. Pp. 117–133.

Melnichenko 1996 — Melnichenko B. N. Buddhism and Royal Power (Buddhism in the History of the Siamese State of the 13th — Early 20th Century). St. Petersburg: St. Petersburg State University Press, 1996. 163 p.

Pyleva 2012 — Pyleva A. I. The Work of the French Catholic Missionaries in the Context of French Geopolitical Strategy in Siam in the 17th Century // Vestnik of Saint Petersburg University. Asian and African Studies (1), 2012. Pp. 85–92.

ประชุมพระราชปจฉา ๒๕๕๐ — ประชุมพระราชปจฉา เล่ม 1, 2. กรุงเทพฯ: สำนักพิมพ์คณะรัฐมนตรีและราชกิจจานุเบกษา กรมศิลปากร, ๒๕๕๐.

ผ่องสวัสดิ์ ๒๕๕๙ — ชนินทร์ ผ่องสวัสดิ์ การศึกษาและวิเคราะห์วิสัยทัศน์ของพระภิกษุที่ปรากฏ ในพระราชปจฉาแห่งสมเด็จพระนารายณ์มหาราช // วารสารรวมบทความทางวิชาการ คณะโบราณคดี มหาวิทยาลัยศิลปากร, ฉบับที่ 2, 2559. หน้า 145–168.

Population Policy in Thailand during 1960–2000

Irada Museeva

*Saint Petersburg State University (St. Petersburg),
MGIMO University (Moscow)
irada.museeva.03@mail.ru*

In the second half of the 20th century Thailand faced rapid demographic changes that had a profound impact on its socio-economic development. After World War II, the decline in mortality rates led to unprecedented population growth. In the 1940s, the death rate was estimated at 30 per 1,000 population, but by the 1960s and 1970s it had dropped to 10 per 1,000. At the same time, the birth rate remained high, averaging 44 per 1,000 [World Bank Open Data]. This resulted in an annual growth rate of approximately 2.7 percent, described by scholars as a “population tsunami” [Prasartkul P., Thaweessit S., Chuanwan S. 2019: 18]. If sustained, such growth would have doubled the country’s population within two decades, raising concerns about its consequences for economic development, social stability, and resource distribution [NSED P 1961–1966: 6].

Recognizing the urgency of the problem, the Thai government gradually developed and institutionalized a demographic policy aimed at reducing fertility and ensuring sustainable development. Between the 1960s and 2000, population control became one of the priorities of state planning and was consistently included in the National Economic and Social Development Plans.

The first National Economic and Social Development Plan (1961–1966) emphasized that rapid population growth was one

of the main obstacles to economic progress and labor development. While the plan did not yet introduce a comprehensive demographic strategy, it recognized the necessity of state intervention [NSED 1961–1966: 6–7]. However, it was the Third National Economic and Social Development Plan (1972–1976) that marked the formal adoption of population control policies. Children were framed as an economic burden, particularly for poor households unable to afford adequate education, health-care, and living standards [NSED 1972–1976: 101]. The plan explicitly linked rapid population growth with low literacy rates, insufficient skilled labor, and limited opportunities for upward mobility.

The implementation of the family planning program relied primarily on the dissemination of modern contraceptive methods among the wider population. Tax exemptions for contraceptives were introduced, and public campaigns were launched in cooperation with private actors. A key initiative was the Population and Community Development Association (PDA) founded in 1974 by Mechai Viravaidiya, which popularized condom use, especially in rural areas. As a result, contraceptive prevalence rose from under 15% in 1970 to 60% in 1980 and 76% by 2001 [Muthuta M. 2021: 15–16].

In the Fourth National Economic and Social Development Plan (1977–1981), the Thai government announced significant changes to sterilization legislation. From that point onward, the procedure was made available not only to women with four or more children but to all who wished to undergo it. The plan explicitly stated that the decision to undergo sterilization should be made by applicants independently and should not depend on the assessment of the relevant authorities based on the number of children [NSED 1977–1981: 101]. Since 1965, the popularity of sterilization had been steadily increasing. Between 1965 and 1967, 36,000 women resorted to this method of contraception,

while by 1985 the number had risen to 216,600 in a single year. Male participation also grew markedly: the number of vasectomies increased from 3,000 in 1973 to 37,000 in 1985 [Pitaktepsombati P., Janowitz B. 1991: 625].

The implementation of the Fourth National Economic and Social Development Plan (1977–1981) unfolded in the atmosphere of political democratization that followed the fall of Thanom Kittikachon's regime in October 1973. This turning point marked the beginning of a brief period of democratic governance, which fostered higher levels of civic awareness and encouraged wider participation in debates on social issues. It was during this time that the first public discussions on reforming Thailand's restrictive abortion law emerged. Accordingly, the Fourth Plan incorporated the idea of abortion reform. Although Article 305 of the Criminal Code permitted abortion only in cases of threat to the mother's health or pregnancies resulting from rape, policy-makers began to recognize the negative consequences of illegal abortions [NESDP 1977–1981: 102]. Nonetheless, debates on abortion reform remained deeply contested. Over the following decades, repeated reform initiatives failed, as abortion continued to be opposed on the grounds of religious morality and concerns about national security, leaving the procedure prohibited in Thailand.

In addition to revising abortion legislation, the Labor Protection Act was also adjusted. The government proposed limiting maternity leave benefits starting with the fifth child [NESDP 1977–1981: 101]. Such a measure further contributed to reducing family size, as it removed state financial support for larger families. An important role in the implementation of the program was played by educational and awareness campaigns: schools introduced courses on population issues and the basics of family planning, while the mass media promoted messages that emphasized the economic burden of large families and linked contraception

to environmental protection. In this way, a new social value was promoted: the two-child family.

All these measures were consolidated in subsequent National Economic and Social Development Plans. The fifth, sixth, seventh, and eighth plans (1982–2001) placed particular emphasis on the active promotion of family planning and the implementation of relevant measures in regions with persistently high fertility rates —namely the South bordering Malaysia, the Northeast (Isan), the kingdom’s poorest region, and the Bangkok metropolitan area with its large share of migrants [NESDP 1982–1986: 179]. A new measure introduced in the Fifth Plan (1982–1986) concerned tax incentives: tax rates were reduced for unmarried individuals, an attempt by the government to encourage later marriage [NESDP 1982–1986: 180].

Thus, between the 1960s and the 2000s, the national family planning program became one of the key pillars of Thailand’s demographic policy. Fears of uncontrolled population growth prompted vigorous state action, which resulted, on the one hand, in a significant decline in fertility, but on the other, in new challenges linked to population aging and the transformation of the demographic structure. In the 1960s, Thai women of reproductive age had on average six children, far above the replacement level of 2.1. By the 1980s, fertility declined to around three births per woman, dropped close to replacement level in the 1990s, and fell further to 1.6 in the 2000s and 1.5 in the 2010s [World Bank Open Data]. Phetsting R., a Thai demographer, has justly described this transformation as a “reproductive revolution” [Phetsitong R. 2016: 181]. The decline in fertility and mortality, together with rising life expectancy, profoundly altered the age structure of the population. In 1960, only 1.2 million Thais were aged 60 or older (4.6% of a population of 26 million). By 2010, this group had grown to 8.5 million, or 12.9% of the total population (65.9 million),

marking Thailand's transition into the category of an aging society, where the share of people over 60 surpasses 10% [Our World in Data]. The share of children, which had temporarily increased in the 1960s-1970s (from 43.1% to 45.2%), steadily declined thereafter, reaching only 19.2% by the 2010s [Our World in Data].

Between 1960 and 2000, Thailand implemented one of the most comprehensive and effective population policies in South-east Asia. Beginning with a cautious acknowledgment of the risks associated with rapid population growth, the government gradually institutionalized family planning programs, expanded access to modern contraception and sterilization, and promoted new social norms regarding family size. These measures contributed to radical demographic changes, profoundly transforming the population's age structure. As a result, Thailand entered a phase of population aging, characterized by a rising proportion of elderly citizens and a declining share of children.

LITERATURE:

แผนพัฒนาเศรษฐกิจและสังคมแห่งชาติ ฉบับที่หนึ่ง ระยะที่ 1 (พ.ศ. 2504–2506) [NESDP № 1 (1961–1966 rr.)] https://www.nesdc.go.th/ewtdl_link.php?nid=3776

แผนพัฒนาเศรษฐกิจและสังคมแห่งชาติ ฉบับที่หนึ่ง ระยะที่ 3 (พ.ศ. 2515–2519) [NESDP № 3 (1972–1976 rr.)] https://www.nesdc.go.th/ewtdl_link.php?nid=3778

แผนพัฒนาเศรษฐกิจและสังคมแห่งชาติ ฉบับที่หนึ่ง ระยะที่ 4 (พ.ศ. 2520–2524) [NESDP № 4 (1977–1981 rr.)] https://www.nesdc.go.th/ewtdl_link.php?nid=3779

แผนพัฒนาเศรษฐกิจและสังคมแห่งชาติ ฉบับที่หนึ่ง ระยะที่ 5 (พ.ศ. 2525–2529) [NESDP № 5 (1982–1986 rr.)] https://www.nesdc.go.th/ewtdl_link.php?nid=3780

แผนพัฒนาเศรษฐกิจและสังคมแห่งชาติ ฉบับที่หนึ่ง ระยะที่ 6 (พ.ศ. 2530–2534) [NESDP № 6 (1987–1991 rr.)] https://www.nesdc.go.th/ewtdl_link.php?nid=3781

แผนพัฒนาเศรษฐกิจและสังคมแห่งชาติ ฉบับที่หนึ่ง ระยะที่ 7 (พ.ศ. 2535–2539) [NESDP № 7 (1992–1996 rr.)] https://www.nesdc.go.th/ewtdl_link.php?nid=3782

แผนพัฒนาเศรษฐกิจและสังคมแห่งชาติ ฉบับที่หนึ่ง ระยะที่ 8 (พ.ศ. 2540–2544) [NESDP № 8 (1997–2001 rr.)] https://www.nesdc.go.th/ewtdl_link.php?nid=3783

Chuanwan, Pratsarkul, Chamrathirong, Vapattanawonga, Hirschman 2012 — S. Chuanwan, P. Pratsarkul, A. Chamrathirong, P. Vapattanawonga, C. Hirschman. Incompleteness of Registration Data on Centenarians in Thailand // Journal of Population and Social Studies. 2012. Vol. 20. № 2. Pp. 38–54.

Muthuta 2021 — M. Muthuta. Public Policy Related to Fertility in Thailand: Past, Present and the Way Forward // International Journal of Crime, Law and Social Issues. 2021. Vol. 8. № 1. Pp. 8–21.

Phetsitong 2016 — R. Phetsitong. Gains in the Life Expectancy Due to Eliminating Major Causes of Death in Thai Older Persons // Journal of Health Research, Mahidol University. 2016. Vol. 30. № 3. Pp. 181–189.

Pitaktepsombati, Janowitz 1991 — P. Pitaktepsombati, B. Janowitz. Sterilization, Acceptance and Regret in Thailand // Institute of Population Studies, Chulalongkorn University. 1991. Vol. 44. № 6. Pp. 623–637.

ONLINE SOURCES:

Our World in Data. — URL: <https://ourworldindata.org/world-population-93-growth> (date of access 20.08.2024–12.12.2024)

Alienation and Privilege: Reading the Thai Poem *Gu Pen Nisit Nak Sueksa* ("I Am a University Student") through the Concept of the 'Superfluous Man'

Korrakot Kumhaeng

*Department of Thai Language, School of Liberal Arts
Walailak University, Thailand
Email: korrakot.ku@mail.wu.ac.th*

ABSTRACT

This article aims to analyze the poem "*I Am a University Student*" (*Gu Pen Nisit Nak Sueksa*) by Sujit Wongthes through the framework of the "Superfluous Man" in Russian literature. The concept reflects individuals who, despite their education and high potential, remain alienated, purposeless, and absorbed in personal pleasures. Sujit's poem, composed in the late 1960s, portrays Thai university students who were endowed with privilege, higher education, and confidence in their elite status, yet lived extravagantly and distanced themselves from social realities. The study suggests that the students in the poem represent not only the emerging elite but also the futility of wasted potential. The poem thus critiques both the values of the education system and a consumerist culture while raising a critical question about the future of Thai society under the leadership of a new generation of intellectuals marked by alienation and emptiness.

Keywords: Thai poetry, Sujit Wongthes, Superfluous Man, alienation, privilege

INTRODUCTION

The concept of the *Superfluous Man* in nineteenth-century Russian literature refers to male characters who, despite being talented and well-educated, feel aimless and unable to play a meaningful role in society. Such characters often stand in conflict with social norms, experience deep boredom, and pursue a life of extravagance or fleeting excitement through gambling, dueling, or complex romantic entanglements. Many discussions of this archetype begin with Alexander Pushkin's *Eugene Onegin* (1833), which scholars identify as a cornerstone in the development of the type (Hamren, 2011, p. 26). Later works elaborated this figure, such as Pechorin in Mikhail Lermontov's *A Hero of Our Time* (1840) and Oblomov in Ivan Goncharov's *Oblomov* (1859), both of whom embodied the paradox of privilege and purposelessness within the Russian intelligentsia (Brajuc, 2017; Jaehne, 1981). These figures reflect the predicament of Russia's aristocracy: endowed with education and cultural refinement, yet alienated from meaningful social roles — a condition that mirrored the broader political and social context of nineteenth-century Russia.

The *Superfluous Man* thus serves as a literary representation of the intelligentsia — an elite class trapped between Western education and progressive ideals on the one hand, and the rigid structures of Russia's feudal order on the other (Nahirny, 1961). This dissonance produced ideological conflicts that rendered them powerless to enact social or political change. Deprived of meaningful outlets for expression, many succumbed to *ennui*, manifested in drinking, nightlife, gambling, and even dueling — symbols of self-destruction among aristocrats who could not reconcile their aspirations with societal constraints.

Pushkin's Eugene Onegin epitomizes the *Superfluous Man*. Despite his privileged upbringing and refined education in St. Petersburg's high society, Onegin grows weary and aimless.

He lives a hedonistic lifestyle, rejects Tatyana's sincere love, and ultimately kills his friend Lensky in a duel — a pivotal moment that underscores his alienation and futility. The type reflects not only the disillusionment of one individual but also the broader failure of Russia's intelligentsia to transform society. Their lack of purpose, shaped by entrenched structures of power, eventually contributed to upheavals such as the abolition of serfdom in 1861 and the revolutionary movements of the following century, which marked the decline of the aristocratic class.

In a Thai context, the idea of the *Superfluous Man* resonates with Sujit Wongthes' satirical poem "*Gu Pen Nisit Nak Sueksa*" (*I Am a University Student*, 1969). Written during the so-called "Era of Breezes and Sunshine" ยุคสายลมแสงแดด (1968–1973), a politically significant period in modern Thai history, the poem portrays students as a privileged academic elite who remain detached from the struggles of the working class. While Thai students of this period were expected to become leaders of national progress, Sujit's poem depicts them instead as indulgent, elitist, and overly confident in their privileged status, prioritizing entertainment and social prestige over social responsibility. At the same time, they can be interpreted as constrained by state and military pressures that limited their political engagement, leaving them in a state of aimlessness comparable to Onegin.

Both *Eugene Onegin* and *Gu Pen Nisit Nak Sueksa* embody the *Superfluous Man* within their respective cultural contexts. Despite differences in time and place, both works reveal how social and political structures render the intellectual elite incapable of realizing their potential, leaving them alienated and conflicted. By drawing this comparison, the present article aims to analyze Sujit Wongthes' poem through the lens of the *Superfluous Man* in order to shed light on the relationship between privilege, alienation, and wasted potential among Thailand's emerging intellectual class.

In doing so, this study not only situates *Gu Pen Nisit Nak Sueksa* within a transnational framework of literary archetypes but also highlights the enduring relevance of the *Superfluous Man* beyond its Russian origins. The comparison underscores how literature can expose the contradictions of privilege and the failures of intellectual leadership across cultures. By tracing these parallels, the article ultimately invites reflection on the responsibilities of educated elites in shaping society, raising questions about whether privilege leads to meaningful engagement or, conversely, to detachment and futility.

LITERATURE REVIEW

The archetype of the *Superfluous Man* (лишний человек) first emerged in nineteenth-century Russian literature as a recurring type of the educated yet unfulfilled nobleman. Critics often identify Pushkin's *Eugene Onegin* (1833) as its earliest and most influential representation, with later examples found in Lermontov's *A Hero of Our Time* (1840), Goncharov's *Oblomov* (1859), and Turgenev's *Diary of a Superfluous Man* (1850). These figures, marked by alienation, ennui, and self-destructive indulgence, dramatize the contradictions of Russia's intelligentsia — privileged by education and status yet unable to channel their abilities into meaningful social change. The type embodies both personal failure and a broader critique of social stagnation within an aristocratic order.

Scholarly treatments of the *Superfluous Man* emphasize its centrality to nineteenth-century Russian literature as both a character type and a cultural diagnosis. Pushkin's *Eugene Onegin* (1833) is often cited as the point of origin, presenting an aristocratic figure whose privilege and refinement coexist with apathy and alienation (Hamren, 2011; Bedry, 1997). Lermontov's *A Hero of Our Time* (1840) deepened this portrayal through the character

of Pechorin, whose self-awareness and ironic detachment epitomize the restless psychology of the intelligentsia (Mysovskikh, 2022). Later, Goncharov's *Oblomov* (1859) dramatized inertia and indecision to the point of paralysis, while Turgenev's *Diary of a Superfluous Man* (1850) framed the type as a confession of futility and wasted potential (Turgenev, 1850). As Boiarkina (2024) notes, Onegin in particular fuses the melancholy of European Romantic heroes with uniquely Russian anxieties about authenticity and political stagnation, making him a lasting emblem of the intellectual caught between ideals and impotence. Together, these works reveal how the *Superfluous Man* became a recurring lens through which Russian writers interrogated the failures of their own educated elite.

In the Thai literary context, questions of privilege and alienation also surfaced during the so-called “Era of Breezes and Sunshine” (1968–1973), a period shaped by authoritarian rule and growing social inequality. University students, while positioned as an emerging elite, were increasingly detached from political engagement and became associated with consumerism, entertainment, and cultural privilege. Sujit Wongthes’ satirical poem “*Gu Pen Nisit Nak Sueksa*” (*I Am a University Student*, 1969) reflects these dynamics with biting irony. The poem portrays students as confident in their intellectual status yet ultimately preoccupied with frivolity, embodying a sense of wasted potential that resonates strongly with the archetype of the *Superfluous Man*.

Although the *Superfluous Man* has been extensively studied within Russian literature, its potential as a comparative framework for analyzing Thai texts remains largely unexplored. By reading Sujit’s poem through this lens, the present study contributes to a broader cross-cultural dialogue on how literature reveals the contradictions of privilege, alienation, and the failures of intellectual leadership.

METHODOLOGY

This study employs a comparative literary approach, drawing on the archetype of the Superfluous Man in nineteenth-century Russian literature as a critical lens for interpreting Sujit Wongthes' satirical poem "Gu Pen Nisit Nak Sueksa" (I Am a University Student), focusing on recurring motifs of privilege, alienation, and wasted potential. The poem "Gu Pen Nisit Nak Sueksa" (1969) is examined within the socio-political climate of the "Era of Breezes and Sunshine" (1968–1973), when student movements were simultaneously privileged and constrained by authoritarian state power. The analysis highlights how Sujit employs satire to critique the elitism and detachment of Thai university students, echoing characteristics of the Superfluous Man. By combining comparative literature and cultural analysis, the study underscores how a Russian literary archetype can illuminate the dynamics of Thai intellectual life. Rather than suggesting direct influence, the methodology emphasizes thematic resonance across contexts, showing how both Russian and Thai texts interrogate the contradictions of intellectual privilege in times of political and social upheaval.

RESULTS

1. THE "ERA OF BREEZES AND SUNSHINE" AND THE STATE'S MANAGEMENT OF INTELLECTUAL LIFE (EXPANDED)

The so-called "*Era of Breezes and Sunshine*" — สายลมแสงแดด (1968–1973) occupies a paradoxical place in modern Thai history. On the surface, this was a period of relative cultural openness, with universities expanding and students enjoying unprecedented access to modern education. Yet this "breeze and sunshine" was not a natural freedom but a carefully managed condition

under an authoritarian state. The Thai government and military regime encouraged students to see themselves as part of an elite class, invested with privilege and prestige, but simultaneously restricted their political agency.

Rather than participating in direct political engagement, students were subtly steered toward lifestyles of entertainment, consumption, and academic prestige divorced from social struggle. This mirrors the condition of the *Superfluous Man* in nineteenth-century Russia, where education and refinement were granted within rigid social structures that limited genuine agency. Just as Onegin and Pechorin remain paralyzed by the contradictions of privilege without power, Thai students in this era became intellectuals shaped and controlled by the state — endowed with knowledge but detached from responsibility.

2. THEMES OF PRIVILEGE AND ALIENATION OF THAI UNIVERSTUDENT IN “GU PEN NISIT NAK SUEKSA”

2.1 Privilege and Social Distance

Sujit Wongthes’s “Gu Pen Nisit Nak Sueksa” constructs the university student as a self-declared elite whose identity is performed through hierarchical address and social distance. The line “เจ้า ข้า รู้จักกูหรือไหม” (“Servants, do you know who I am?”) stages a direct interpellation of the working class, dramatizing entitlement and symbolic domination. The first-person refrain—“กูเป็นนิสิตนักศึกษา”—functions like a title repeatedly asserted, converting educational status into social capital. This performance of privilege echoes the *Superfluous Man*’s self-awareness of rank: the speaker recognizes his elevated position but translates it into display rather than responsibility. The poem thus frames the student not as a bearer of civic duty but as a custodian of prestige, already alienated from those beyond the university’s walls.

2.2 Indulgence, Spectacle, and Western Emulation

A second thematic strand of the poem highlights a student lifestyle defined not by study or civic duty but by spectacle, indulgence, and conspicuous consumption. The recurring images of attending balls, lavish gatherings, and all-night festivities (“ข้าคำนี้จะเข้าไปงานบอลล์ ... สังสรรค์ในระดับปริญญา” — “Tonight, I will roam all night long,” “a grand gathering of scholars,” “Tonight, I will attend the ball”) establish a rhythm of leisure that replaces intellectual development with rituals of display. In this context, education is not pursued for the cultivation of knowledge or the betterment of society, but as a passport to social privilege, where status is validated through visibility in elite spaces.

The boast “อเมริกาสาสอนกูเชี่ยวชาญ” (“America has taught me to be great/expert”) further intensifies this performance of privilege. Knowledge itself is commodified, not measured by its depth or critical engagement but by its symbolic association with Western modernity. By invoking “America,” the speaker adopts a shorthand for cosmopolitan authority, displaying mastery through affiliation rather than substance. This tendency illustrates what Bourdieu might call the conversion of cultural capital into symbolic capital: education functions as a badge, a mark of distinction, more akin to fashion than to intellectual vocation.

The poem, therefore, dramatizes a paradox of higher learning under authoritarian modernization: the university produces graduates fluent in the language of status but estranged from the responsibilities of social leadership. What should have been a site of critical awakening becomes instead a stage for mimicry and consumption. Read through the Superfluous Man tradition, these patterns echo the idle diversions of Onegin and the reckless pursuits of Pechorin — figures whose elegance and cosmopolitan polish mask an inner drift. The Thai student, like his Russian counterpart, appears glamorous yet directionless, intellectually armed yet existentially hollow. In both cases, education has been

reconfigured into spectacle, a performance that legitimizes privilege but forecloses transformation.

2.3 Alienation and Existential Emptiness

The poem's closing cadence turns from bravado to nihilistic clarity: “อีกไม่นานเราก็ต่างจะตายไป กอบโกยใส่ตัวเองเสียก่อนเลย” (“Soon we will all die anyway, so take what you can before it's too late”). The imperative to “grab for oneself” confesses an ethic of scarcity beneath the surface of abundance. Here alienation is not merely social distance; it becomes a metaphysical stance in which privilege forecloses solidarity and renders agency inert. The voice recognizes the vacuity of its pursuits yet chooses accumulation over transformation — precisely the tragic paradox of the Superfluous Man: awareness without action, capacity without commitment. Formally, the shift from celebratory self-presentation to fatalistic resignation tightens the poem's critique, revealing how indulgence culminates not in fulfillment but in a lucid, self-diagnosed emptiness.

Across these three strands — privilege, indulgence, and emptiness — the poem charts a coherent arc: elite identity is performed (2.1), sustained by spectacle and imported prestige (2.2), and finally exposed as existentially hollow (2.3). In comparative perspective, Sujit's student-speaker localizes the Superfluous Man within a Thai university milieu shaped by status competition and managed disengagement, thereby aligning an iconic Russian archetype with the social textures of late-1960s Thailand and preparing the ground for the poem's broader social critique in the next section.

These themes illustrate how Sujit's poem reconfigures the Superfluous Man within a Thai setting, translating the aristocratic alienation of nineteenth-century Russia into the cultural and political context of late-1960s Thailand. The poem not only exposes the contradictions of privilege and the emptiness of intellectual elitism, but also sets the stage for a broader critique

of Thai society — an interrogation of what it means for a nation to entrust its future to students who embody prestige without purpose.

3. *GU PEN NISIT NAK SUEKSA* AND THE CRITIQUE OF THAI SOCIETY

Sujit Wongthes's "*Gu Pen Nisit Nak Sueksa*" extends beyond satire of individual student behavior to deliver a broader critique of Thai society in the late 1960s. The poem interrogates four interconnected domains of social life: educational privilege, consumerist values, the limitations of the education system, and the uncertain future of national leadership.

3.1 Satire on Educational Privilege

The student-speaker repeatedly frames himself as part of an elite social stratum—"วาสนาสองสงฆ์โมสร" ("privileged and prestigious"), "มันสมองของสยามธานี" ("the intellectual elite of Siam")—while belittling commoners ("เจ้า ชีข้า รู้จักกูหรือไหม"). This satire exposes how education functions as a marker of hierarchy, distancing students from the society they are meant to serve.

3.2 Critique of Consumerism and Excessive Indulgence

The poem situates students within a culture of frivolity and spectacle, where balls, parties, and nightlife dominate the calendar. By foregrounding entertainment over intellectual labor, Sujit critiques the emergence of a consumerist ethic in which social status outweighs knowledge, virtue, or civic responsibility.

3.3 Criticism of an Education System Producing "Unconscious" Elites

Despite their pride in intellect ("มีสติปัญญาเยี่ยมลิขร" — "blessed with intellect and wisdom"), students rely on Western validation, as shown in the boast "อเมริกามาสอนกูเขียชาลาญ". Their knowledge serves not as a tool for social transformation but as a means of consolidating privilege. This reflects a systemic failure

in which higher education produces technically skilled yet socially detached elites.

3.4 Questioning the Future of a Nation

The closing lines—“รู้ไหม เห็นไหม ดีไหม” (“Do you see it? Do you know it?”)—pose an open-ended challenge to readers. If students, envisioned as the nation’s future leaders, embody indulgence and alienation rather than commitment, what trajectory will Thai society follow? The poem thus raises an urgent civic question: whether an elite defined by privilege without purpose can provide meaningful leadership for the nation.

In sun, Sujit’s “*Gu Pen Nisit Nak Sueksa*” does more than caricature a generation of privileged students; it reimagines the archetype of the *Superfluous Man* within a Thai cultural and political context. The figure of the Thai university student, simultaneously confident in intellect and entrenched in elitism, becomes a localized manifestation of wasted potential. What appears as individual arrogance in the poem is, in fact, symptomatic of larger systemic conditions: an educational system that equates prestige with social superiority, a culture of consumerism that equates success with spectacle, and a political structure that rewards compliance over critical engagement.

In this sense, the poem highlights a double bind. On the one hand, students inherit symbolic capital — Western knowledge, elite credentials, and cultural refinement — that should equip them to act as transformative leaders. On the other hand, these very forms of privilege become mechanisms of alienation, pulling them away from the struggles of ordinary people and insulating them from meaningful political agency. Much like Onegin’s estrangement from Russian provincial society, the Thai student in Sujit’s verse is not only indifferent but structurally prevented from pursuing genuine social responsibility.

This critique extends beyond the student figure to implicate Thai society as a whole. If the nation’s most privileged youth

embody detachment and futility, then the question is not simply about their failure as individuals but about the reproduction of a social order that sustains such failure. The open-ended refrain—“รู้ไหม เห็นไหม ตีไหม” (“Do you see it? Do you know it?”)—is less a rhetorical flourish than an invitation for collective reflection: whether society will continue to entrust its future to elites who live in splendid isolation, or whether it will demand a reorientation of education and privilege toward public good. In this way, the poem transforms the Russian archetype of the *Superfluous Man* into a distinctly Thai allegory — one that critiques not only personal emptiness but also systemic complicity in perpetuating alienation and wasted potential.

DISCUSSION AND CONCLUSION

This study has examined Sujit Wongthes’s “Gu Pen Nisit Nak Sueksa” through the comparative lens of the Superfluous Man, a literary archetype that emerged in nineteenth-century Russian literature. The analysis has shown how the poem stages themes of privilege, indulgence, and existential emptiness, mapping the Russian figure of wasted potential onto the Thai student culture of the late 1960s. Like Onegin or Pechorin, Sujit’s student-speaker embodies education without engagement, intelligence without responsibility, and privilege without purpose.

At the same time, the poem’s critique is distinctly Thai. It reflects the paradox of the “Era of Breezes and Sunshine,” when the state celebrated higher education while simultaneously curbing intellectual agency. The students’ alienation, therefore, is not only a matter of individual arrogance but also the outcome of systemic forces — educational structures that prize prestige, cultural norms that valorize consumption, and political conditions that foster disengagement. The archetype of the Superfluous Man thus becomes a transnational tool for understanding how elites,

whether Russian aristocrats or Thai university students, may be trapped by privilege into irrelevance.

Ultimately, Sujit's poem raises a question that extends beyond its historical moment: what becomes of a society whose most privileged intellectuals embrace self-indulgence and detachment rather than responsibility and transformation? By situating "Gu Pen Nisit Nak Sueksa" within a broader comparative framework, this study underscores the enduring value of literature in exposing the contradictions of education, privilege, and power. The poem does not merely satirize student life; it compels readers to reflect on the fragile foundations of social leadership and the risks of entrusting the nation's future to a generation of elites who resemble, all too closely, the Superfluous Man.

REFERENCES

Bedry, S. M. (1997). The "Superfluous Man" in nineteenth-century French literature (Doctoral dissertation). University of Glasgow.

Boiarkina, P. V. (2024). Onegin type of hero in the Russian poetry of 1840s and 1850s. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo Universiteta. Yazyk i Literatura*, 21(2), 304–319.

Brajuc, V. (2017). The Reflective Hero in Russian Literature and Soviet Cinema (from Onegin and Oblomov to Zilov). *Limbaș și context. Revista internațională de lingvistică, semiotică și știință literară*, (2), 65–86.

Hamren, K. (2011). *The Eternal Stranger: The Superfluous Man in Nineteenth-Century Russian Literature*. Liberty University.

Jaehne, K. (1981). Rehabilitating the Superfluous Man: The Films in the Life of Nikita Mikhalkov. *Film Quarterly*, 14–21.

Mysovskikh, L. (2022). Grigory Alexandrovich Pechorin — a superfluous man or a Russian existential hero? *Kul'tura i Tekst*, 49, 77–85.

Nahirny, V. C. (1961). *The Russian intelligentsia: from men of letters to men of convictions* (Doctoral dissertation, The University of Chicago).

Turgenev, I. (2017). *The Diary of a Superfluous Man by Ivan Turgenev-Delphi Classics (Illustrated)* (Vol. 7). Delphi Classics.

Comparing Russian-Thai Verbal Aspect on the language typological level

Paopak Wichiensin

*University of Vienna, Vienna,
wichiensin.pao@gmail.com*

1. INTRODUCTION

This research paper aims to compare the aspect between Russian and Thai. Crucial in the Russian language, aspectology holds its place as a separate systematic grammatical category. In Thai, however, aspect is not precisely defined as a category and only intuitively understood by native speakers. As comparative studies on aspects between Russian and Thai is a relatively new field, this paper aims to facilitate Thai students who are learning Russian as a foreign language and vice versa. This paper makes an aspectual comparison at the level of language typology, focusing on the structural features, as this characteristic is distinctive and serves as a basis for further research. By filtering Thai aspectual markers to Dahl's definition, this analysis compares the Thai aspects to the Russian imperfective and perfective, also in accordance with Dahl's framework.

2. LANGUAGE TYPOLOGY

The typological classification of languages this research focuses on are synthetic features, which include inflectional and agglutinative features, and analytical-isolating features. Synthetic

features appear when the grammatical functions of a word are shown through morphemes or other means [Schlegel 1881:16]. When a morpheme in a particular language contains different grammatical meanings, the language is called an inflected language [Roelcke 1997:28]. This is found in the Indo-European language family, such as Russian and German.

An affix in an agglutinative language only expresses one meaning [Kern and Zutt 1977:10]. In order to express different meanings of a word, different morphemes must be utilized. This feature is found in Turkish, Japanese, and Korean. This phenomenon is significant because the use of aspectual markers and affixes to convey aspects in Thai and Russian involves semi-agglutinating features. To illustrate, it can be argued that the verb «*чумамь* — *почумамь*» is an example of how a prefix has semi-agglutinating characteristics because the prefix «*по*» in this case only has the grammatical function of perfectivity.

In analytic-isolating languages, grammatical functions can be expressed through word order. Each word form remains the same in every situation [Coulmas 1982:29]. Examples include Chinese, Vietnamese, and Thai. For example, in the sentence “ฉันอ่านหนังสือหลายเล่ม” the subject “ฉัน” means “I”; the verb “อ่าน” means “to read”; “หนังสือ” is the object because it comes after the subject and verb; the marker “หลาย” suggests there are many books; finally, “เล่ม” is a classifier of the book. The word order can hardly be changed because it would alter the meaning of the sentence. Therefore, it could be concluded that sentences in Thai are structured as subject-verb-objects.

3. GENERAL ASPECTOLOGY

Aspectology is a linguistic discipline that deals with aspects. Aspect is the representation of the temporal quality of the action,

but not the time of the action. The meaning of the perfective-imperfective aspect pair is the subject of much controversy.

According to Comrie, he defines aspects in terms of perfective and imperfective as follows: "Perfectivity means that a situation is viewed as a single whole, without distinguishing the various phases that make up the situation, while imperfectivity focuses essential attention on the internal structure of the situation" [Comrie 1976:16].

This definition is used in mainstream academia. For example, when comparing the verbs «*прочитать*» and «*читать*», it can be seen that the verb «*прочитать*» refers only to the entire action. It means the entire action of having read something to the end, while the details of the action are unnecessary. Conversely, with the verb «*читать*» (reading), the details of the action are necessary because the verb usually denotes the ongoing action of reading.

Dahl, on the other hand, argued that perfectivity is not considered a single/ The verb «*написать*» illustrates this concept. If there is no limitation of objects in the sentence containing the verb «*написать*», the sentence is considered illogical due to the fact that perfectivity is used with a limited action [Dahl 1985a: 75]. In this case, it means "writing to the end". Writing without an end can also be considered a single whole. Therefore, the important point for perfectivity should not be wholeness, but boundedness. He also cited another example of perfectivity that contradicts Comrie's definition. This is the perfective verb «*потанцевать*», because it demonstrates the quantitative reduction of the action «*танцевать*» [Dahl 1985a: 75].

Dahl also raised another criticism of Comrie's definition of imperfectivity through the English example "*John was sitting on the chair*" [Dahl 1985b: 76]. Dahl shows that the internal structure of the action "*sitting*" is useless because the situation is not a process. Therefore, it makes more sense to consider the situation as a whole, even though it is an imperfective verb.

According to Dahl, perfectivity is a single, well-defined event with a final state, usually in the past. At the same time, it is a transformation from its previous state to its opposite. Ultimately, duration is not important [Dahl 1985c: 78]. The reason he omitted the definition for imperfectivity is the argument that perfectivity is a marked form. This means that perfectivity is a special form, and imperfectivity can be considered something outside of perfectivity.

Dahl's definition is chosen, based on research that has included more non-Indo-European languages than other works. This fact is significant because this research focuses on the comparison between Indo-European languages (Russian) and non-Indo-European languages (Thai). Another point is that, in previous literature, only Comrie's definition has been applied to the reality of the Thai language. Therefore, this paper is the first application of Dahl's definition to the comparison of verbal aspects between Russian and Thai.

This definition isolates and filters the uncorrelated semantic meaning of Thai aspectology. This leaves only the Thai aspectological constructions, which fit Dahl's definition, that could be compared to the corresponding constructions morphologically and syntactically with constructions in Russian aspectology.

4. ASPECTUAL CONSTRUCTION IN RUSSIAN

According to Dahl's research, verbal aspects include not only perfective and imperfective, but also progressive aspects.

4.1 SYNTHETIC CONSTRUCTION OF THE IMPERFECTIVE ASPECT

The imperfectivity of Russian verbs is expressed through the conjugation of the main form of the verb. Different means exist to express the imperfective, which include semi-agglutinative features like infixation and suffixation.

The example of the verb «прочитать» shows a special construction of the imperfective through infixation, in this case, the verb «прочитать» with the morpheme «ты».

читать — прочитать — прочитывать

Subject	imperfective (читать)	perfective (прочитать)	imperfivitation through infigation (прочитывать)
1st Person singular	<i>Читаю</i>	<i>Прочитаю</i>	<i>Прочитываю</i>
2nd Person singular	<i>Читаешь</i>	<i>Прочитаешь</i>	<i>Прочитываешь</i>
3rd Person singular	<i>Читает</i>	<i>Прочитает</i>	<i>Прочитывает</i>
1st Person plural	<i>Читаем</i>	<i>Прочитаем</i>	<i>Прочитываем</i>
2nd Person plural	<i>Читаете</i>	<i>Прочитаете</i>	<i>Прочитываете</i>
3rd Person plural	<i>Читают</i>	<i>Прочитают</i>	<i>Прочитывают</i>

The imperfectivization of perfective verbs is possible through suffixation. «Выливать» is considered an example of this phenomenon [Forsyth 1970b: 28]. The perfective form of «лить» is «вылить». According to this, the morpheme «вать» is added to the end of the verb «вылить» to form the imperfective form of the verb. This phenomenon can be seen in the following table.

лить — вылить — выливать

Subject	imperfective (лить)	perfective (вылить)	imperfectiviza- tion through suffigation (выливать)
1st Person singular	<i>Лью</i>	<i>Вылью</i>	<i>Выливаю</i>
2nd Person singular	<i>Льёшь</i>	<i>Выльёшь</i>	<i>Выливаешь</i>
3rd Person singular	<i>Льёт</i>	<i>Выльет</i>	<i>Выливает</i>
1st Person plural	<i>Льём</i>	<i>Выльем</i>	<i>Выливаем</i>
2nd Person plural	<i>Льёте</i>	<i>Выльете</i>	<i>Выливаете</i>
3rd Person plural	<i>Льют</i>	<i>Выльют</i>	<i>Выливают</i>

The demonstration that synthetic features are at the forefront of the imperfective aspect in Russian. However, in special cases of imperfective verbs such as «прочитывать» and «выливать», the imperfective can be demonstrated through semi-agglutinative features like infixes and suffixes.

4.1.2 SYNTHETIC CONSTRUCTION OF THE PERFECTIVE ASPECT

The perfective aspect is usually achieved by changing the stem or prefix such as the verb «вступать — вступить», «кипятить — вскипятить»:

вступать — вступить

Subject	imperfective (вступать)	perfective (вступить)
1st Person singular	<i>Вступаю</i>	<i>Вступлю</i>
2nd Person singular	<i>Вступаешь</i>	<i>Вступишь</i>
3rd Person singular	<i>Вступает</i>	<i>Вступит</i>
1st Person plural	<i>Вступаем</i>	<i>Вступим</i>
2nd Person plural	<i>Вступайте</i>	<i>Вступите</i>
3rd Person plural	<i>Вступают</i>	<i>Вступят</i>

The verb «вступать — вступить» demonstrates the construction of the perfective form of the verb through the change of the stem. It can be seen that the vowel has changed from «а» in the imperfective form to «и» in the perfective form. The two verb forms also have different inflectional paradigms due to the change of the vowels in the stem mainly in first person singular and 3rd Person plural. This demonstrates the synthetic characteristics of imperfective and perfective verbs.

Subject	imperfective (кипятить)	perfective (вскипятить)
1st Person singular	<i>Кипячу</i>	<i>Вскипячу</i>
2nd Person singular	<i>Кипятишь</i>	<i>Вскипятишь</i>

Subject	imperfective (кипятить)	perfective (вскипятить)
3rd Person singular	<i>Кипятит</i>	<i>Вскипятит</i>
1st Person plural	<i>Кипятим</i>	<i>Вскипятим</i>
2nd Person plural	<i>Кипятите</i>	<i>Вскипятите</i>
3rd Person plural	<i>Кипятят</i>	<i>Вскипятят</i>

In this case, the verb «кипятить — вскипятить» demonstrates that the perfective can be formed through prefixation [Forsyth 1970a: 18–19]. This is a semi-agglutinating feature of Russian aspectology through the use of a prefix, since the prefix «в» only contains the grammatical function of the perfective aspect. If it is a purely agglutinating feature, the inflectional paradigm at the end of the verb is not necessary for the construction of the perfective form of the verb «кипятить».

It is suggested that the synthetic feature plays the main role in the perfectivization of the verb. The semi-agglutinating feature follows, as it only applies to one example («кипятить») with a synthetic feature at the end (the conjugation).

4.2 POSSIBLE CONSTRUCTIONS FOR PROGRESSIVE ASPECT

According to Dahl, Russian does not have a specific category for progressive aspect, yet there is a semantic meaning, which can be expressed mainly through analytical construction. If Dahl's definition of perfectivity is taken, only the imperfective aspect in the present can be used in such constructions.

In Russian, different temporal adverbs like Сейчас are used to indicate progressiveness, for example, «Я сейчас говорю по-русски». This means "I am speaking Russian now". Only with the adverb «Сейчас» can it be understood that the action is taking place in the present. This example exhibits analytical features be-

cause the adverb *сейчас* cannot be conjugated and only function as a whole word.

5. ASPECTUAL CONSTRUCTION OF ASPECT IN THAI

Aspects in Thai are very different from Russian as it is constructed through different aspectual markings. Thai is not a synthetic language like Russian or other Indo-European languages, but an analytic language. Therefore, there are no conjugations or inflections to express different persons, tenses, or aspects; instead, different markings are used for different purposes.

According to Dahl, Thai has no perfective or imperfective aspect, yet it only has progressive aspect with the aspectual marker “กำลัง” [kamlaŋ] or with the verb + auxiliary construction “อยู่” [yuú]. Conversely, the work “Syntax of Thai Aspect” (2005) presents other approaches, stating that Thai also has perfective and imperfective aspect, which is expressed by different aspectual markers such as “กำลัง” [kamlaŋ], “อยู่” [yuú], and “เสีย” [sia]. The different aspectual markers and their correlated semantics with Russian will be compared and discussed in subsequent sections.

5.1 ANALYTICAL CONSTRUCTION

Thai is an analytic language. The normal sentence order is subject-verb-object. Furthermore, there is no inflection for verbs or nouns. This is quite the opposite of Russian. The analytical feature is further expressed by an example using the progressive aspectual marker “กำลัง” [kamlaŋ].

The sentence “ฉันกำลังกินหมู” means “I eat pork” in German and «Я ем свинину» in Russian. The first word “ฉัน” is a noun meaning “I” and is considered the subject of the sentence. “กำลัง” is the progressive aspectual marker. “กิน” is a verb meaning “to eat” and is considered the predicate of the sentence. Finally, “หมู” is a noun

meaning “pig” and is considered the object of the sentence. In this case, it can be seen that Thai does not have inflections like the German verb “essen” and the Russian verb «есть» and the noun «свинина», and the role of the word in a sentence is determined solely by its position.

The sentence “ฉันกินกำลังหมู” only changed the position of the verb กิน and the aspectual marker กำลัง, yet it completely changed the meaning of the sentence. The sentence means “I eat the strength of the pig” because “กำลัง” after the verb “กิน” is a noun meaning “strength.” The word “หมู” has the same meaning as pig, but it also functions as a genitive, because when two Thai nouns are put together one after the other, the second word acts as a genitive of the first.

These two examples show that Thai is an analytical language in terms of aspect. The changing of word order can change not only the function of a word in a sentence, but also the meaning of the word.

5.2 CONSTRUCTION VON ASPEKT IN THAI THROUGH THE USAGE OF ASPECTUAL MARKER

Before the Verb	After the Verb
“กำลัง” kamlaj (Progressiv)	“อยู่” yuú (Imperfective)
“เสีย” sia (Perfective)	

This is a concise table from Table 1 of “The Syntax of Aspect in Thai” [Koenig and Muansuwan 2005: 341]. There are different aspectual markers in Thai, which are argued to represent a perfective or an imperfective aspect. This aspectual marker was chosen by the authors because it correlates with the definition of aspectual markers according to Moen and Steadman [Moen and Steadman 1988: 15–28] and de Stewart [de Stewart 1998: 347–385]. It is argued that aspectual markers can be considered event-descriptive modifiers.

The question is whether the meanings of these aspectual markers correlate with Dahl's definition of perfective aspect as mentioned.

“อยู่” [yuú] is an imperfective marker that can simultaneously contain the ability of the verb “to be” when placed directly after the subject. However, after the verb, it is considered an imperfect aspectual marker.

An example of this is “ฉันกินอยู่”, which means “I am eating” and “ฉันวิ่งอยู่”, which means “I am running”. This instance, contrary to Dahl's definition of the perfective aspect, includes an imperfective aspect, as previously argued. With “อยู่” [yuú], the meaning of the sentence has become more imperfect, because the action in the sentence is continuous and not a single event with a final state. Furthermore, it is in the present tense. However, “อยู่” [yuú] makes sense in sentences that are in the past tense, e. g. “เมื่อวานฉันกินข้าวอยู่” (Yesterday I ate rice; Вчера я ел рис). Nevertheless, the imperfective aspect can also have meaning in the past tense. Therefore, it correlates with Dahl's definition.

“เสีย” [sia] is a perfective marker. As a verb itself, “เสีย” [sia] means “lost”. It completes the action when placed after the verb. For example, “I ate all the rice”, meaning “ฉันกินข้าวเสียหมด”, contains the features according to Dahl's definition. The action “eating” has become a single event after the insertion of aspectual markers because the action of eating has already been completed. This sentence will also have a precise status. Before the action, there was still rice, and after the action, there was no more rice. The aspectual marker “I ate all the rice” is valid within the framework of Dahl's definition.

6. COMPARISON WITH RUSSIAN FOR SEMANTICALLY CORRELATED ASPECTUAL CONSTRUCTIONS IN THAI AT THE LINGUISTIC TYPOLOGICAL LEVEL

6.1 IMPERFECTIVE ASPECT

Comparing the following sentences: 1) I'm running in the park. 2) Я бегаяю в парке 3) ฉันวิ่งในสวนสาธารณะอยู่. It can be said that the imperfective in Russian is expressed by the conjugated verb “бегать” in the first-person singular. Conversely, the imperfectivity Thai is indicated by the aspectual marker “อยู่” [yuú].

Comparing the following sentences: 1) She works on the electronic system. 2) Она разрабатывает электронную систему. 3) เธอพัฒนาระบบอิเล็กทรอนิกส์อยู่. The imperfectivity Russian is presented by the infix “-тъ.” In Thai, the imperfectivity is expressed only by “อยู่” [yuú].

Comparing the following sentences: 1) I pour water on the flowers. 2) Я выливаю воду на цветы. 3) ฉันรดน้ำต้นไม้อยู่. The imperfectivity in this case is expressed in Russian by a suffix. It is formed from the perfective verb «вылить» to «выливать». The suffix «-вать» shows imperfectivity. As always in Thai, the imperfectivity is made clear by “อยู่” yuú.

6.2 PERFECTIVE ASPECT

Comparing the following sentences: 1) After a quarrel, he joined a cult. 2) После ссоры он вступил в секту. 3) หลังจากทะเลาะกัน เขาเลยไปเข้าลัทธิเสีย. The example shows that the perfectivity in Russian is expressed by inflection. The perfective verb вступить is formed by changing the stem of the imperfective verb вступать. It changes from «а» to «и». Conversely, perfectivity in Thai is represented by “เสีย” [sia]. Furthermore, it can be considered that

the aspectual marker is placed after the object. This usually happens with transitive verbs.

Comparing the following sentences: 1) Anya boiled some water. 2) Аня вскипятила немного воды. 3) อันยาต้มน้ำเสียน้อย, this example shows that perfectivity in Russian is formed by a prefix. The imperfective verb «кипятить» is perfected by the prefix «в» and becomes «вскипятить». Contradictorily, the perfectivity in Thai is articulated only by “เสียน” [sia].

7. CONCLUSION

The aspectual system in both languages has different manifestations. According to linguistic typological assumptions, Russian is a synthetic language, while Thai is an analytic language. In Russian, aspect is systematically regulated by two forms of the same verb: the imperfective and the perfective. Furthermore, there are synthetic features, such as the change of the stem, which are shown by semi-agglutinative features such as prefixes (especially in perfectivity), suffixes, and infixes. In contrast, aspect in Thai is unsystematic, as the aspectual markers can be nouns or verbs. It is regulated by analytical features with emphasis on word order. The aspect is expressed and exhibited very differently in both languages.

8. REFERENCES

Comrie 1976 — Bernard Comrie. *Aspect an introduction to the study of verbal aspects and related problems*. Cambridge: Cambridge University Press, 1976.

Coulmas 1982 — Florian Coulmas. *Über Schrift*. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1982.

Dahl 1985 — Östen Dahl. *Tense and Aspect Systems*. Oxford: Basil Blackwell, 1985.

De Swart 1998 — Henriëtte De Swart. *Aspect Shift and Coercion*. Vol. 16: *Natural Language and Linguistic Theory*. Utrecht: Springer, 1998.

Forsyth 1970 — James Forsyth. *A Grammar of Aspect Usage and Meaning in the Russian verb*. London: Cambridge University Press, 1970.

Kern and Zutt 1977 — Peter Kern and Herta Zutt. *Geschichte des deutschen Flexionssystems*. Tübingen: Niemeyer. 1977.

Koenig and Muansuwan 2005 — Jean-Pierre Koenig and Nuttanart Muansuwan. *The syntax of aspect in Thai*. Vol 23: *Natural Language and Linguistic Theory*: Springer, 2005.

Moens and Steedman, Marc und Mark (1988): *Temporal ontology and temporal reference*. *Computational Linguistics*.

Thorsten 1997 — Roelcke Thorsten. *Sprachtypologie des Deutschen*. Berlin: De Gruyter, 1997.

Schlegel 1881 — August Wilhelm Schlegel. *Observations sur la langue et la littérature provençales*. Paris. 1881.

Содержание

От составителя	3
Editorial Note	6
<i>А. М. Космаков, Ангсана Ручеангдам</i> Роль лингвострановедческого подхода в поддержании мотивации учащихся (на примере материалов из истории взаимоотношений России и Таиланда)	9
<i>П. А. Максименко</i> Развитие формы пранга в архитектуре Таиланда	27
<i>А. И. Мальцева</i> Таиланд в судьбе и научной карьере археолога Х. Ван Гекерена	35
<i>А. А. Мантейфель</i> Лакорны: индустрия развлечений Таиланда как инструмент «мягкой силы»	44
<i>Натчиван Мекратанакулпат</i> Прогноз фонетических нарушений в тайской речи русских учащихся	56
<i>Е. А. Панфилова</i> Окно в «культурную» Европу: приобщение Сиам к мировому научно-техническому прогрессу в период установления первых контактов с Западом (1511–1688 гг.)	65
<i>Ангсана Ручеангдам</i> Наименования человека, мотивированные предметной лексикой в русском и тайском языках: семантический анализ	75
<i>Е. О. Rogov</i> Банкноты Таиланда: иконография и исторический контекст (с 1902 г. до начала XXI в.)	91
<i>П. С. Травкин</i> Современное положение и перспективы военного сотрудничества Индонезии и Таиланда	98

Kseniia Aniskevich

- A real threat to stability? Some declassified cia reports
on the communist insurgency in Thailand.....106

Alexandre Barthel

- The Anti-Japanese Movement in Siam (1937–1941) 116

Thomas Bruce

- Deified chinese migrants: the enshrinement
of the sino-thai achievement.....146

Jan R. Dressler

- Anecdotes from the Early History of the Chakri Dynasty –
An Annotated Edition of an Anonymous Historical Account
from the Archival Estate of Henry Burney.....158

Mikhail Ignatiev

- “The Royal Inquiries” by King Narai the Great
as a Historical Source on Thai Buddhism and Politics.....182

Irada Museeva

- Population Policy in Thailand during 1960–2000 190

Korrakot Kumhaeng

- Alienation and Privilege: Reading the Thai Poem
Gu Pen Nisit Nak Sueksa (“I Am a University Student”)
through the Concept of the ‘Superfluous Man’ 196

Paopak Wichiensin

- Comparing Russian-Thai Verbal Aspect
on the language typological level.....209

Научное издание

**Чтения памяти Б. Н. Мельниченко
и С. Е. Трифонова**

Материалы Третьей международной
научной конференции
14–15 марта 2025 г.

Оригинал-макет *М. А. Гунькин*

Подписано в печать 30.10.2025. Формат 60×90/16
Бумага офсетная. Печать офсетная
Усл.-печ. л. 14. Тираж 40 экз. Заказ № 1137

Отпечатано в типографии «Поликона»
(ИП А. М. Коновалов)
190020, Санкт-Петербург, наб. Обводного канала, д. 134